

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

Общественный совет журнала

Мухаммад АЛИ
Баходыр АХМЕДОВ
Анатолий БАУЭР
Владимир ВАСИЛЬЕВ
Анатолий ЕРШОВ
Николай ИЛЫН
Абдухаким ФАЗИЛОВ
Раим ФАРХАДИ
Лариса ЮСУПОВА

И. о. главного редактора
Сирожиддин РАУФ

Зам. главного редактора
Клавдия ПАНЧЕНКО

Ответственный секретарь
Бахтиёр АЛЛАМУРОД

Редакторы:
Елена ЮРЧЕНКО
Елена ДОЛГОПОЛОВА

Республика Узбекистан
Ташкент

Алексей УСТИМЕНКО

ДЕРВИШ, ДЕЛАЮЩИЙ ЧУДЕСА

Эссе

Можно многое книжное написать и не стать нужным даже одиноко читающим людям. Потому что во всем тобою написанном – пусть это будет сюжетная игра с тем же временем в фантастике, его полугазетное отражение в прозе о современности или в мастеровито-документальных реставрациях исторических реминисценций – ни самым малым живым отголоском не откликнулось само время. Твое. И твоих читателей. Да ведь и редко кому удается даже в теме древнейших, в глубину лет запрятанных, но объясненных событий услышать и понять свои дни...

проза

караван истории

Николай КРАСИЛЬНИКОВ

КОРАБЛИК ТАЛГАТА

Нет, первые рассказы Нигматулина не были ученическими. По ним было видно, что Талгат уверенно владеет словом, умело лепит образы героев, сюжет... Умеет разглядеть в обычной примелькавшейся картинке что-то новое, заставляющее обратить внимание, задуматься, улыбнуться или грустить.

Именно на таком поле проходит незримая межа, которая отделяет холодного ремесленника от будущего мастера.

Нодир НОРМАТОВ

ГРАНАТОВЫЙ САД

Рассказ

Много лет спустя, когда горечь утраты поутихла, дядя рассказал мне, что за день до своей смерти Мария дала дяде маленький, с орех, узелок и попросила: «Когда я умру, вложите это в саван. Только, пожалуйста, не открывайте».

...После ее смерти он вспомнил об этом узелке и терзаемый любопытством нарушил обещание и открыл его. Оказалось, это был маленький крест. Мария не была верующей. Но, видимо, она хотела унести с собой в последнюю обитель эту единственную память о матери и родной земле.

переводы

ПОЭЗИЯ

Татьяна ИВЛЕВА

Берег дальний

Пунктиром высветив дугу,
Ещё горит звезда летящая,
Приметой юности манящая
На том, на дальнем берегу.

Всё дальше, дальше мой паром,
А берег дальний всё отчётливей,
Как строчка в сердце, что подчёркнута
Воскресшей памяти пером.

Юлия МОРОЗОВА

КАТЕГОРИЯ «ПРЕКРАСНОГО» В ЖАНРЕ РАССКАЗА

Антитеза «слепой – зрячий» является философской доминантой рассказа. Эта понятийная пара рассмотрена в двух параллельных плоскостях: в реальном мире – это слепой старик, зрячий лирический герой – в ирреальности, наделенный зоркостью души. ... «Сынок, – произнёс старик, – окружающий мир я представляю совсем по-иному. Да, я не вижу, но душа-то моя не ослепла! Я рисую и создаю свой мир у себя в голове, и кто знает, чья радуга волшебнее, красивее, – улыбнулся он. – Ваш мир, который вы видите, но не можете даже изобразить, или мой, который я не вижу глазами, но могу сотворить сотни раз благодаря неограниченным возможностям ума!»

литературоведение.
литературная критика

НОВЫЕ ИМЕНА

Андрей ТОЛОКОННИКОВ

РАЗБОРЧИВЫЙ ПАЦИЕНТ

Рассказ

Повернувшись к сестре и всплеснув руками, этот здоровенный мужик высоким, почти женским, голосом потрясённо воскликнул:

- Нет, вы слышали – он ступню мне хочет показать!
- Возмущению моему не было предела.
- Но палец-то на ступне!
- И поэтому вы пришли к проктологу?

СОДЕРЖАНИЕ

Никто не забыт, ничто не забыто...

Владимир КУДРЯВЦЕВ. Бессмертный полк.5

ПРОЗА

Марат БАЙЗАКОВ. Не надо. Трилогия.6

Алексей УСТИМЕНКО. Дервиш, делающий чудеса. Эссе. ...10

Джасур ИСХАКОВ. Асик, или сны о старом Ташкенте.

Повесть.31

Вера ВАВИЛОВА. Виртуальная жизнь. Рассказ.64

Николай ПОПОВ. Записки мигранта. Рассказ.138

ПОЭЗИЯ

Татьяна ИВЛЕВА. Берег дальний.20

Николай ИЛЬИН. Петербургские сны.95

НОВЫЕ ИМЕНА

Виктор КАЛИНКИН. Гастарбайтеры. Рассказ.8

Анна ТУКИНА. Жажда любви.66

Андрей ТОЛОКОННИКОВ. Разборчивый пациент.

Рассказ.69

Шухрат БАТЫРОВ. Заговор. Рассказ.91

Галина ШВЕДОВА. Встреча. Рассказ.113

ПЕРЕВОДЫ

Нодир НОРМАТОВ. Гранатовый сад. Рассказ. Перевод

с узбекского Гавхар Норматовой.23

Сирожидин РАУФ. Мерцает свет надежды. Перевод

с узбекского Ларисы Юсуповой.28

Хабиб СИДДИК. Неожиданные итоги. Рассказы. Перевод

с узбекского Кадира Насирова.78

Озод МУМИН ХОДЖА. Исцеленное сердце. Рассказ.

Перевод с узбекского Тимура Гулямова.120

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Раим ФАРХАДИ. Из неизданного.58

Игорь ТРОИЦКИЙ. Окрыленное сердце поэта.63

КАРАВАН ИСТОРИИ

Николай КРАСИЛЬНИКОВ. Кораблик Талгата.82

Михаил ТАТАРНИКОВ. Городской сквер.126

ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

Владимир КАРАСЕВ. Краски нового мира. Эссе.97

Нафиса ГИЛЬМАНОВА. Культурное наследие

Темуридов.130

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Юлия МОРОЗОВА. Категория «прекрасного» в жанре

рассказа.74

Мухаммаджон ХОЛБЕКОВ. Переводы Бабур на фран-

цузский язык.115

Дмитрий ПУПОНИН. Любовная лирика в книге «Боси-

ком по облаку».134

Хроника литературной жизни152

На 3-ей и 4-ой страницах обложки журнала картины
Любови Тиора.

Звезда Востока

2017 № 3

Учредитель

Союз писателей Узбекистана

ИНДЕКС – 831

Журнал зарегистрирован
Узбекским агентством печати и
информации
Reg. № 0296
05.02.2016 г.

Адрес редакции:

100027. Ташкент, ул. Узбекистанская,
д.16 А (5 этаж).

Тел: 245-27-87.

E-mail: zvezdavostoka1932@mail.ru

web-site: www.zvezdavostoka.uz

Дизайн, верстка, оригинал-макет

Мадина Абдуллаева

Подписано в печать 08.06.2017 г.

Формат 70x108 1/16. Печать офсетная.

Усл. п.л. 13,3. Уч.изд.л. 14,86

Тираж 870 экз. Заказ

Цена договорная.

Отпечатано в типографии

ИПТД имени Гафура Гуляма.

г. Ташкент, Шайхантахурский район,

ул. Лабзак, д. 86

Редакция журнала уведомляет
авторов о том, что к рассмотрению
принимаются рукописи,
выполненные в компьютерном наборе
объемом не более 50 страниц.Набор текста в любом формате с
приложением электронного варианта
и распечаткой.Рукописи не возвращаются и
не рецензируются.Письменные заключения не даются.
Мнение авторов может не совпадать
с мнением редакции.Перепечатка без согласия редакции
не допускается.Ссылка на журнал «Звезда Востока»
обязательна.

Copyright © «Звезда Востока»

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО...

72 года со дня Великой Победы над фашизмом

Бессмертный полк

Они остались на полях сражений,
Не уступив последний свой редут,
Но в памяти спасенных поколений
Они, из пепла вставшие, живут.

От холмиков, дотоле безымянных,
На медный зов трубы они встают,
И молодеют с ними ветераны,
И песни незабытые поют.

Они, живые, вновь идут по свету,
Сметая ложь и нечисть на пути,
И молодым вручают эстафету,
Чтоб этот мир от бедствий всех спасти.

Шагает с нами гвардия бойцов,
Колышутся портреты, как знамена,
Горят награды дедов и отцов –
Идет, как в бой, бессмертная колонна!

Владимир КУДРЯВЦЕВ

проза

**Марат
БАЙЗАКОВ**

Родился в 1979 г. Учился в Германии, в США. Работает инженером в швейцарской нефтегазовой компании. Автор нескольких публикаций в журнале «Звезда Востока».

НЕ НАДО...

Трилогия

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ

В той войне мой Дед с папиной стороны стрелял редко, но прицельно. Снайперам так полагалось. Вот он лежит замаскированный в болотистой местности, где-то под Львовом, глядит на свою войну сквозь оптический прищелк, а сам аул родимый вспоминает. Невестку с матерью. Отца покойного. Окружённый берёзками, тоскует он по чинарам тысячелетним.

«Дыни с арбузами, небось, гниют под солнцем. Хлопок, поди, покрыл поля снежным покрывалом. Колос ржаной, чай, шелестит по ночам. Покос на носу. А я тут фашиста, словно зайца из кустов, выжидаю».

И вдруг замаячит на мушке фриц. Котелок на голове, гармошка во рту. Стреляй – не хочу!

– Не на-а-аш, – шепчет Деда винтовке. Сдружились они с ней. А с кем ещё обшарить, если часами лежишь не шевелясь, а вокруг лишь смрад да комары? – Не на-а-аш. В рядовых немцев стрелять не велено. Велено беречь патроны. Вот и выискивает Дед чёрные кресты штурмбаннфюреров. Выжидает. Выцеливает. Вычёркивает сплошь офицеров.

А годы спустя спросят его невзначай, сколько ж фрицев он отстрелял. А Дед глянет в упор, будто на мушку берёт, и холод по спине. Он ведь правовеверный, хоть и советский, мусульманин. Задумается тяжко о деянниях, пригорюнится малость, затем, нахмурившись, отчеканит грозно:

– Не надо об этом. НЕ НАДО.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ

Самолёт готовился к взлёту. 91-летний генерал армии в отставке Гареев Махмут Ахметович расположился в эконом-классе. Тем же рейсом, но уже бизнес-классом, летел молодой человек, менеджер нефтегазовой компании.

Менеджер, заметив ветерана, вскочил с места и направился к старику. Привёл он его за руку в бизнес-класс, да и усадил на своё место. Снял с него тяжёлый китель, увешанный орденами Победы: четыре «Красного Знамени», три «Красной Звезды», «Ленина», «Невского», «Отечественной войны» и «За заслуги» III степени. Награды теснились и звенели. Уважил старика молодой человек. Даже обувь с него снял. Опустил спинку кресла. Накрыл одеялом. Прикрыл иллюминатор и, собрав свои вещи, ушёл в эконом-класс на его место.

Всё вроде бы правильно, всё верно. Да вот только на посадке у трапа не пропустили старика через VIP зону, чтобы избежать огромной очереди. Дескать, сервис этот платный, и

платить надобно заранее. А стоит эта услуга совсем недешёво.

Немало зон, причем смертельных, прошёл человек этот в своей жизни. Рисковал и заплатил сполна. Но, видимо, недостаточно заплатил, коли по VIP зоне пройти не позволили. Опять вступился менеджер за старика, уже и платить собирался, да обоврал его старик:

– Нет, сынок, спасибо. НЕ НАДО.

Фронтвик поправил фуражку, застегнул пуговицы кителя, поднял свой чемодан, выпрямил плечи и маршальской походкой направился на выход эконом-класса. Там, в толпе молодых и беспечных, он и исчез, как исчезали все герои. И только изредка где-то очень далеко можно было всё ещё услышать угасающий звон то ли боевых медалей, то ли церковных колоколов.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ

В маленьком книжном магазине «Княгиня», что у метро Горького, вступили в перепалку два старика. Эльза Рихардовна, хозяйка магазина, мне шепотом пояснила, что эти двое – фронтвики, орденосцы, к тому же заядлые спорщики. А спорят они везде и о всяком, что так или иначе касается ВОВ: о неточностях в «Воспоминаниях» Жукова, о мнимой необходимости открытия Второго Фронта, о готовности Третьего рейха к войне на два, а то и три фронта и пр. А сейчас, как выяснилось, не поделили они полное собрание сочинений товарища Сталина в 18 томах. Книги эти были, мягко говоря, не совсем в хорошем состоянии и к тому же стоили недёшево. Тем не менее спор разгорелся не на шутку:

– Иосиф Виссарионович уже давно куплен, – хрипел тот, что обычно опирался на трость, хотя сейчас он ею как шашкой махал над головой. – Я Эльзе залог оставлял ещё месяц назад.

– Ты, безбожник, – отвечал ему второй, – знай же, что товарищ Сталин никому не продавался. Он и сына-то родимого на генерала Паулюса менять не стал, а ты его, видите ли, купил! – цеплялся за слова, крепко сжимая под мышкой старую шахматную доску, другой.

– А Сталин-то тебе зачем, слепой? Ты же очками своими разбитыми ферзя от короля не отличишь, как же ты читать собираешься, а? – орал первый, тыкая своей тростью в ветхие книжки, что на верхней полке выстроились.

– Не твоё это дело, хромой. Сам, небось, тоже не шибко зрячий. А в шахматах я тебя и без ферзя зашахую, понял?

В общем, сошлись они на том, что сыграют три партии в шахматы: кто победит – тому и Сталин. Я и ещё несколько зевак, сгорая от любопытства (чем это всё закончится), последовали за ними. А закончилось всё тем, что книги достались тому, кто живо тростью махал. Ветеран, что в очках был, и вправду зевнул ферзя и дважды сдал партию.

– И всё же, скажи-ка ты мне, – уже спокойно пакуя свои честно выигранные книжки, донимал победитель своего извечного оппонента, – зачем тебе они, а? У тебя же пенсия небось аккурат на хлеб и лекарства?

Старик подумал с минуту, протёр свои очки и, ещё крепче прижав свои шахматы, признался:

– Понимаешь, я вот встану утречком ранёхонько, включу свет в комнате, гляну на эти книжки, потрогаю их, и на душе легко как-то станет.

Тут старик, что аккуратно паковал фолианты в сумки, вдруг замер. Оглядел он каждую книжонку. Потрогал их. Призадумался. Ну и решил уступить их товарищу по фронту:

– Так уж быть, старый чёрт, – выдохнул он, – бери, твои они.

Глаза у второго сверкнули. Осанка выпрямилась, будто «Прощание славянки» услышал. Кивнул он в знак благодарности, но дрогнувшим голосом сказал:

– НЕ НАДО. Ты их выиграл.

Быстрыми шагами он вышел из магазина, как дитя обняв свои старые шахматы, выдавшие ещё горящий Рейхстаг.

НОВЫЕ ИМЕНА

**Виктор
КАЛИНКИН**

Родился в 1950 г. на Чукотке. Окончил Рязанский радиотехнический институт. Кандидат наук, полковник. Автор 59 научных публикаций (в том числе – пять патентов на изобретения), пяти художественных сборников. Участник и лауреат российских и международных премий.

ГАСТАРБАЙТЕРЫ

Рассказ

Двухтысячные. Осень. Колхозное поле, которое в ту войну на картах было обозначено нейтральной полосой. По полю, по скошенной стерне, брели мужчины лет сорока, руководитель поисковой команды, и две старушки в одинаковых платочках.

– Нам-то лет по десять было. В ту осень неделю здесь грохотало. Немцы были там, – показала одна из них, – а наши – там, – засмеялась, – а мы в погребе, – вздохнула. – Как-то ночью стихло, а утром появились немцы. Но не задержались, пошли наших догонять. А зимой всё в обратную, – покачала головой. – Ох! К апрелю проталины землю как открыли... Ба-а-аюшки!.. И увидели мы много убитых. А ближе к маю на поле уж и не выйдешь, а если ветер на село, то и в доме не усидишь, – губы собрала. – Запах страшный. А нам пахать да сеять пора. Вот наши бабушки, дедушки и матери вышли в поле и стали несчастных тех собирать и хоронить в воронках. И мы с ними...

– Немцев отдельно, наших отдельно? – перебил поисковик.

– Да нет, милый. Тогда не разбирали. Помню, кто покрепче, тот брал его на вилы и – в телегу. Он чёрный, весь колышется. Телегу наполним и везём к другой воронке. Старались, чтоб могилки рядом получались. Торопились мы. Одежду свою долго не могли выветрить. Вот так-то, товарищ дорогой, – помолчала, повздыхала, добавила: – Какие-то записки про те воронки дед Сергей делал, колышки на меже ставил, охранял, а куда всё подевалось, уж и не помнит никто, – покрутила головой. – Где-то там, сынок, – показала бабуля.

* * *

Прошло несколько лет. На бывшем колхозном поле вырос коттеджный посёлок. Во дворе одного из участков, за двухметровым забором, гастарбайтеры копали котлован. Хозяин наверху, у кромки, уточнял с бригадиром план работ.

– Перестал я наших приглашать. Ленивые, а после обеда... Как там у Рас-торгуева поётся? Вечно пьяные?

– «Там за туманами, вечными, пьяными...», – поправил бригадир и кивнул, соглашаясь. – И мне с ними легче работать. Знают, что от них требуется и что им самим нужно.

В котловане возникла заминка. Оба узбека – видны только спины – закопошились у основания одной стенки. Бригадир поставил ногу на край.

– Что там, Авлод?

– Железка, начальник, – Авлод запыхтел и потянул на себя косо торчащий вдоль стенки ржавый стержень. Выдернул, упал, задумчиво встал, держа железку перед собой.

– Э-э... Так это ж трёхлинейка, – догадался бригадир. – А осталось-то: затвор, скоба и ствол... А там что? – бригадир указал в начало стенки, чуть ниже... Э-э-э! Ты потише, а то рванёт ещё.

– Не-е-а! Сапог, начальник. Солдат, наверное. Надо откопать.

– Да брось ты!

– Мой дедушка зимой в сорок первом был здесь. Убили, без вести... Может, он... Принеси пакет, брат. Это будет твоя и моя вечная память.

Хозяин ушёл. В яме негромко переговаривались на своём гастарбайтеры:

– До захода солнца похороним по всем правилам.

– Смотри, Хаджи-Ислом, кость второй ноги перебита. Потому и сапога нет...

– Каска, а в ней... Теперь ты упокоишься, бесстрашный воин.

Вернулся хозяин с пакетом из-под цемента. Ислом, не глядя, протянул руку к тем, кто наверху. – Дай! – хозяин сунул пакет вниз. Ислом увидел, побагровел. – Ты что!?! Смотри, грязный совсем!

– Да он будет почище твоего супового набора, – полагая, что с юмором, парировал бригадир. Ислом и Авлод, не сговариваясь, встали, выпрямились.

– Твой дедушка лучше внука был, – с горечью произнёс Авлод. Снял рубашку, расстелил на дне ямы. Оба узбека, бормоча, начали складывать останки, отряхивая их от земли. Бригадир побледнел.

– Простите, мужики. Сдуру ляпнул, не подумал... ну сорвалось... Ей-богу, виноват. Простите.

– Это же наш с тобой воин! Нельзя с ним так... Ладно, брат, но ты думай потом.

Хозяин сходил в сараюшку, принёс Авлоду футболку. Авлод упруго выбросил смуглое мускулистое тело из котлована, надел футболку, нагнулся, принял аккуратно свёрток у Ислома, отнёс в угол участка и положил в тени на молодую траву. Вернулся, спрыгнул в яму, и гастарбайтеры продолжили старательно углублять котлован, а немного погодя тихонечко запели для себя песню на своём родном.

Разговор между хозяином и бригадиром не клеился. Сидели на корточках у края котлована, курили, слушали. Мелодия показалась им знакомой, похожей на «Журавли» Расула Гамзатова, переглянулись. А вроде она и есть...

проза

**Алексей
УСТИМЕНКО**

Родился в Новосибирске в 1948 г. Окончил ТашГУ (ныне НУУз). Работал корреспондентом, главным редактором журналов «Звезда Востока» и «Восток Свыше». Автор многочисленных прозаических сборников, документальной биографии «Владимир – митрополит Среднеазиатский», романа «Странствующие в золотом мираже». Член СП Узбекистана.

ДЕРВИШ, ДЕЛАЮЩИЙ ЧУДЕСА

Эссе

*«Мне сказали, что в азиатской части города,
в одном из отдаленных и глухих его мест,
куда европеец боится заглядывать,
живет старик-дервиш, делающий чудеса»*

Василий Ян
(«Видения дурмана»)

Необъяснимо странной бывает писательская судьба... Прожить долгую жизнь, написать и издать книг, статей, очерков, почти научных исследований во множестве и остаться никому не известным литератором. А потом, почти что на самом склоне исчезающих лет, стать автором всего лишь еще трех книг¹, причем одной неоконченной, и прославиться не только в своей стране, но и далеко за ее пределами. Литературной звездой первой величины засверкать на мировом писательском небосводе. Яркостью созданных образов умалить всю прежнюю яркость многих других образов, созданных далеко не самыми худшими историческими романистами...

Но как раз такова судьба Василия Григорьевича Яна из волынских шляхтичей рода Янчевецких². Писателя, так и не увидевшего собрания своих сочинений (первое из них выйдет только в 1989 в Москве).

ТРИЛОГИЯ НАЧИНАЕТСЯ

21 августа 1934 года уже пожилой весьма худощавый человек с легкими волосами, зачесанными набок, обмакнул деревянную ручку с конторским пером в бело-голубую фарфоровую чернильницу, осторожно, дабы не посадить кляксу, склонился над столом и сделал очередную запись в дневниковую книжицу:

«Чингиз-хана надо писать... – пламенно, точно сонетами, языком экстаза, небывальными сравнениями, где переплетаются и невероятный язык Востока, и образы, создаваемые миражами, и утонченный язык итальянского иезуита, автора "Хроник", которого послали с особой миссией – разведать, что за армия дьяволов двинулась из глубин Центральной Азии».

Это могло быть и совпадением. Это могло быть и случайностью.

¹ «Чингиз-хан», «Батый», «К последнему морю».

² Об этом см.: Голендер Борис. «Polonia Turkestaniana» (Судьбы поляков в Узбекистане). Изд. Национальной библиотеки Узбекистана им. Алишера Навои. Ташкент. 2014 г.

Но на самом деле, по-настоящему литературно значимой, предостерегающе великой в своей художественной правде и прозорливости стала его трилогия о грозном нашествии на Среднюю Азию и на Русь полчищ завоевателей. В пыли от копыт их низкорослых коней, в горьких пожарах ими разграбленных городов погибали мечущиеся, кричащие люди и молчаливо существующая в собственной самооценности древняя культура.

Погибали, но не погибли... Поработали, но не смогли удержать. А потом – и удержаться... Растворились, развеялись по чужому пространству. Обогатились, обогатили.

Время написания первой книги трилогии – веселое, еще не настораживающее никого, время крепнувшего в послевоенной Германии черно-коричневого фашизма: новых полчищ для новейшей истории. Однако время ее издания – 1939 год. Начало Второй мировой войны.

ЧИНГИЗ-ХАН ЕМУ СНИЛСЯ НОЧАМИ

Можно многое книжное написать и не стать нужным даже одиноко читающим людям. Потому что во всем тобою написанном – пусть это будет сюжетная игра с тем же временем в фантастике, его полугазетное отражение в прозе о современности или в мастеровито-документальных реставрациях исторических реминисценций – ни самым малым живым отголоском не откликнулось само время. Твое. И твоих читателей. Да ведь и редко кому удастся даже в теме древнейших, в глубину лет запряженных, но объясненных событий услышать и понять свои дни...

Наступающий на него Чингиз-хан, говорил с писателем Яном целыми днями, не отпуская. Его узкобородый образ, с тоненькими косичками вокруг прижатых в широкому черепу плоских ушей, упорно вглядывался в писателя даже ночами.

Ян подбегал к столу, хватал карандаш и тонкими точными линиями, будто горящими стрелами к саманной стене, пригвождал этот образ к желтоватой плоскости бумаги.

Так сам Чингиз-хан пригвождал покоренных, но не покоряющихся к разрушенным им же стенам...

Он должен был, прежде чем описать, увидеть всех этих людей...

Так появились рисунки с образами не только хорезмшаха – знаменитого трусостью Мухаммеда Алла-эд-Дина, но и знаменитого смелостью Джелал-эд-Дина.

А еще прежде – то рыбачка у моря с напрасными ожиданиями, то пляшущие скифские амазонки, неотделенно – единою скифской симфонией – входящие, врывающиеся, в танцовывающиеся в скользяще-пляшущий вокруг них мир. В мир с его языческими истуканами, огнем прирученных костров и неприрученных сил земли, степи и леса. С его пьяными скифами, которых этой же ночью они сами возьмут к себе, чтобы потною горечью их жестких тел укрыться, как наброшенную от холода шкурой.

Пишущий, рождающий образы писательским воображением Василий Ян настолько овеществлял и материализовывал всех их, что они легко, будто на средневековой фотографии, проявлялись на его графических рисунках. Билибинский стиль его акварельной графики яростно и детально убеждающ. Он дружил с Николаем Рерихом и кое-что у него перенял.

Несомненно, он и одевался шеголевато. Внешне был похож на художника, каким, впрочем, и являлся: художником текста и (отраженно) художником графического образа. Его акварели (особенно азиатские) излучают желто-оранжевый цвет и ту испепеляющую жару, струящуюся от горячих стен, от которой не спрячешься ни в какую тень.

Возможно, носил блузу-толстовку, а уж бант или галстук-бабочку повязывал по-театральному пышно.

Он должен был курить трубку. И не из любви к табачному дурману, но из-за ощущения некоего сопричастия через дым этой трубки к рождению, к материализации очередного, пусть пока и зеленовато-струящегося, прозрачно-дымного образа.

Он был хорошим художником, как и наш ташкентский «Ян» – писатель-историк

Явдат Хасанович Ильясов, я видел похожие акварели на стенах маленькой квартирки Ильясова, тогда еще не погибшего, в кирпично-скучном чиланзарском доме со столь же скучной мемориальной доской на стене сегодня, тогда, впрочем, еще не существовавшей... Но об этом, возможно, как-нибудь в другой раз...

ЛАТИНИСТ, ПОЖИМАЮЩИЙ РУКУ СЭРУ АРТУРУ КОНАН ДОЙЛУ

Для профессионального литератора Василия Яна тридцатые годы стали годами обостренного восприятия действительности, какого-то внутреннего, тревожного – истинно писательского – ощущения наползающих туч на пока еще чистое, безопасно высокое небо.

12 апреля 1942 года на страницах главной тогда газеты «Правда» было опубликовано Постановление Совета Народных Комиссаров СССР о присуждении Сталинских премий в области литературы и искусства за 1941 год. Премия первой степени присуждена Янчевецкому Василию Григорьевичу (В. Яну) за роман «Чингиз-хан». И рядом – в передовой статье этого же номера – слова, лучше всего характеризующие творчество его последних лет:

«...можно только приветствовать появление таких произведений... которые на исторических примерах воспитывают художественные вкусы и учат бороться за независимость, честь и свободу нашей родины так, как боролись славные наши предки...».

В те дни уже подходил к концу шестой десяток прожитых писателем лет. Вместилось в них многое. Очень многое...

И Ревельская гимназия, и Санкт-Петербургский университет, и такая жажда познать жизнь не книжную, но исконно народную, необманчивую, что тяга эта вложила в мягкие руки многознающего юноши с тонким интеллигентным лицом посох неторопливого странника. И на целых два года увела его не в какую-нибудь вымышленную Тмутаракань, но в сказочно богатую суровыми и интереснейшими людскими судьбами бесконечную Россию. А лесные, пружинисто коричневой хвоей усыпанные дороги, а чашобные, прорванные корнями-корягами змеящиеся тропинки, а еще полевые просторы, чисто повыметенные мечущимися метелями, налитые прозрачно-

Василий Ян. Рисунок Ян. Кравченко

черными лужами, растоптанные и развезженные блуждающими по горькой земле людишками, сделались его первым литературским кабинетом. Отныне он раз и навсегда становится странствующим дервишем, все глубже и глубже погружающимся во время, оттого что ничто другое, большее, никакая другая книжная историческая работа так реально не погружают в исчезнувшие века, как это делает всегда говорящая древним языком прошлого, – впрочем, для большинства безмолвствующая – природа.

Эти два страннических года дали ему неповторимый материал для первой книги «Записки пешехода» и отложились в его памяти еще многими темами и характерами, оживать которым суждено даже через десятилетия...

Пройдет некоторое время – и один за другим в журналах и газетах он станет

публиковать приключенческие и исторические рассказы. Их взалхлеб перечитывают российские гимназисты. Журналы носят, заткнув за ременный пояс, рядом с учебниками по истории, географии и латинскому языку. Хвастаются тем, что знакомы с автором лично или, на крайний случай, что видели его нынче утром на городском бульваре прогуливающимся, обдумывающим нечто этакое, наинovelшее...

Они тайно читали его рассказы на длинных занятиях. И суровый латинист, одергивая их, вызывал к доске и ставил заслуженный «неуд». Этим латинистом в Первой Санкт-Петербургской гимназии был все тот же, он сам, Василий Янчевецкий.

Но не остался бы он самим собой, не оказался бы, наконец, и вечно странствующим дервишем, если б своей писательской дорогой выбрал городской прогулочный бульвар. А древнее мудрое слово произносил бы с одной лишь кафедры.

К тому времени он уже исколесил на громоздком тяжелом велосипеде всю Южную Англию. Успел вдохнуть вековую пыль, осевшую на шуршащих листах книг, выдаваемых ему в круглом зале библиотеки Британского музея, книг в кожаных и даже деревянных переплетах, тяжелых, будто тот же самый громоздкий металлический велосипед. Успел он пожать руку и старшему своему коллеге сэру Артуру Конан Дойлу...

Все это было удивительно интересно, но все-таки оставалось немножко не тем, что манило давно, подспудно, необъяснимо.

ОТ АСХАБАДА¹ ДО ХИВЫ, ПОТОМ ДО КЫЗЫЛ-АРВАТА

Летний, жаркий, предгрозовый ветер заставлял его вставать даже ночью, открывать окно и вглядываться в черноту, набегающую с Востока. Туда, где, распластавшись на громадном пространстве среди снежно-каменных хребтов и ползуших песков, шуршащих непрерывно и усыпляюще, казалось, спала ему пока неизвестная страна – Азия.

Еще и сегодня, в век широких шоссе дорог, стремительных автомобилей и всеохватывающей радиосвязи, всего в нескольких километрах от Ашхабада можно встретить тревожные указатели или услышать предупреждающее поскрипывание стариков в красно-черных полосатых халатах и в шапках-тельпеках, шерсть которых падает на предупреждающие глаза – дальше пути нет. Дальше ехать опасно... Безводье. Всепоглощающая пустыня. Попадаешь в эти места, вглядываешься в пепельно-сероватую глубину пересыпающихся барханов, и холодок, нет, не страха, но чего-то иного, мертвого, способного равнодушно поглотить живое, рискнувшее переступить порог песчаной беспредельности, охватывает тебя...

Еще и сегодня... Еще и сегодня.

Но именно по этим местам как бы «для осмотра годности караванных колодез» и как журналист «без расходов от казны, с сохранением содержания» в начале прошлого века рискнул проехать чиновник канцелярии начальника Закаспийской области Василий Янчевецкий. От тогдашнего Ашхабада до Хивы. Потом до Кызыл-Арвата... Много позже – до Персии, Афганистана, едва ли не до Индии.

Да, Чингиз-хан снился ему ночами. Проснувшийся Ян торопливо вылавливал из памяти его портрет и проявлял карандашом на бумаге, закрепляя в сознании образ того, кто зло смотрел на него через узкие щели монгольских глаз, кто сидел буквально напротив.

Сидел, подогнув короткие босые ноги совсем под себя, покачивая большим жилистым телом восточного живого божка.

Сидел на толстой стопке из тщательной замши – выделанных верблюжьих кож. Тогда, во времена реального Чингиз-хана, они еще не лежали на глиняном возвышении – супе, как много позже во дворце увиденного Янчевецким хивинского хана. Прежде это был походный трон другого истинно великого степного хана, и никому не позволялось быть со скрипящей сухостью мягких замшевых кож

¹ Таким было дореволюционное написание Ашхабада, ныне еще и Ашгабада.

даже просто рядом. Но теперь, получив эти кожи от своих предков, вытряхнув вековую пыль и возложив на глиняную супу, которая, конечно же, вовсе не походила на походный потник на спине несущегося по степи коня, хан Хивы воссел на них, принимая гостей в своих дворцовых покоях. Наверное, ему и вправду казалось, что он от этого тоже велик и что его тоже запомнят.

Не запомнили... Ведь и нечего было запоминать.

Разве вот только чуть-чуть по-своему, но все-таки оставил его в своей памяти все тот же путешествующий дервиш – Василий Янчевецкий, которому этот хан «соизволил дозволить» осмотр древних хивинских улий.

Вот уж, казалось бы, столько экзотики – Шехерезада, тысяча и одна ночь! – ему, любопытнейшему из европейцев, предстояло увидеть здесь, в Хиве, за границей холодных каракумских песков. А он...

«Картины полуфеодалской жизни народов Средней Азии, увиденные на рубеже двадцатого столетия, много лет спустя дали пищу моему воображению, чтобы воскресить сцены жизни древнего Хорезма...»

Внешность эмира Бухарского помогла созданию облика Хорезм-шаха, посещение Хивинского ханства, островов прокаженных, путешествии через Кара-Кумы помогли изобразить эпизоды жизни и гибели Хорезма...

То есть за всем этим убеждающе ясно проглядывалось то глубокое настоящее, что напрочь перечеркивало внешнюю экзотику яркого Востока, на которую еще и при его жизни, и много позже нет-нет да и сбивались иные авторы исторических произведений.

Кстати сказать, отчего это многих писателей так крепко тянет на эти острова прокаженных? Отчего это не минули подобного опасного искуса ни Роберт Льюис Стивенсон, ни Грэм Грин, ни, наконец, все тот же Василий Янчевецкий?..

Отчего? Ведь итак сказки почти не существовало. Существовала жизнь.

Хотя, может быть, как раз потому, что иногда эта жизнь приобретала нереально-фантастические формы в виде, например, полученной им награды от эмира Бухарского – «Ордена столичного города благородной Бухары», состоящего из множества золотых лучей и золотых же письмен арабской вязью на фоне синей эмали в центре громадной звезды.

Наверное, надо было стряхнуть с себя обманчивое оцепенение придуманной многозначительности (в серьезность подобных звезд верят лишь не обретшие смысла в жизни). А он был истинный дервиш, знал ее и был мудр...

О недопустимости сказки (кстати, весьма им любимого жанра), или фактической недостоверности в историческом романе, Василий Янчевецкий писал еще в своей повести об Александре Македонском «Огни на курганах», в которой Александр уже не был легендарно идеализированным героем, блистающим и удачливым, но оставался тем, чем являлся на самом деле – завоевателем. Жестокий разрушитель древнейших оазисов цивилизации, сделавшим их кладбищами, засыпанными песком.

С несогласными Василий Янчевецкий всегда был готов включиться в самые разнообразные споры на самые разнообразные темы. Считал, что божественная истина тогда особенно хороша для человека, когда она открыта ему, когда его трудом и духовным поиском с нее счищается извращающая картину патина временных наслоений, домыслов, обобщений. Причем, именно счищающая, но ни в коем случае не нашлапывающая на историю новые мифы.

Василий Ян в Средней Азии

ЖИЗНЕННЫЕ ПРАВИЛА СКИТАЛЬЦА СОФЭРА-РАФА

Он был писателем и путешественником, ученым-филологом, историком, латинистом, знатоком множества восточных языков. Человеком, имеющим большое число разнообразнейших профессий. Но все это ничуть не делало его эдаким рассеянным Паганелем. Он оставался подтянутым, сдержанным, отчасти даже педантичным исследователем жизни. Любил наделять своих героев мудрыми афоризмами и составлять правила на разные случаи жизни, следовал которым, конечно, и сам... Вот таким, например, как правила неторопливого искателя вечной правды, скитальца Софэра-Рафа:

«1. *Производительность. Создавайте только ценное и полезное, нужное людям. Если ты писатель, считай число написанных только хороших страниц.*

2. *Мемуары. Ты видел многое, что нужно, чтобы не угасло для потомства. Записывай изо дня в день свои воспоминания.*

3. *Радость ближнему. Торопись обрадовать ближнего реальной помощью или хотя бы бодрым словом.*

4. *Ты глаз общественности. Исполни точно, быстро и честно тебе порученное. Не пропускай своей обязанности.*

5. *Хронометр порядка дня. Выдерживай точно намеченное. В срок являйся, сделав – немедленно уходи.*

6. *Говори не о себе. Разговаривая, сообщай то, что интересно другим, не носишь с собой, не рассказывай о себе.*

7. *Говори на языке других народов. Каждый день посвяти время изучению, чтению и беседе на другом языке.*

8. *Изучай технику и механику. Не оставайся в области одной мысли. Практически, руками умей создать нужное.*

9. *Беседуй с детьми. Говори с детьми, заботься о них. Они лежат на твоей ответственности.*

10. *Отвечай немедленно на письма.*

11. *Собирай великие мысли, затерявшиеся в потоке времени, классифицируй, записывай – они нужны людям.*

12. *Считай, сколько ты стоишь, ежедневно, сколько расходуешь на себя, включая стоимость обеда.*

13. *Уходи в мир пятого измерения. Создавай новые образы, симфонии, картины, новые духовные ценности.*

14. *Зарабатывай. Реализуй свое трудолюбие, свою смекалку в реальные ценности.*

15. *Помимо творческой деятельности, работай всюду, где можешь пригодиться людям»¹.*

Впрочем, адресуя подобные правила многим другим, сам он, очевидно, отчасти по причине переполненности многообразными литературными и житейскими делами, отчасти из-за скромного несоотнесения самого себя с человеком, который «видел многое, что нужно, чтобы не угасло для потомства», писать собственные мемуары долгое время отказывался. То есть обращаясь к другим, не всегда успевал обратиться к себе, а уж тем более исполнить рекомендованное. Входя в противоречие с самим собой, даже на восьмом десятке лет Василий Ян наотрез отказывался усаживаться за собственные мемуары. К тому же до самых последних дней писательской жизни Василий Янчевецкий – Ян – в ответ на напоминание об этих возможных мемуарах легко отбивался неотразимым аргументом: всякий писатель «до последней своей возможности» должен «создавать оригинальные художественные произведения как плоды своей фантазии, а не писать мемуары»¹.

Пункт тринадцатый («Уходи в мир пятого измерения») был, похоже, ему ближе всего...

¹ Ян В. Собр. соч. в 4-х томах. М., Изд. «Правда», 1989, т. 4, стр. 571.

БЛАГОДАРЯ НАСТЫРНОСТИ МИХАИЛА

«Картины жизни и времени Василия Яна», которые все-таки однажды появились на литературный свет, обязаны рождению некоторых уникальных, хотя отчасти неровных, сумбурных и подчас клочковатых, текстов сына его Михаила, тоже хорошо усвоившего правила скитальца Софэра-Рафа («...Записывай изо дня в день свои воспоминания»).

В 1947–1948 годах они с отцом договорились: «...отец рассказывал о пережитом, об ушедших в небытие людях и временах. Я наскоро конспектировал беседу, потом восстанавливал его рассказы. Обычно к следующей встрече я приносил перепечатанное на машинке то, что записывал в прошлый раз, и оставлял для просмотра отцу»¹.

То есть дервиш вновь будто странствовал, отдавая найденное всякому, кто готов был принять...

Таким образом противоречие было снято. Хотя, конечно, по гамбургскому счету противоречием оно никогда и не было, во всяком случае, внутренним. Ведь дневники-то он, Василий Янчевецкий, вел почти постоянно. А уж по-интеллигентски обязательные и подробнейшие письма ответно писал всегда. Даже и тем, кто подобного был едва ли достоин, да и оценить писательскую неповторимость присланного ему текста вряд ли бы смог.

Но дервиш странствовал. Странствовал и на бумаге, странствовал и в миру...

Где он был по-настоящему дома? Бог весть!

Причудливо переплетались в судьбе писателя Янчевецкого страны и города: Персия, Белуджистан, Манчжурия, Греция, Египет, Румыния, сибирская глубинка – Урянхай, Минусинск... Но почти всегда получалось так: люди ли, он ли сам, его ли судьба, определенная жизненными случайностями, но только что-то обязательно возвращало его в Среднюю Азию.

После первого путешествия (Асхабад–Хива) работал экономистом в Росбанке в Самарканде, печатался в ташкентских газетах...

Впрочем, это век позапрошлый, года десятки.

А потом...

ЕЩЕ ОДИН АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

Чтобы приблизиться к новому пониманию Востока, к пониманию как бы внутреннему, глубинному, без скользкого взгляда восторженного потребителя пыльной экзотики, в тридцатые годы Василий Ян «на основе узбекской публикации» начинает переводить первую часть романа нынешнего узбекского литературного классика Абдулхамиды Чулпана «Ночь и день»². Рукопись обнаружена. Хранится в архивах. Однако – не завершена...

Наползшие тучи тридцатых сглотнули своей беспощадной темнотой переводимого им Чулпана.

Потом – в сороковые – неделя труднейшего пути (едва ли не точно такого, каким случался тот в мертвой пустыне) вновь на Восток в эшелоне из Куйбышева в Ташкент с эвакуированными.

«...Доехал я благополучно, но очень тяжело. Нет ничего ужаснее поезда, переполненного до отказа беженцами всех видов»³.

Казалось бы, здесь, в Ташкенте, писать ему теперь да писать о любимом Востоке,

¹ Ян В. Собр. соч. в 4-х томах. М., Изд. «Правда», 1989, т. 4, стр. 571.

² Цит. по работе узбекского литературоведа Масьуда Расули «Литераторы – борцы за независимость». Ст. I. (м/п. копия).

³ Из письма Василия Янчевецкого сестрам – Леле и Тале. Цит. по воспоминаниям Михаила Янчевецкого (сына).

благо Восток этот – вот он, за окном. И воркованием горлинок, и тяжелым шелестом громадных чинаровых листьев (каждый не меньше, чем листы писчей бумаги, лежавшей на столе), и переливным журчанием арычной воды, и резкими криками запряженных в арбы ишаков, и самими этими арбами, колеса которых в человеческий рост... И еще так великолепно угадываемыми мягко змеящимися женскими фигурами, спрятанными под длинными платьями, а то и – несмотря на десятилетия всех раскрепостившей власти – под серую паранджой.

Да только писалось здесь совсем о другом. Вовсе о противоположном. Об оставленной под сиренево-черным грозовым небом войны любимой России и о вечном страже ее – святом благоверном князе Александре Невском. Впрочем, и это великое имя под пером Янчевецкого зазвучало по-новому:

«В корреспонденции ТАСС от 26 октября при описании ожесточенного боя сталинградцев с наступающими немецко-фашистскими войсками упоминалось одно имя, прославленное в веках: "...на одном из участков Сталинградского фронта сражается рота автоматчиков, которой командует Александр Невский. Это девятнадцатилетний юноша, решительный, смелый командир, сочетая риск с точным расчетом, внезапно атакует врага и наносит ему сильные удары... Четыре раза был ранен А. Невский, но не покинул поле боя. Его знакомая бойцам фигура во время сражения появлялась в самых опасных местах...".

Таков же был 700 лет назад новгородский удалой богатырь, князь Александр, прославивший на Неве и Чудском озере победами свое юное имя... Только впоследствии (в XV–XVI веках) при его приобщении к лику Святых он был канонизирован православной церковью, как Невский. При жизни он так не назывался. Современники называли его Беспokoйным – уж очень он за родную землю беспокоился, и говорили, что князь очень сечу любит, то есть – сечет (рубит) врагов»¹.

ОТСТАИВАНИЕ ФАНТАСМАГОРИЙ

Даже глубоко не вчитываясь в правила Софэра-Рафа, легко ощутить, что за их внешне явной догматикой сокрыто главное – правила поведения порядочного человека. Человека, правильно понимающего мир настоящий, естественный, а вовсе не тот, что во все времена навязывался человечеству газетно-выдвигаемыми образами вождей и ничего не значащими словами этих самых вождей, словами, годными разве что для сиюминутного употребления. Будто разовые шприцы для вечно существующей человеческой пандемии: умения не жить, но мечтать о жизни в великом, обманчиво как будто бы приближающемся земном счастливом и великом будущем, или в другом, потустороннем, лучшем, воскрешающем... Увы, действительно приближающимся ко всем нам и, увы, стремительно быстро.

Так вдруг однажды – уже в пятидесятые – предельно близко приблизилась к Василию Янчевецкому смерть странно талантливого писателя Сигизмунда Кржижановского², не писавшего новых книг все последние десять лет своей жизни. Не писавшего в первую очередь оттого, что советская власть, аллергически воспринимавшая все неординарно талантливое и непохоже мыслящее, самодовольно и самодостаточно отсиживаясь за рогатками неглупой цензуры, тонко понимающей и мгновенно реагирующей на опасность всего непохожего, неподотчетного, всякие там не ко времени вдруг возникавшие фантазмагии Кржижановского просто-напросто отказывалась публиковать его...

¹ Очерк Василия Яна «Святое беспокойство». Газета «Кызыл Узбекистон» («Красный Узбекистан»). 1942 г. Ташкент. Цит. по книге: Ян В. Собр. соч. в 4-х томах. М., Изд. «Правда», 1989, т. 4, стр. 563.

² С. Г. Кржижановский (1887–1950). Писатель. Родился под Киевом. Окончил юридический факультет Киевского университета, параллельно прошел курс на факультете классической филологии. Побывал в Германии, Франции, Италии, Швейцарии. Служил помощником присяжного поверенного. С 1918 года – профессиональный литератор, занимающийся историей, драматургией, музыкой и философией. С 1922 года жил в Москве.

Кржижановский умер колючей, остро морозной зимою 1950 года. Умер неслышно и тихо. И провожающих, уткнувшихся носами в поднятые воротники пальто, оказалась столь мало, к тому же этому похоронному событию они придавали столь камерное семейное значение, что потом никто из них даже не смог припомнить, а на каком, собственно, кладбище они похоронили этого невообразимого писателя Кржижановского? Если учесть, что всякие похороны писателя – это во многом последняя, главная и завершающая рецензия на все его творчество, то морозные московские похороны Сигизмунда Доминиковича были до обидного несправедливы.

И здесь уже даже и не скиталец Софэр-Раф, но именно просто порядочный человек Василий Янчевецкий, не способный терпеть всякую, в том числе и литературную, несправедливость, взялся отстаивать имя талантливейшего писателя Кржижановского не перед кем-нибудь, но, пожалуй, перед потомками.

Из письма Василия Яна Анне Гавриловне Бовшек, вдове Кржижановского:

«Теперь я думаю о том, что надо сделать, чтобы его труды, мысли и литературные фантазии сохранились для вечности, для потомков, чтобы через них сохранилась и сама личность Сигизмунда Доминиковича... Я надеюсь, что придет время, когда будут разыскиваться выдающиеся произведения 20-го столетия, особенно покойных авторов, может быть, недостаточно оцененных современниками... Я верю в сказки и люблю их, как их любил и наш покойный друг. И поэтому я уверен, что мы с Вами найдем средства для перепечатки трудов Сигизмунда Доминиковича и увидим их напечатанными в "Полном собрании сочинений С. Д. Кржижановского"».¹

На мгновение ему показалось, что он может стать не просто дервишем, но дервишем, делающим чудеса. Вполне очевидно, что когда писалось это письмо, то была уверенность, что и он, как герой его же рассказа «Видения дурмана», сможет воскресить труды и дни писателя Кржижановского. Ведь смог же он воскресить, вызволив в реальность из небытия, рыжеволосого Чингиз-хана и философски воюющего хорезмийца Желаль-эд-Дина, полководцев Джебе-Найона и двух Александров – Македонского и Невского. Так что – что там! – недавно умерший современник...

Не случилось. Первое, более или менее приемлемое для читателей, «избранное» Сигизмунда Кржижановского вышло в свет без малого лишь через сорок лет после смерти автора, да и вдовы, да и самого Василия Янчевецкого тоже.

Даже дервиши, находящиеся в постоянной связи с потусторонними тенями, не в силах противостоять теням посюстороннего государства.

ВОСКРЕШЕНИЕ ГЛАВНОГО

Тем не менее «Видения дурмана» я бы прочел как метафору трудов и дней самого писателя Василия Григорьевича Янчевецкого, Василия Яна.

Герой рассказа, ностальгически решивший воскресить лучшее из того, что он пережил, видел, и лучших из тех, с кем он был знаком и неминуемо встречался, вдруг ничего этого не получает. Дервиш, делающий чудеса, воскрешает перед героем-автором всего один не сразу даже вспоминаемый образ. Образ девушки, с которой тот в своей жизни мимолетно встретился всего один раз в мгновениях одного лишь танца, сблизившего их на минуты в один-единственный влажно-зимний вечер, кажется, Санкт-Петербурга. История, не имеющая продолжения... Она умерла через несколько дней, простудившись в тот самый вечер. Вечер их единственной встречи.

Он как будто бы и не вспоминал ее, да он и не видел ее больше. Она просто исчезла. Растворилась во внешней жизни силуэтом, размытым мокрой метелью...

А только оказалось – в ней, в минутах ее пребывания с ним рядом, в легкой теплоте ее спины, ошущенной в единственном танце – было сконцентрировано все главное счастье его жизни. А значит – и ее смысл.

¹ Цит. по публикации в журнале «Наше наследие» № II (8) 1989 г., подготовленной Вадимом Перельмутером.

Писатель Василий Янчевецкий написал более 17 романов и повестей, свыше 40 рассказов, 32 пьесы, 13 сценариев и либретто...¹ А только воскресил их дурманящий всех нас своею памятью тот самый дервиш, некогда живущий в старом, старинном и любимом Яном Ташкенте – воскреснут всего лишь три книги, одна из которых к тому же и не дописана: «Чингиз-хан», «Батый», «К последнему морю».

ФАРФОРОВАЯ ЧЕРНИЛЬНИЦА И СТАЛЬНОЕ ПЕРО В ДЕРЕВЯННОЙ РУЧКЕ

Последнюю книгу знаменитой трилогии о нашествии монголов он продолжал писать в Ташкенте.

Надо было спешить. Надо было успеть узнать и полюбить Азию еще и совсем теперь иною, не дремотной, средневековой, а нынешней, с бьющимся индустриальным сердцем. Предстояли поездки и на «Чирчикстрой», и на «Фархадстрой» [поручение газеты «Кызыл Узбекистон» («Красный Узбекистан»)]; даже став писателем-лауреатом, истинный литератор Василий Янчевецкий не пренебрегал газетной поденщиной. Дервиш не выбирает дорогу, дервиш идет по той, которая выстилается под ногами.

Как он жил?

Трудно. Тревожно.

В мае 1994 республиканская газета «Правда Востока» под претенциозным названием «Война и... сирень» опубликовала подборку писем к отцу, находящемуся в 1944 году на фронте, ташкентской журналистки Натальи Шулепиной. Письма эти писала никому не известная девушка Лиля Орловская. В них оказалось несколько живых строчек и о писателе Янчевецком ташкентского военного времени:

«16 / XI – 44.

Пришла домой – на столе письмо от вас. Обрадовалась ему самым глупым образом. Вы хотите знать, как я живу? Очень однообразно, каждый день в школе. Я работаю в двух местах да еще председатель месткома. Весь день занята. Бывают "окошки" – как сын учительницы, вы должны помнить, что это значит, – тогда пишу стихи. Почти нигде не бываю, только у писателя Яна, с которым дружу, и очень редко хожу в кино. А в театре всю войну не была.

30 / XII – 44.

...Я немного осиротела – уехали мои друзья: писатель Ян-Янчевецкий с женой. Они меня любили. Ему 70 лет. Он лауреат Сталинской премии I степени, получил за роман "Чингиз-хан". В 1941 эвакуировался из Москвы. Голодал, холодал. Однажды в 12 ночи приезжает за ним машина. "Едем". "Куда?". Старик испугался и взял с собой на всякий случай чашку, кусок хлеба и полотенце. Его привезли в ЦК, вручили грамоту, сто тысяч рублей. На другой день получил квартиру из двух комнат с телефоном, литературный паек и все, о чем мы мечтаем в тылу. Кстати, о романе ему десять раз сказали, что никуда не годится».

Уже в Ташкенте здоровье его сдало... И если б не санаторий «Шакимардан» в Ферганской долине среди сине-зеленых ребристых вершин, успелось бы много меньше.

А пока – все так же в пять часов утра зажегся свет в его комнате. Опускалось в фарфоровую чернильницу стальное перо деревянной ручки, придвигалась чистая бумага, форматом с большой и тяжелой чинаровый лист, поднималось к потолку первое колечко дымка из любимой трубки и...

Дервишу вновь уже хотелось в путь...

¹ Разгон Лев. «В. Ян». Изд. «Советский писатель». М., 1969 г.

Доп материал: Александр Немировский – ученый и писатель-историк – был членом комиссии по литературному наследию Василия Янчевецкого.

ПОЭЗИЯ

Татьяна ИВЛЕВА

Родилась в Казахстане. Окончила филологический факультет Одесского госуниверситета. Работала в театрах, преподавала русский язык, была переводчиком. Автор стихотворных сборников: «Берег дальний», «Канджи», «Залётный ангел», «Казахстан. До востребования», «Татьянин день», «Талисман». Живет в Германии.

Берег дальний**Беседы с Фаустом**

России блудные сыны,
Пути оборваны к отчизне...
Здесь, на чужбине, смысл жизни
Мы заново найти должны.

Родной земли не позабыть,
Чужой земле не стать родною.
Ну, что ж, попробуем с тобою
Отчизну Гёте полюбить.

Её готический ландшафт,
Её фасадов блеск парадный,
Веками сверенный порядок
Над лабиринтом чёрных шахт.

Беседы с Фаустом ведём,
Вре́мён ругая перекосы...
Глядишь, на «вечные вопросы»
Ответы вечные найдём.

В обнимку в Кнейре¹ забредём
По улочкам безлюдно-узким,
И там, на брудершафт, по-русски
Барьер языковой сотрём.

Воскликнет Фауст: «Всем вина!
Суха теория любая,
А нам дана душа живая –
Стремится к истине она!

В словах земных ей проку нет,
Резон небес – её забота.
Ей с высоты её полёта
Иных миров сияет свет».

Берег дальний

Пунктиром высветив дугу,
Ещё горит звезда летящая,
Приметой юности манящая
На том, на дальнем берегу.

Всё дальше, дальше мой паром,
А берег дальний всё отчётливей,
Как строчка в сердце, что подчёркнута
Воскресшей памяти пером.

¹ Кнайпе (нем. Кнейре) – пивная, трактир, кабак, погребок.

Звёздная сказка

Млечный Путь через весь небосвод
Тихой речкой прозрачной течёт.
От Земли до небес далеко –
Как попало туда молоко?

Шла Медведица, очень спеша
Напоить молоком малыша.
Молоко было в звёздном ковше.
Медвежонок заждался уже.

Увидала себе на беду
Свежий пряник луны на меду,
Зацепилась ковшом за звезду,
Пролила молоко на ходу...

С той поры через весь небосвод
Млечный Путь белой речкой течёт,
А неведомо где, далеко,
Медвежонок всё ждёт молоко...

Ностальгия

Наверно, в безрассудстве есть резон,
Наверно, безрассудству нет предела,
Когда своим пером легко и смело
Грань риска обозначит горизонт.

О тоненькая линия вдали,
Ты снова манишь призрачной надеждой!
Твой хрупкий плен познают неизбежно
Летающие куда-то журавли.

Что их влечёт в опасный перелёт?
Там – родина косынкой пёстрой машет,
Там – льётся не чужая речь, а наша,
Там – отчий дом давно свиданья ждёт.

Уймись, душа! Там дома больше нет,
И даже не найти родной могилы...
А здесь уже не кажется постылым
Язык чужбины на изломе лет.

Там – время поседело от забот.
Там – жизнь лютует, скорби умножая.
Я больше не своя, я там – чужая,
Зачем до хрипоты вожак зовёт?

Глаза слезой туманит этот зов –
Из детства, что ли, звуки этой песни?
Ах, если бы рвануться в поднебесье
И с ними улететь за горизонт!

Вонзи мне в сердце серый клин, вожак!
Пусть в безрассудной пропаду отваге.
И, задыхаясь, будет по бумаге
Моё перо вдогонку мне бежать.

Причал

Впереди – волна за бортом,
Позади – пустой причал.
Там – заботится забота,
Там – печалится печаль.

Отплываю от причала,
Чтобы прошлое избыть,
Чтобы жить начать сначала,
Чтобы тех – чужих, забыть.

Тех – лукавых и неверных,
Суетливых и пустых,
Тех – без веры суеверных,
Праздных, разных, непростых.

Всех, кто рушил и калечил,
Мной владея, не любил.
Всех, кто тяжесть мне на плечи
Непомерную взвалил.

Не моя теперь забота,
Не моя теперь печаль.
Но зовёт и плачет кто-то...
Обернусь – пустой причал.

Там...

Маме

Там, где под ветром, с переливами,
Похожие на волны дюн,
Колосья встряхивают гривами,
Как золотых коней табун...

Там, где скуластая расщелина
Хоронится от суеты,
И с высоты в неё нацелена
Звезда нездешней красоты...

Там по весне бегут весёлые
Ничьи ручьи вперегонки,
И беркут тенью невесомаю
Парит, не ведая тоски.

Там, друг для друга предназначены,
Венчаются гора и лес,
И родников глаза прозрачные
Глядят в глаза седьмых небес.

Там утки дикие, пугливые
Через хребты в Китай летят.
Их эдельвейсы молчаливые,
Как духи гор, благословят.

Там абрикосами и сливами
Встречает одичалый сад.
Там были мы с тобой счастливыми
Полвека лет тому назад.

Прошение с осенним садом

Осенний сад на гибель обречён,
В предчувствии ноябрьских агоний,
Он листья, будто жёлтые ладони,
Кладёт, прощаясь на моё плечо.

Прошай, прошай! Всё сбудется потом.
Мы затаим в себе свои сомненья.
Мы промолчим. В последние мгновенья
Так еретик молчал перед крестом.

В последний раз припомним имена
Всех тех, кого так горестно любили...
И пусть они давно о нас забыли –
Храни их Бог в лихие времена!

Ладонь в ладонь восходим на костёр.
Мой еретик, давай простимся прежде,
Чем отлучат от церкви двух сестёр,
Сообщниц наших – Веру и Надежду.

Вершится суд под барабанный бой.
Мечты – по швам, как ветхие одежды.
Ни Веры, ни Любви и не Надежды,
Ни будущего нет у нас с тобой.

Судья наш глух и безнадежно строг.
Не с нами Бог и враг Его не с нами.
Прошай! – Уже кружится над костром
Печальный ангел с Чёрными крылами.

* * *

Я живу, как и ты –
Злым сегодняшним днём,
Где в тисках суеты
Мы зажаты вдвоём.

Нет упрёков судьбе.
И судьбы больше нет.
Каждый сам по себе.
Каждый знает ответ.

Нет вестей-новостей
Для друзей и подруг.
В бездорожье путей
Выбран замкнутый круг.

Ни мираж голубой,
Ни привычный уют,
Ни бывшая любовь
Нас уже не спасут.

Врозь по кругу идём
В связке будничных уз.
В одиночку вдвоём
Ташим – каждый свой груз.

Валерию Христофорову

*Так легко, так незнакомо
Пахнет первая сирень.*

*Из-за Волги, из-за Дона
Журавли ко мне летят.
Валерий Христофоров*

Мне уже не догнать, не окликнуть тебя даже издали,
Где-то в мире ином затерялся неясный твой след.
Но остались стихи – те, что были и не были изданы,
И – углём на картоне – твой незавершённый портрет.

Жив ещё домовой – тот, которого хлебушком потчевал,
Домовой стал бездомным. Дома подчистую снесли.
Схоронили сирень. И в чужую, но лучшую вотчину,
Из-за Волги и Дона подались твои журавли.

Только строки стихов с твоим обещающим именем
На страницах газет, коим будет в обед по сто лет,
Да обрывок письма: «Я поэт, дорогая, люби меня,
Ну, хотя бы за то, что так недолговечен поэт.»

переводы

ГРАНАТОВЫЙ САД

Рассказ

Не скажу, что я так уж часто вспоминаю эту историю из моего далекого детства. И дело, конечно, не в том, насколько она значительна или же не примечательна вовсе. Скорее всего, ее просто сложно пересказать. В подобных случаях не мудрено и прибавить кое-что от себя, и приукрасить, глядишь, рассказ и пойдет как по маслу, а со временем и сам начнешь верить в эти допридуманные подробности. Но есть истории, к которым, как ни старайся, ни прибавить ни убавить. До поры до времени они молчаливо таятся в укромных уголках памяти, но в один прекрасный день благодаря какому-либо случаю они всплывают, как созревает вино. История, которую я хочу вам рассказать, оформилась более или менее окончательно после смерти моего дяди. Нет, он не главное действующее лицо, скорее, только повод.

После смерти дяди мне стали грезиться гранаты, которые он привозил каждый год в сезон, я все чаще вспоминал о них. Особенно тот большой гранатовый сад из детства. Мне снились они, отборные, сладкие, великолепные, алые гранаты. Вспомнилось, как десяти-одиннадцатилетним мальчиком я хозяйничал в гранатовом саду. Помню, как однажды в нашем дворе появилась гостья – русская женщина. Потом на улице я весь день хвастался перед ребятами, что поздоровался с ней по-русски. В те времена в кишлаках урочища Кухитанга люди других национальностей встречались крайне редко. Их появление было целым событием. То, что я так разважничался, видимо, раздосадовало моего одноклассника Эмина, он стал меня дразнить, мол, чего воображаешь, гостья-то, оказывается, бесштановая. Хотя это не так, просто она носила юбку по своему обычаю. Я не стерпел оскорбления, в кровь расквасил Эмину нос. Его мать прибежала к нам жаловаться.

Отец рассказал гостье о случившемся. Ее это очень развеселило, и она от души хохотала, утирая выступившие слезы. Погладив меня по голове, похвалила, назвала молодцом. Она еще что-то говорила, и я, хотя не понимал ее языка, чувствовал, что это добрые слова обо мне.

Гостья была очень худой. Лицо у нее было изможденным, шея морщинистой, но ее русые волосы, ясные, как родниковая вода, голубые глаза завораживали. К тому же от гостьи исходил какой-то удивительный аромат, как от роз

**Нодир
НОРМАТОВ**

(1950–2017)

Прозаик, искусствовед, сценарист. Родился в Сурхандарьинской области. Окончил факультет журналистики ТашГУ (ныне НУУз). Автор сборников «Кугитанские рассказы», «И взлетели птицы с оврага», «Дом, в котором живет радуга», романов «Баригал», «Последнее завешание Рузы Чарыева». Автор многочисленных статей по актуальным проблемам искусства.

из нашего сада. В тот день после чая женщина прилегла отдохнуть. Отец дал поручение бабушке: «Пока гостья отдыхает, почистите ее обувь, потом приготовьте поесть что-нибудь горяченькое». Бабушка, не мешкая, принялась хлопотать у очага, я помыл в арыке запачканные грязью туфли. Пришел дядя. Братья были очень дружны между собой и не имели никаких секретов друг от друга. Отец стал рассказывать своему младшему брату о госте:

– В прошлом году к нам в контору пришло письмо. На конверте была указана область, а район – нет, однако название колхоза было написано правильно. Председатель и говорит мне: «Ты хорошо знаешь русский, прочти, о чем это письмо». Открываю, начинаю читать. Оказывается, письмо из Норильска, от одной русской женщины. Она просила прислать ей пару килограммов гранатов. Тут я понял: письмо адресовано не нам, а председателю знаменитого колхоза в Сариасии, где выращивают гранаты. Дочитал письмо и задумался: женщина, написавшая его, видимо, серьезно больна, жалко ее, pošлю-ка три-четыре килограмма гранатов. В посылке я отправил и небольшое письмо, в котором приглашал ее в наши края. Женщина написала ответ: «Приедем, когда созреют гранаты». В общем, вот эта самая женщина и приехала. Теперь надо позаботиться о ней, как ты считаешь, братишка? Куда ее лучше повезти? В ущелье Кухитанга или к родникам Довулкурмана? Как это лучше организовать, подумай!

Дядя кивнул, сказав, что подумает.

Проснувшись, гостья открыла свой чемодан, чтоб раздать всем подарки. Бабушке подарила яркий цветастый платок, отцу – китайский ручной фонарик, мне – клетчатую рубашку, а дяде – носовой платок. Среди подарков были еще духи в красивом флаконе и пудра с яркой этикеткой. Видимо, гостья хотела преподнести их моей матери. Откуда же ей, бедной, знать, что моя мама умерла четыре года назад? Духи и пудра еще долго лежали в ящике стола, пока отец не женился снова.

Гостья целыми днями не выходила из сада. Она так и не собралась ни в Кухитанг, ни к родникам в Довулкурмане. Тогда отец мой пил. Узнав, что гостья ни капли спиртного не берет в рот, он потерял к ней всякий интерес и предоставил самой себе.

Однажды я проснулся в полночь. Горит лампа, бабушка сидит за прялкой, тетя Маша вяжет и со слезами на глазах прерывающимся голосом рассказывает что-то. Смотрю – и бабушка кончиком платка утирает слезы. Поначалу я сильно перепугался. Подумал, что отец спьяну обидел их. Затаив дыхание, я стал прислушиваться к разговору.

– Был у меня сын, настоящий богатырь, умный, смелый, – говорила бабушка тете Маше. – Вон, погляди, на стене фотография его. Погиб на войне, как и твой. Поглотило его чудовище по имени Гирмон¹.

Тетя Маша поднялась, подошла к фотографии. Постояла, глядя на портрет, и что-то сказала на своем языке. Я приподнял голову.

– Ты чего не спишь, проказник? – спросила бабушка.

– Я на двор хочу, – пробубнил я.

Когда я вернулся, бабушка рассматривала небольшую, с ладонь, фотокарточку.

– Можно я тоже посмотрю? – попросил я.

Протянув мне пожелтевшее фото, бабушка объяснила:

– Вот это в центре – тетя Маша, у нее на руках дочка. Это – ее муж, эти двое парней рядом – сыновья. Все трое, оказывается, погибли в войну, сынок.

Голос у бабушки задрожал. Она не могла совладать с собой, и из глаз полились слезы. Мне было невыносимо жаль тетю Машу. Через какое-то время она стала негромко мурлыкать какую-то песню. Так под ее пение я и уснул.

¹ Гирмон – искаженное название Германии.

Просыпаюсь утром, а бабушка копошится в своем заветном узле, доставая оттуда широкое платье с персиковыми цветами для тети Маши. Потом, отойдя в сторону, полюбовалась ею.

– Ну ты прямо как тот павлин, раскрывший веером оперение, очень тебе к лицу это платье, – смеялась бабушка. – Если хочешь, я тебя и замуж отдам за какого-нибудь вдовца.

Мне было любопытно: слова, которые говорила бабушка по-узбекски, понятны ли тете Маше? Каждая из них говорила на своем языке.

Наконец, налюбовавшись обновой, тетя Маша притащила свой чемодан. Пошарив, достала маленький красный тюбик и протянула бабушке.

– Что это? – удивилась бабушка.

Тетя Маша со смехом показала на свои губы.

– Так это губы красить, оставь, не нужно, – запротестовала бабушка. – Ты же мне уже подарила цветастый платок, ну и хватит.

Тетя Маша все же вручила тюбик бабушке. Позже, когда бабушка умерла, все были удивлены, обнаружив в кармане ее жилета эту помаду для губ.

– Мама хранила ее столько лет в память о тете Маше, – сказала тогда моя тетушка.

И теперь по истечении стольких лет, вспоминая тот день, ту беседу двух женщин, которых объединяла общая боль, общая печаль, я до сих пор испытываю шемную боль в сердце. Как они, не зная языка, поняли, приняли горе друг друга? А разве мало людей, говорящих на одном языке, но при этом не понимающих, не желающих понимать друг друга.

Как-то тетя Маша слегла. Бабушка взялась лечить ее собственными средствами, которыми, правда, уже давненько не пользовалась. Плотно закрыв дверь своей комнаты, она усердно массировала шею, лопатки, спину больной и читала при этом молитву из Корана. Потом, напоив больную целебным снадобьем из трав, уложила в теплую постель. Недельки через две-три тетя Маша пришла в себя: щеки порозовели, глаза ожили, она беспрестанно повторяла: «Спасибо! Спасибо!»

Много еще такого, что стоит вспомнить. Например, как тетя Маша связала мне и бабушке теплые носки, как после этого все соседские дети стали мечтать, чтоб эта русская женщина погостила и у них. Помню большой кожаный чемодан с надписью «Норильск» на крышке, все-все отчетливо помню, будто это было только вчера. И еще вспоминаю, как я перепугался, увидев тетю Машу, нагишом лежащую на клеверном поле. Откуда мне было знать, что измученная болезнью женщина подставляла свое тело целительным лучам солнца. Она лежала на самом солнцепеке, тогда как другие спешили укрыться в тени, изнывая от жары. К тому же до этого я никогда не видел женщину без одежды. Кишлачные женщины, даже когда купались, ныряли в воду одетые.

Об этом случае я рассказал отцу лишь после отъезда тети Маши. Отец мне все объяснил. Оказывается, в Норильске всегда холодно, поэтому тамошние жители стараются при каждом удобном случае побыть на солнце.

Конечно, то, что отец мне так подробно объяснил все, было замечательно, но плохо было то, что каждый раз, когда он напивался, то заставлял меня рассказывать эту историю при своих друзьях. Бабушка очень рассердилась тогда и устроила мне взбучку. С тех пор я больше никому и никогда не рассказывал об этом.

Когда тетя Маша приехала во второй раз, с дочкой, отец уже женился. Мачеха встретила гостей холодно.

– Откуда вы нашли этих нахлебников, – выговаривала она отцу.

Тетя Маша, хоть и не поняла этих слов, но по тону, каким их произнесла

мачеха, догадалась обо всем. Гости заторопились в обратный путь. Узнав об этом, я со всех ног помчался к дяде Кариму. Упросил его не отпускать тетю Машу с дочкой из кишлака, оставить их погостить.

– Ведь эта женщина тяжело больна, да и сыновья у нее погибли на войне, пусть они с дочкой поживут у вас, – уговаривал я его.

Дядя забрал гостей к себе. Пожив у дяди с недельку, они стали готовиться к отъезду. И тут-то случилось неожиданное. Дядя, решив порадовать гостей орехами, залез на одинокую орешину, которая росла у него во дворе. Не рассчитав свои возможности, он упал и сильно ушиб поясницу. Так что тете Маше с дочерью Марией пришлось отложить свой отъезд на неопределенный срок. Видать, пожалели одинокого человека. Моя тетя хотела было поухаживать за дядей, но, видя, как хлопчат мать с дочкой, не стала мешать им.

Мать и дочь по-своему поделили между собой хозяйственные дела. Тетя Маша собирала яблоки, гранаты в саду, варила варенье. Я помогал ей. Мария вела дом, готовила, подметала двор, ухаживала за больным. Как-то я за чем-то забежал в комнату, где лежал дядя. А там Мария сидит у изголовья и гладит ему волосы. Они даже не заметили моего появления. То ли дядя устал от одинокой жизни, то ли влюбился, но все кончилось тем, что вскоре он женился на дочери тети Маши. Пригласили дальних и близких родственников, соседей, сыграли свадьбу. Как и все кишлачные невесты, в свадебный вечер Мария сидела в уголке, отгороженном паяндозом – пологом из белой ткани. Скромная, тихая с виду, она оказалась очень работящей. Как и другие кишлачные женщины, надела широкое платье, шаровары. Если бы не темно-русые волосы и очень светлая кожа, никто бы и не догадался, что она не узбечка.

Верите ли, эта женщина, никогда в жизни не выдавшая и не знавшая, что такое хлопчатник, вышла в поле его собирать (в те времена у нас в горах тоже выращивали тонковолокнистый хлопчатник). Поначалу она ни с кем не общалась. Мне хотелось заговорить с ней, но я не знал языка. Мария одна собирала хлопок, одна возвращалась домой, часто наклоняясь, идя по тропинке. Я решил, что она подбирает хлопок. Что еще может быть на хлопковом поле?.. Но однажды увидел, что Мария срывает и ест ягоды паслена. Я удивился, потому что в кишлаке эти ягоды никто не ел, только иногда бабушка делала из них отвар от зубной боли.

За год Мария научилась сносно говорить по-узбекски, немножко коверкала слова, но это даже шло ей.

Тетя Маша оставалась в кишлаке, пока дочь не родила, потом уехала на Кавказ к брату и осталась там насовсем. Но каждую осень она приезжала к нам в кишлак. Когда Мария родила пятого ребенка, пришла тревожная телеграмма от матери: тетя Маша тяжело заболела и просила Марию приехать. Тогда я уже был довольно взрослым парнем. Взяв с собой младшенького, дядя с Марией поехали на Кавказ. Четверых детей и дом оставили на меня. При встрече тетя Маша первым делом спросила у дочери о бабушке. Узнав, что та умерла месяц назад, очень горевала. «Я видела сон, предвещающий ее смерть, но все же надеялась...» – сказала она. Через неделю умерла и сама тетя Маша. Дочь с зятем проводили ее в последний путь, справили поминки как полагается и возвратились в кишлак. Мария повесила портрет матери на самом видном месте.

Дядя с Марией жили очень дружно. За домашними заботами, за веселым гоном детей они не замечали, как летит время. Но вот у дяди случились неприятности на работе. В областной газете напечатали о нем фельетон, где говорилось, что агроном Карим Зухуров очень завистливый, корыстолюбивый человек, не желающий признавать успехи и неустанно выискивающий недостатки и ошибки,

пишущий жалобы в вышестоящие инстанции, что он не только клеветник, но и злостный вор, ибо он ворует у людей самое ценное, самое дорогое – время...

Скоро дело и до тюрьмы дошло. Марии приходилось туго, но она не падала духом. Оставив на меня детей, ходила по инстанциям, обивала пороги кабинетов, чтобы вернуть мужа. Прошел год – результатов не было. Она продала двух быков, овец и на целый месяц пропала из кишлака. В то время мачеха каждый день выговаривала мне:

– Ты чего там околачиваешься? Сидишь как дурак с ее ублюдками, а ей того и надо. Сбежала она, понятно? Как пить дать сбежала и не вернется никогда.

Я в это не верил, не мог поверить. Наконец Мария вернулась. Оказывается, защищая мужа, она дошла аж до Ташкента. Через неделю-другую дядю освободили. Тогда в кишлаке только и было разговоров, что о Марии. И стар и млад с уважением говорили о ней. Даже отец, не помню уже по какому поводу, упрекнул мачеху:

– Да, если бы все вы были такими, как эта невестка-русская. Не дай Бог, если я попаду за решетку, вы не то что за меня хлопотать – по миру пойдете.

На что мачеха не преминула разразиться тирадой:

– Вам никогда не угодишь: и то вам не нравится, и это. А то, что я столько лет делаю всю черную работу по дому, за детьми смотрю, стираю, готовлю, убираю, это не в счет, да?

Но недолгой была радость в дядиной семье. Тяжелый недуг сразил Марию – ее сглазили, как утверждала моя тетя. Что только не делал дядя: показывал Марию и докторам, и знахарям, и лекарства всякие перепробовал – все было напрасно. Тут нужны были лекарства моей бабушки, я все время подумывал об этом. Жаль, что ее не было с нами! Много лет спустя, когда горечь утраты поутихла, дядя рассказал мне, что за день до своей смерти Мария дала ему маленький, с орех, узелок и попросила: «Когда я умру, вложите это в саван. Только, пожалуйста, не открывайте».

Дядя пообещал сделать все, как она попросила. После ее смерти он вспомнил об этом узелке и, терзаемый любопытством, нарушил обещание и открыл его. Оказалось, это был маленький крест. Мария не была верующей. Но, видимо, она хотела унести с собой в последнюю обитель эту единственную память о матери и родной земле. Бедняжка переживала, что муж обидится. Дядя выполнил завешание жены: незаметно для окружающих вложил крест в саван.

– Так-то племянник, – говаривал мне дядя. – Когда мне особенно плохо, в самые трудные минуты... вспоминаю об этой совестливой, чистой женщине.

А я иногда думаю о связавшем некогда их судьбы, а ныне запущенном, неухоженном большом нашем гранатовом саде.

Перевод с узбекского Гавхар НОРМАТОВОЙ

Гавхар НОРМАТОВА

Родилась в 1951 г. в Бухаре. Окончила филологический факультет ТашГУ (ныне НУУз). Переводчик с узбекского, русского, турецкого, азербайджанского языков. Член СП Узбекистана.

переводы

**Сирожиддин
РАУФ**

Поэт, публицист, член СП Узбекистана. Родился в 1967 г. в Карши. В 1992 г. окончил факультет журналистики ТашГУ (ныне НУУз), в 2002 г. – Юридический университет. Автор поэтических сборников «Йиглаётган ой», «Кўк гумбаз», «Сиз менга керакисиз».

Мерцает свет надежды

26 июня 2017 года Сирожиддину Рауфу исполняется 50 лет. Редакция и общественный совет журнала поздравляют юбиляра, желают доброго здоровья, вдохновения и новых творческих свершений.

Поэт

Родился человек на свет
Других людей не лучше и не хуже.
По воле Божьей – это был поэт.
По воле Божьей – знаемый и нужный.

Он неказист и с виду не титан,
Бокалы жизни втайне осушая,
Взрывает мир вокруг, как ураган,
Размеренную бытность сокрушая.

Его обшенье – мысли Гулхани,
Его стремление – тайны мироздания.
Вокруг него бессмысленные дни,
Земные радости, плотские наслаждения.

А жизнь – и скорбь, и хохот, и мечта,
И ложь, и правда, бездна и высоты.
В ней боль – обман, в ней радость – суета,
Горьки сомненья, тягостны утраты.

Но воспаряет к небу гордый дух,
Душа земных пристрастий не приемлет.
Он солнцу брат – поэт – он ветру друг,
Он без любви жить просто не умеет.

А в сердце боль и горечь, меж людей
Он горд и одинок среди сомнений.
Огонь несущий людям Прометей
В цепях своих страданий и томлений.

Родился человек на свет,
По воле Божьей значимый и нужный.
Цветут в душе сады – ведь он поэт,
Он солнцу брат, он с буйным ветром дружен.

Любовь

1

Неужели любовь, как мгновенье одно,
И ошиблись с тобой мы когда-то давно,
Говоря, что любовь, как бескрайнее небо.
Свет померк. Но в душе все живет эта небыль.

От разлуки с тобой безгранична печаль,
Что-то душу шемит и чего-то так жаль.
Отошло во вчера завтра щедрого дня,
Мир в глазах потемнел голубой для меня.

Мир в глазах потемнел, но светильник горит.
Об ушедшей любви он без слов говорит.
И тогда вспоминаю минувший покой
И присутствие счастья рядом с тобой.

Но увы, тяжело возвратиться назад,
По ушедшему времени свечи горят.
Пред судьбою я голову низко склоню
И без зла обращусь завтра к новому дню

Обещаньем судьбы – мерцает звезда надежды.

2

Вонзаются, как лезвие, вопросы
И сердце мучают, и душу теребят.
Холодный ум мое сомненье спросит:
– Неужто был обманчив этот взгляд.

Как трудно сердцу бедному смириться,
Как тяжело угодить душе своей,
Неужто вновь ловушка затворится,
И снова плен у нелюбви моей.

Чувств лоскутки, любви былой заплаты,
Как тяжкий грех, осознанный душой,
И наше безразличие – расплата
За все, что было меж тобой и мной.

Желанья низкие любви пришли на смену,
Бокал вина разлился на столе,
Не пережить нам подлую подмену.
И яд любви сжигает душу мне.

Осколки бывшей любви.

На языке прощальные слова
Так тяжелы, подобно камню праши.
Застыли слезы. Знаю, что молва
Мою мольбу безжалостно расташит.

Мольба любви, ты взмыла до небес,
Но только я не оглянулся сразу.
Тем больше дров, чем чаще темный лес.
Любовь не подчиняется приказу.

А сердце утопало в темноте,
На шее камень притомил бы Дива.
Вино любви, увы, горько теперь,
Вино любви ушедшей, несчастливой.

Когда-нибудь застывшая мольба,
Застрявшая, как кость, в безмолвном горле,
Прорвется вдруг, и страшные слова
Озвучит сердце, и душа вдруг молвит.

И станет пусто.

* * *

Была любовь и истиной, и целью
Испить воды глоточек в райском саде.
Душа окована любовью, словно цепью,
Неслась, как ручеек, к своей награде.

Искрилась плоть, и пенилось желанье.
Душа звенела, пела, как фаянс.
Одна лепешка – символ изобилья,
Один изюм – он трапеза для нас.

Иссохший край нетронутого кубка,
На дне вино – боль, скрытая в душе.
Ткань для наряда – лишь мираж и шутка,
Все радости – страдания клише.

Была любовь и истиной, и целью,
Так почему душа теперь молчит,
Так отчего же сердце не умеет
Хранить всегда, что нам принадлежит.

Перевод с узбекского Ларисы Юсуповой

Лариса ЮСУПОВА

Окончила режиссерское отделение Ташкентского института культуры. Автор нескольких детских книг, переводчик.

Джасур ИСХАКОВ

проза

АСИК, ИЛИ СНЫ О СТАРОМ ТАШКЕНТЕ

Повесть¹

– Ужас, как растянуто! Это конец первого действия?

– Нет, Асик, еще один монолог Рассказчика снов.

– Так читай!

«– Время... Неостановимое, стремительное... Казалось бы, это было совсем недавно... Вот только что! А прошло уже много лет... Изменился мир, изменились мы... Мне уже за пятьдесят, и по ночам меня мучает бессонница. Но я нахожу в этом и положительное: выхожу на балкон, с которого виден наш прекрасный город... Ташкент... Удивительный город... В предраассветной дымке я разглядываю новые дома, широкие проспекты, густую зелень деревьев... Я ошущаю этот дивный, ни с чем не сравнимый запах родного города... Как когда-то, я жду, Исаак Давыдович, восхода солнца. И я приветствую его: "Ну здравствуй, солнце!"»

– Ничего сцена, – задумчиво говорит Асик. – Совпадение двух важных событий: рождение ребенка в семье Махмуда и возвращение Санжара. У зрителей голова пошла бы кругом. А может быть, это и хорошо? Представляется возможность для актерской импровизации. Хотя суматоха в жизни – это одно, а в театре – совсем другое... И для режиссера интересная задача.

– В тебе пропал театровед, – усмехаясь я. – Твоими бы устами да мед пить!

– Нет-нет... Эта встреча Санжара со своей Хабибой после несправедливой отсидки должна быть очень эффектной. И именно на фоне всеобщей суматохи и криков.

– Ну вот, ты понял, а главный режиссер пропустил этот момент, – говорю я Асику.

– Да ладно, забудь про это! – подбадривает Асик.

– Перекур! – вытирая ветошью руки, сказал Боря. – Выходи, что ты в машине сидишь? Хватит читать! Подыши воздухом.

Мы присели на низенькие табуретки.

– Значит, ты жил на Балькчинской? – спросил Боря.

– Да, – ответил я.

Потом нашу улицу называли улицей Хамида Алимджана. Она начиналась от Пушкинской и упиралась углом в зоопарк. Ее пересекала улица Свердлова, а от нашей улицы через короткую Маяковскую можно было выйти к парку Тельмана.

– Значит, в кино вы ходили в «тридцатку»?

– Да, а летом – в парк.

«Тридцатка»... Кинотеатр имени 30-летия комсомола. Историческое здание. Раньше в нем был еврейский театр, и там выступала сама Вера Комиссаржевская. Здесь же, в Ташкенте, она заразилась чем-то и умерла. А потом в зале, где мы

¹ Окончание. Начало в № 2, 2017 г.

впоследствии просмотрели сотни фильмов, провозглашали Советскую власть.

– Значит, ты знал и Сэра? – спросил Боря.

– Кто ж его не знал?

Худюший, всегда небритый, в плохонькой мятой, но чистой одежде, он обычно сидел неподалеку от кассы на скамейке и, закинув ногу на ногу, непрерывно курил крепчайшие сигареты «Памир». Вокруг него всегда толпились подростки: он вызывал у них жгучее любопытство. Низким и скрипучим голосом он любил негромко повторять: «Придет, придет конец проклятой совдепии! Увидите! Они за всё ответят, комиссары ваши!»

Милиционеры лениво отгоняли его от кинотеатра, но он упорно возвращался на свое место. Его не раз и не два забирали в кутузку. Говорят, даже поколачивали там. Но что было взять с этого доходяги? Его считали сумасшедшим, и какое-то время он даже лежал «по пятому трамваю», то есть в ташкентской психушке. Когда вокруг никого не было, он обычно читал газеты или какую-нибудь книжку. У Сэра было плохое зрение, поэтому он сильно прищуривался и подносил текст близко к глазам, шевеля при этом губами. Он был в курсе всех происходящих в мире событий, помнил по именам всех политиков. «Лейбористы в октябре победят! – поднимал он кверху тонкий указательный палец. – Помяните мои слова!» Кто такие лейбористы, мы, конечно, не знали. Но его утверждения вызывали у нас уважение.

– Что это ты о нем вдруг вспомнил? – спросил я.

Боря затаился, выпустил колечко.

– Потому что этот Сэр оказался пророком, – произнес он задумчиво. – Все, о чем он тогда говорил, свершилось. И Союз рухнул, и советская власть провалилась в тартарары... А мы не верили.

Он поднялся.

– Слушай, а там, в твоей пьесе, есть про Сэра?

– Нет... Я же про свой двор...

– *Опять человека обманываешь!* – укорял меня Асик. – *Просто ты боишься писать о таком. Трусишь и заранее сам себя редактируешь: это можно, это нельзя, этого чуть-чуть, про это – вообще молчок!*

– Послушай, давай, как в тот раз: поставишь машину у нас на стоянке, завтра заберешь, – предложил вдруг Боря. – Посидим где-нибудь, поболтаем.

– *Это он с радостью!* – хмыкнул Асик. *Он хорошо знал мое нынешнее расположение духа.*

– Шашлычок, сюзьму, соленое на закусон... Идет?

– Идет, – быстро согласился я и проглотил слюну.

– *Эх, до чего же ты слабовольный человек!* – усмехнулся Асик. – *Ведь дома тебя ждут... И работать ты сегодня не сможешь... А статью для газеты обещал к завтрашнему дню!*

– *Что-то ты разошёлся, Асик!* – строго одернул его я.

– Мне минут на сорок работы... А ты, так уж и быть, читай, – разрешил Боря и пошел дальше чинить машину.

Сев на заднее сиденье, я углубился в чтение пьесы.

«Второе действие. Вечер. За низким самодельным столиком играют в домино Исаак Давыдович, Тельман, Махмуд и Жданов. Неистово стучат костяшками. Собирающая с веревки белье жена Ольга вздрагивает при каждом ударе.

– А вот я дуплетом!

– Мимо.

– А четверочку не желаете?

– Пропускаю!

– Рыба!

Жданов пьяно хохочет, наливает из-под полы водку и залпом пьет.

– Да чтоб они у вас поломались!

– Молчи, женщина! Как рыба молчи!

Из дома выходит Лола в нарядном платьице, на высоких каблуках. Следом за ней Кумуш.

– И запомни: придешь после десяти – я тебя домой не пушу. Так и знай!

– Ну мама! Мы же договорились... Только ходим с девчонками в кино – и я сразу домой. Ну честное слово! – целует Лола мать и убегает.

Ольга подходит с тазом белья к Кумуш.

– Красивая она у тебя... Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить, – говорит она, улыбаясь вслед Лоле.

– Ой, Оля, знаешь, как страшно! Каждый вечер куда-то убегает... Или появился у нее кто?

– Ну, если и появился, так это ж замечательно!

– Боюсь я за нее... Возраст такой... Опасный, говорят.

– Говорят! Будто сама не была молодой! Хотя мы с тобой и сейчас не старые! Правда? Ой, иногда хочется, как Лолка, одеться красиво, волосы завить, маршфет навести и рвануть на танцы!

– Ну, скажешь тоже – на танцы! – смеется Кумуш.

– А что? Хотя бы просто в парк сходить, людей посмотреть, себя показать... Но разве с этим, – показывает она на мужа, – куда-нибудь сходишь? Только и знает, что в домино стучать да водку глушить...

Она вздыхает тяжело и продолжает собирать белье.

– Оля, знаешь, у нашей бригадирши из прядильного цеха муж нашелся... А на него тоже похоронка была... Он где-то в плену был... Контуженный, а вернулся. Живой...

Ольга обнимает соседку.

– Послушай, муж твой погиб пятнадцать лет назад.

– Шестнадцать...

– Ну шестнадцать... А ты все на что-то надеешься... Какие твои годы?

Всё на сцене замирает. Рассказчик поднимается на сцену.

Рассказчик снов:

– Отец Лолы, муж Кумуш, военный корреспондент Фарид Гизатуллин погиб в самом конце войны в Польше... У них дома долго хранился последний треугольник с фронта... Там был нарисован самолет и написано: «Вот на таком самолете папка прилетит к своим девочкам – любимой Кумуш и крохотульке Лолочке. Ждите. Война скоро кончится. Целую, папка!» Не прилетел. Шальной снаряд попал в «виллис».

Слышится мелодия на аккордеоне песни «Синий платочек». Или «Голубка».

– *Вот, подумал и о музыкальном оформлении спектакля. Молодец! Только кто это оценил, автор?* – нудит Асик.

Я не слушал ворчание Асика. Вспомнил парк Тельмана. Там была танцплощадка с оградой – музыкальной раковиной. Кстати, во время войны именно там снимали фильм «Два бойца». Так вот, рядом под аккордеон танцевали женщины... Мне было странно: чего это они танцуют шерочка с машерочкой? Только потом, спустя годы, я вдруг понял: им просто не с кем было танцевать! Миллионы красивых, здоровых женщин стали одиночками... Наедине со своей красотой, с нерастроченной нежностью, со своими сокровенными желаниями... С мокрыми от слез подушками. Целое поколение было лишено простого человеческого счастья, целое поколение было выбито из жизни! Когда я просматриваю гороскопы, в которых судьба зависит

от звезд, от знаков Зодиака, от месяца и года рождения, думаю: «Какой же проклятый гороскоп нагадал нашим несчастным матерям их судьбы? А по каким звездам миллионы людей погибли на войне, а другие были расстреляны в сталинских лагерях?» Нет, я не верю в гороскопы. Только злая воля людей, власть лживых идей, темных предрассудков, комплексы национального превосходства калечат судьбы...

«Рассказчик уходит со сцены. Действие продолжается. Ольга замечает, что Жданов опрокидывает стакан водки. Бросает белье и подходит к компании, достает из-под стола пустую бутылку.

– Так ты здесь в домино играешь?

– Ну не на пианино же!

– И когда ты перестанешь лакать эту проклятую водку? И кто ее выдумал?

– Говорят, арабы! Аль-когол!

– Я тебе покажу арабов! Сейчас вот разобью эту бутылку о твою башку! – замахивается она бутылкой.

Жданов пьяно смеется.

– Ну, давай! На фронте не добились – так ты добей!

Ольга опускает бутылку, плачет.

– Ну что же это за наказание, а?

Подходит к Кумуш. Та ее обнимает за плечи.

– Оля... Ну успокойся...

– Он уже неделю не просыхает. Не знаю, что делать! Руки опускаются! Денег дома ни копейки, а он пьет и пьет, зараза!

– Это я зараза?

– Алкаш и паразит! – истерично кричит Ольга.

Жданов поднимается, но не удерживается на одной ноге и падает.

– Иди домой! Не позорься перед людьми!

– Пошла ты...

Ольга, рыдая, уходит вместе с Кумуш в дом.

Жданов поет:

– «Наверх вы, товарищи, все по местам! // Последний парад наступает. Врагу не сдастся наш гордый “Варяг”. // Пошады никто не желает!»

Тельман раскладывает домино.

– Ты будешь играть?

– Нет. Лучше поставь бутылку... Я тебе с пенсии верну.

– Хватит тебе.

– Ну, бог паровозный, это не твоего ума дело! Сколько мне надо – я один знаю... Скажи, что денег жалко, и все тут! Исаак, займи два рублика...

– Нет, в самом деле, не надо тебе больше... Лучше спать иди.

– Еще один жмот! Махмуд! Ты у нас человек известный. Сходи на угол, попроси у Толстого поллитровку. Скажи, Жданов с пенсии вернет. Ну, дорогой, я тебя как человека прошу...

Махмуд оглаживает усы.

– Нет, не пойду.

Жданов поднимается, опираясь на костыль, покачивается.

– Эх вы! Я вас как людей прошу, а вы...

– А где твой протез?

– А... Протез... Да сломался он.

– Не сломался. Ты его на куски топором порубил в тот день... Я сам видел...

– Ну порубил! Порубил эту проклятую деревяшку! – всхлипывает, размазывая по лицу слезы, Жданов. – Порубил! Да я себя самого хочу порубить! Обрубок!

Тельман собирает костяшки домино в коробку.

– Давай-ка провожу тебя... Пойдем.

– Убери руки, ментяра! Вишь, усы распустил! Кинозвезда!

– Чего разошелся-то? Иди просппись!

– Смирна-а-а! Как разговариваешь с капитаном? Пока ты свои санпоезда в тыл водил, я кровушку проливал! Да ты знаешь, железник-дорожник, кто перед тобой? Я, Василий Жданов, разведчик! Сам Ватутин мне руку жал! А ты кто такой?

– Ну все, хватит! Иди домой!

– Ну вот и Исаак Давыдович заговорил! – пьяно смеется дядя Вася. – А вы где были, когда я жизнь свою за товарища Сталина отдавал? А? Да был бы у меня пэпэша, я бы вас всех... Гады, все гады!

Он замахивается костылем. Все застывают. Рассказчик выходит на сцену.

Рассказчик снов:

– Дядя Вася, Жданов... Не оправдываю пьянство, но хочу хоть как-то понять, разобраться, почему именно в той нашей стране, стране развитого социализма, всю разбушевалась стихия беспробудного пьянства. Жертвы бывают разными. И я причисляю этих несчастных людей тоже к жертвам. Наверное, это было своеобразной реакцией, способом защиты от беспредела лжи и обмана, облаченных в яркие лозунги пропаганды. Это было жалким, неконструктивным, но все же протестом против несправедливости, унижения, беспочвенных обещаний. Ответом на те муки, лишения и страдания, которые пришлось пережить.

Между жестокими многодневными запоями Жданов чинил примусы, керогазы, утюги, электропроводку, приемники, в общем, был мастером на все руки. Если что-нибудь у соседей ломалось, то бежали к Жданову. А еще он играл на баяне, неплохо пел. Но когда напивался, становился невыносимым. Пашка, его сын, убежал тогда из дому и не приходил ночевать. Он стеснялся отца и часто плакал. Мы успокаивали нашего друга. Тетя Оля, надо отдать ей должное, варила борщ вкусноты необычайной, и мы частенько забегали в скромное жилище Ждановых. А Пашка, наоборот, очень любил лагман, который готовила моя мама... Так и бегали друг к другу... Жданов все время рассказывал о каком-то необыкновенном подвиге, который он совершил на войне... Но ему никто не верил. Да и ногу он потерял уже после войны, попав пьяным под трамвай. Но много лет спустя я вдруг прочитал в “Красной звезде” статью, называвшуюся “Звезда наша своего героя”. Какой-то журналист, работая в Подольском архиве, отыскал материалы, из которых следовало, что младший лейтенант Жданов Василий выкрал очень крупного немецкого офицера с важными секретными документами, и это существенно помогло командованию 4-го Украинского фронта в наступательной операции. Тогда документы о присвоении Жданову Василию звания Героя Советского Союза затерялись, а нашлись, когда дяди Васи уже не было в живых. Так что все его рассказы о подвигах были чистой правдой.

Рассказчик уходит со сцены. Действие продолжается. Жданов замахивается, падает. Тельман и Махмуд поднимают его и волокут к дому.

– “Есть в Ташкенте речушка Салар, а на том берегу плановая... // Там афганский кумар продают, там за деньги свободу дают!” – орал Жданов и без перехода: – “Броня крепка, и танки наши быстры”...

Жданова заталкивают в квартиру, выходят.

– Между прочим, сцепки-то не выдержали...

– Какие сцепки?

– Ну, те двести вагонов... Полсостава на 82-ом разъезде отцепилось. Такая вот музыка... Начальнику депо – выговор, инженеру-путейцу – поставить

на вид, а машиниста первого класса Тельмана Гафурова – лишить премии за второй квартал! Где справедливость?

– Ладно жаловаться. Лет пятнадцать назад за такое тебе бы статью припаяли. И вообще, достал ты со своим паровозом! Век электричества, везде вон уже тепловозы, электровозы, а ты все со своим пыхтящим ИС носишься!

– Эх, Махмуд, стоишь ты на своем перекрестке, палкой машешь, а что в мире творится, не знаешь. Если американцы атомную бомбу на нас сбросят, то и электричество пропадет, а мой ИС-5 и на дровах может ездить!

– Вот-вот! Вперед на саксауле! И в сторону кладбища! Атомная бомба!.. Скажешь тоже...

Через двор идет Малика, здороваются с соседями.

– Малика, ну-ка постой... Я тебя как раз жду, – Исаак вынимает из-под стола коробку, откидывает крышку. – Вот... Примерь, – протягивает босоножки.

Малика рассматривает босоножки.

– Ой, прелесть какая! Сколько стоят?

– Двенадцать рублей.

– Всего?

– Ленинградская обувная фабрика “Скорород”. Отличное качество!

Малика примеривает босоножки.

– Исаак Давыдович, я вам так благодарна... Только сейчас у меня денег с собой нет. Я в зарплату отдам.

– Об этом не думай. Главное, размер подошел?

– Как по мне сшиты!

– Исаак-ака, достань мне такие же... Для Мамуры.

– Постараюсь... Но эта партия уже разошлась: одна коробочка ушла в райком партии, две – в горисполком, две – в министерство...

– Ой, опаздываю... А я прямо в них и пойду... – говорит Малика и уходит.

Махмуд что-то подсчитывает.

– Что, вам всего пять пар прислали?

– Какие пять пар? В каждой коробке – тридцать шесть пар... Вот и считай.

– Ну что, еще партейку?

– Хватит... Да и неинтересно втроем.

По лестнице спускается Санжар с книгой в руках.

– А вот и четвертый! Санжар, сыграй с нами. По две копейки за кон... Пропуск – одна копейка.

Санжар подходит, устало улыбается.

– Спасибо, что-то не хочется...

– Как у тебя с работой?

– Так же...

– Не берут, значит.

– Идем к нам, в депо народу не хватает... – предлагает Тельман.

– Может и пойду... Только сейчас надо одну работу закончить...

– Опять книжки пишешь?

– Пишу.

– Эх, Санжар! Один раз обжегся – и опять за свое! Мой покойный отец говорил: “От большого ума – одни неприятности”, – увещевает Махмуд.

– То-то я вижу у тебя, Махмуд, никогда никаких неприятностей не бывает!

Все смеются.

– Смейтесь! А я вот считаю: жизнь это как... уличное движение... Есть правила дорожного движения. Если стоит знак “поворот налево запрещен” – значит,

нельзя налево поворачивать. Нарушил – отвечай!

– Пятью годами тюрьмы?

– Ну не знаю... Я человек маленький.

– Дорогой Махмуд-ака! Если бы наша жизнь была такой, как ваши правила уличного движения! Как было бы удобно!.. Все намного сложнее.

И снова стоп-кадр. Рассказчик снов выходит на сцену.

Рассказчик снов:

– Дядя Санжар... Может быть, оттого, что я не помнил родного отца, именно он был для меня примером... Не побоюсь этого слова, идеалом. Светлый, красивый, мужественный человек... Он был историком. Учился в Москве, в Ленинграде. Оттуда, кстати, и привез Хабибу. Помню, как его забирали. Четыре человека в одинаковых плащах вели его по этой лестнице. На прощание он крикнул Хабибе: “Не бойся, все будет хорошо!.. Это просто недоразумение”. Недоразумение затянулось на пять лет. Потом во дворе шептались, что он против советской власти. Кто-то возражал. Особенно дядя Исаак, говоря об этом, как правило, вполголоса: “Ну какой Санжар враг? Все это враньё! Скоро его отпустят”. Санжар писал книгу на самом деле. Книгу по истории. Сейчас она переиздается уже в третий раз. А тогда... Его судили при закрытых дверях, даже Хабибу не пустили. Дали срок и отправили куда-то в Мордовию. Сам он никогда не рассказывал про эти пять лет. Но когда спрашивали, отвечал: “Это хорошая школа... Но лучше учиться в ней заочно”. Он много знал и здорово рассказывал. Мы, пацаны, окружали нашего кумира, а он рассказывал о Спитамене, о подвигах Геракла, о красавице Роксане. В школе ничего подобного я так и не услышал. Дядя Санжар... В свободное от работы время он гонял с нами голубей, водил купаться, пек в золе удивительно вкусную картошку! А еще он знал все звезды на небе. “Вон, видишь – самая яркая звездочка? Это Сириус... А знаешь, кто первый доказал, что земля круглая? Твой предок ученый Бируни”. Он знал наизусть стихи Пушкина, Байрона. Читал газели Навои. Удивительный был человек... Именно он купил две пары боксерских перчаток, и мы проводили соревнования по боксу. “Никогда не задирайся сам, – говорил, – но если кто-то лезет – обязательно дай сдачи!” А еще он знал много песен, в том числе и блатных, тюремных... “Цыганка с картами, дорога дальняя, дорога дальняя, казенный дом, быть может, старая тюрьма центральная меня несчастного по новой ждешь? Таганка, все ночи полные огня. Таганка, зачем сгубила ты меня? Таганка, я твой бессменный арестант, пропала юность и талант в твоих стенах...” И это мы услышали впервые от Санжара...

Рассказчик уходит со сцены. Действие продолжается.

Тельман раскладывает домино. У кого шесть-шесть?

– У меня... И хватит о политике.

– Слушай, Санжар, в самом деле, ты же умный человек, пиши то, что им нужно!.. Пусть они будут довольны! Или совсем не пиши...

– А совесть?

– Эй, вы будете играть?

– Совесть? Она у тебя куда не денется.

– Не думаю...

– Знаешь, есть японская притча: От сильного ветра сломался столетний дуб...

А соломинка согнулась под ветром, но потом снова выпрямилась.

– Опять вы за свое! Исаак Давыдович, ваш ход!»

Я отложил пьесу. Дальше шла сцена с карточным шулером Гамлетом.

– Ага, даже читать не хочешь? – ёрничал Асик. – А еще обижаешься, если кому-то твоя пьеса не нравится! Будь честнее к самому себе!

Да, целиком придуманная сцена показалась мне лишней, инородной.

– Понимаешь, я хотел добавить чуточку юмора... Чтобы зритель немного расслабился, – пытаюсь оправдаться я.

– Что смешного в том, что этот твой Гамлет жестоко разыгрывает хорошего человека, Махмуда, сказать прямо – издевается над ним!

Я пропустил страницу, продолжил чтение.

«– Она заявила, что отдаст свое сердце только после того, как я дерну вас за ус... – сказал Гамлет.

– За мой ус?! – изумился Махмуд-ака.

– Да, именно за ваш ус!.. И еще она хочет, чтобы вы сняли передо мной свою милишейскую фуражку...

– Что? – кончики усов стали подрагивать.

– И еще... вы должны поклониться мне... – невинно продолжал аферист.

– Я? Поклониться? На службе? Ни-ког-да! Нет! Пошел отсюда, негодяй! – казалось, что в глазах Махмуда сверкают молнии.

Гамлет бросается на землю и бьется головой.

– Нет, лучше убейте меня! Мне незачем жить! Я не могу исполнить волю своей любимой девушки!

– Махмуд... Тут, видно, дело серьезное... Может, согласишься? Две секунды, а у человека судьба решится, – уговаривает Тельман.

– Я тоже думаю: надо помочь человеку...

Санжар давится от смеха, но все же берет себя в руки.

– Да... Махмуд... Придется выполнить просьбу...

– А если начальство увидит?! – испуганно говорит Махмуд.

– Никто ничего не увидит! Мы это сделаем, когда начальство еще спит! Рано утром! Мы подойдем к вам с девушкой, а дальше вы скажете: "Здравствуйте, уважаемый Гамлет!" Ну и дальше, как я говорил. – Гамлет обнял милиционера за плечи и посмотрел ему в глаза своим честным-пречестным взглядом. – А в благодарность я устрою плов – в честь рождения вашего сына.

– Плов!

– На весь ваш двор! – Гамлет торжествующе оглядел всех присутствующих.

– Махмуд, соглашайся!

– Такая ерунда!

– И никто не узнает!

Махмуд взволнованно ходит взад и вперед, обдумывая такое необычное предложение.

Рассказчик снов:

– На следующее утро Махмуд-ака вышел на службу. Гамлет под руку с красивой девушкой подошел к Махмуду, тот стянул с себя фуражку, поклонился, поприветствовал Гамлета, а Гамлет несколько раз дернул его за усы! Девушка была в восторге. Как выяснилось позже, рядом с перекрестком стояла "победа" с приятелями Гамлета. Накануне в ресторане он поспорил аж на тысячу рублей, что подергает усы у самого знаменитого ташкентского милиционера! Но Махмуд-ака так никогда и не узнал о том пари и до конца своей жизни верил, что спас одного молодого человека, вернув ему возлюбленную. А Гамлет получил свой нехилый выигрыш, но тут же истратил жирную тысячу на всякие сомнительные радости жизни, которые нормальный, правильный, горожанин назвал бы возмутительным транжирством и оценил коротким: "С жиру бесятся!" И такие истории приключались в нашем старом ташкентском дворе.

Занавес. Конец второго действия».

– Ну вот! Самое интересное у тебя опять за кадром, в пересказе Рассказчика! –

горячился Асик. – Зрителю хочется видеть, а не слышать твои байки!

– Как на сцене я изображу улицу, большой перекресток, машины, подглядывающих приятелей Гамлета? В кино – другое дело... Я бы с удовольствием показал, как тратил Гамлет свой выигрыш. С пикантными подробностями.

– Ну, в кино такое показывать тебе никто не разрешит, – вздохнул Асик. – Кино! Пока забудь о кино... У тебя – пьеса! Театральная пьеса! Эх, не зря твой знак «Рыбы»! В тебе доминирует та, что безвольно плывет по течению реки, не оказывая никакого сопротивления... Когда же ты вспомнишь, что у тебя есть и вторая рыбка? Та, что может вдруг наперекор всему напрячься и поплыть против течения?

Ох уж этот противный Асик... И гороскоп мой детально изучил!

А с пьесами мне всегда не везло. Лет двадцать назад я написал пьесу, которая называлась «Продается на слом». Главной репликой героя пьесы для меня самого была: «В нашем доме поселилась ложь». Замначальника отдела культуры в большом доме, пресный человек, сказал мне: «Что же у тебя герои всё чай пьют, болтают о чем-то, прямо как у Чехова?» И зарубил пьесу, даже не поняв, какой комплимент мне сделал. Много позже один режиссер, случайно прочитав эту пьесу, воскликнул: «Да ты сам понимаешь, что написал? Разваливающийся дом и распадающаяся семья – это же предчувствие той катастрофы, что произошла в 91-ом году! Ты представляешь, как бы она прозвучала в то время! Где же ты ее прятал столько лет?!» Где, где... В столе... Вернее, на антресоли, среди других папок, тетрадей, старых портфелей, туго перевязанных веревкой. Слепой экземпляр, пожелтевшие страницы, напечатанные мною на машинке «Консул» с надписью «Сделано в Чехословакии»... Страны-то такой уже нет! Как и многого другого, впрочем... Когда это было? Я всегда стараюсь чем-то отвлечься, если думаю о времени, о его быстротечности... О его непрерывности, которая, впрочем, нас не касается. Мысль, что пространство, космос – бесконечны, с детства очень пугала меня. И я старался не думать об этом вовсе. И даже сейчас, когда по телеку показывают, что астрономы узнали о какой-нибудь черной дыре в миллиардах парсеков от Земли, я быстро переключаю канал.

– Ну конечно! – вмешивается Асик. – Лучше узнать, за кого вышла в очередной раз примадонна. Или еще что-нибудь в этом роде. Никто никогда не убьет в тебе обывательские замашки и мещанские привычки! И «ящик» навсегда останется твоей самой привлекательной игрушкой! Со всей мещаниной футбола, политики, тошнотворных сплетен, морализаторских ток-шоу и дымящихся новостей!

– Эй ты, полегче на поворотах! Говори о той пьесе! Театровед доморощенный!

– А что о ней говорить? Сейчас, после девяностых, пьеса «Продается на слом» с ее предчувствиями и аллюзиями вряд ли кому-нибудь нужна... А бумага станет еще желтее, и ты забудешь, как звали героев собственной пьесы.

Из-за этой хамской прямоты я отвернулся от Асика. Хотя и не видел его. Наверное, и ему тоже надоело пререкаться со мной.

Механик достал какие-то инструменты и снова погрузился в ремонт жигуленка, вполголоса поругивая меня за недостаточную заботу о машине:

– Эх ты! С ней, как с живой, надо обращаться! А ты! Довел машину!

Я молча выслушал упреки и включил магнитофон.

– Хорошая вещь... – сказал Боря, прислушиваясь к песне. – «Кашгарка» называется.

– Ну, что же ты молчишь? – подковырнул меня Асик. – Давай, изумляй рабочий класс!

– Нескромно это, – отказался я.

– Скромность – самая короткая дорога в полную неизвестность! Почему бы

не рассказать этому человеку, которому понравилась твоя песня, как ты ее писал, кто ее пел...

– Да ладно... – произнес я, но подумал, что чуть позже в спокойной обстановке я расскажу Боре историю этой песни.

Я продолжил чтение.

«Рассказчик снов:

– Как я себя помню, у нас во дворе никогда никого не делили по национальному признаку. Особенно среди детей. Всё оценивалось просто: этот парень хороший, а тот – говнюк. И точка. Например, если кто-то выходил во двор с ломтем хлеба с маслом, да еще посыпанным сахаром, к нему тут же подбегали другие: “Дай откусить, дай откусить!” И попробуй не дай! Сразу окажешься в категории... Ну, я уже говорил об этом. А так наш двор или, скажем, наши дворы, чем-то напоминали Вавилон. Кого там только не было! Кто только не жил под крышами нашего города! Может быть, оттого что я вырос в таком вот интернациональном... Нет, сейчас это слово не в почете... в таком многонациональном дворе, я по сей день не могу понять, как можно делить людей на чучмеков, жидов, хохлов, москалей, татарву, армяшек, узкоглазых... Когда кто-то пытается доказать превосходство своей нации над другой, это бесит и коробит. И для меня до сих пор существуют всего две “национальности” – хороший человек или плохой! Какой бы разрез глаз у него ни был, какими бы волосами – рыжими или черными – он ни обладал. С горбинкой у него нос или без, выговаривает он “р” или картавит – мне безразлично, лишь бы был хорошим человеком... Но это так, к слову. А сегодня у нас – праздник! Эй, там! Музыку, да погромче!

Возникает странная мелодия, в которой необыкновенно переплетаются звуки тогдашнего бравурного марша, мощные басы карная, тонкий писк сурная, грохот барабанов и дойр, обрывки песен, рубаб и гармошка... Одеты все нарядно, по-праздничному. Кто-то носит столы и стулья, кто-то подметает двор, кто-то рубит дрова, кто-то моет посуду, кто-то стелет на стол скатерть с розовыми следами прошлых посиделок... Кто-то накручивает пружину патефона.

Махмуд, конечно, возится у казана с пловом.

Ольга открывает банку с соленьями.

– Эй, давайте быстрее, скоро плов будет готов! – кричит Махмуд.

– Огурчики прошлого года, но все как на подбор! – говорит Ольга Кумуш.

– А ну-ка... Снимем, как говорится, пробу... – Жданов хрустит огурцом. – Где тут наливают? Закусон – просто прелесть.

– Я тебе дам закусон! Сегодня для тебя пустыня Сахара – ни глотка! Ты ведь обещал! Сам выразил желание! Прошу, не пей!

– Свои желания надо совмещать со своими возможностями! – резонно замечает Жданов.

К столу подходит Малика с тазом.

– Куда самсу поставить?

– С тыквой?

– А ты с мясом захотел? – язвительно говорит Ольга.

Жданов пробует самсу.

– Ох, объедение!

Броня возится с рыбой.

– Рыбку украсим зеленью... Вот так... По-одесски.

Тельман и Санжар кладут доску между двумя табуретками».

Асик тут как тут:

– Хорошая находка! – удовлетворенно замечает он. – Да, длинные доски были

самым распространенным сидячим местом для коллективных посиделок того времени. Их еще курпачами застилали. Послушай, автор, а не слишком ли много гастрономических деталей? У меня слюнки уже текут!

– Потерпишь.

Читаю дальше:

«– Эй, вы что весь стол завалили? – кричит Махмуд. – Для плова место оставьте!..

– Для плова место всегда найдется! – смеется Санжар.

Во двор заходит незнакомец. Он растерянно оглядывает многолюдный двор, протирая запотевшие очки. На нем чесучовый костюм, белые парусиновые туфли. В одной руке авоська с позванивающими бутылками, в другой – тяжелая кирзовая сумка. Через плечо – фотоаппарат и деревянная тренога.

– Здравствуйте, вам кого? – спрашивает Ольга.

– Мне... Исаака Давыдовича...

– Исаак Давыдович! – кричит Ольга. – Вас спрашивают. Где вы там?

Исаак, поправляя галстук, выходит из дома. Увидев знакомого, идет к нему с улыбкой.

– О, Мумтоз! Молодец, что пришел! Познакомьтесь, дорогие соседи! Это мой друг и товарищ, зовут его Мумтоз. Давай располагайся, будь как дома...

– Я тут кое-что принес, – говорит Мумтоз. Под одобрительные взгляды мужского населения двора он ставит на стол бутылки.

Потом открывает сумку и начинает вытаскивать всякие дощечки, цилиндры, пакетики.

– Фейерверк?! – догадывается Исаак. – Ну, молодец! Украсишь наш праздник... Но это позже, когда стемнеет...

– Вы когда-нибудь сядете, а? – нервничает Махмуд. – Давайте за стол! Быстро! Все шумно рассаживаются по местам.

– Мумтоз, садись вот здесь... он сажает вновь прибывшего рядом с Маликой. – Это Малика. А это – Мумтоз. Хороший человек. Ну что же ты стоишь как столб? Малика и Мумтоз долго смотрят друг на друга. Немая сцена.

Рассказчик снов:

– Когда я впервые увидел Мумтоза, он мне не понравился. Показался каким-то забитым очкариком, слишком скромным для взрослого. И имя какое-то – Мумтоз... Мумтоз-паровоз, обозвал я про себя в тот день человека, который, по сути, стал моим отцом. Он рано овдовел: жена с неродившимся ребенком умерли при родах. Работал инженером в каком-то почтовом ящике, а в свободное время что-то изобретал, выдумывал. Он одновременно занимался фотографией и пиротехникой, знал разные фокусы, собирал значки и марки, мог починить водопроводный кран, отремонтировать любую машину. Долгое время я куксился, подчеркнуто называл его дядя Мумтоз. Однажды мы с пацанами пошли купаться на Анхор, рядом с парком Победы. Там есть два изгиба. В этих местах закручивались мощные воронки. Мы про них, конечно, знали. Но в тот жаркий день я забыл об опасности и поплыл по течению реки. И вдруг меня стало с силой затягивать под воду. Я выныривал, но воронка снова тянула меня вниз. Не помню, как потерял сознание и практически утонул. Остальное мне уже рассказывали. Мумтоз каким-то чудом оказался в тот момент на реке. Сам Бог его послал! Не раздеваясь, он бросился в воду. Выныривал и снова нырял – искал мое тело. Нашел на дне между корягами. Вытащив меня на берег, Мумтоз принялся откачивать из меня воду, делал искусственное дыхание, бил по щекам и кричал: “Сынок! Сынок! Очнись!” И я очнулся. Увидев перед собой мокрое измученное лицо Мумтоза, заплакал и сказал: “Папа!” Он тоже заплакал, и мы, обнявшись, просидели на травянистом берегу целую вечность.

Странная штука жизнь. Если бы в то утро Исаак Давыдович не встретил маму и не решил бы познакомить ее с Мумтозом, я, наверное, так и утонул бы в той воронке. Мне здорово повезло с отчимом. Он, конечно, сильно отличался от моего идеала и даже от Санжара. Очень сдержанный, неприметный, он обладал каким-то внутренним стержнем и удивительным обаянием...»

В этом месте Асик хмыкнул.

– И все-таки я не пойму, почему ты придумал отчима? Ведь у тебя был отец...

– Сколько можно тебе объяснять! – не выдерживаю я. – Это – пьеса! Пье-са! Что-то взято из моей личной жизни, что-то из жизни моих знакомых, а что-то просто придумано! Это не автобиография, понял? Ты можешь испортить настроение кому угодно! Всё, закройся!

Читаю дальше:

«...А пока – праздник. Дворовый праздник, который из многих тогдашних посиделок запомнился мне на всю жизнь... Что тогда отмечали? Рождение сына Махмуда? Или возвращение из тюрьмы Санжара? Да, всё тогда перепуталось и перемешалось, и сами участники дворового торжества никогда бы не сумели дать определенный ответ. Иногда я задумываюсь... Жили, вроде, бедно... Да не вроде! Просто бедно жили... У всех были проблемы, да еще какие! А ведь собирались за общий стол и веселились! По-настоящему, искренне!»

Асик снова заговорил, пропитывая слова невидимым ядом скепсиса:

– Демурга доморощенный, а не слишком ли ты идеализируешь то время? Послушать тебя, так это просто рай на земле! Все друг друга любят, все такие симпатичные, добренькие. Не хватает крылышек за спиной. Почему не вспомнишь дворовые скандалы, грязные склоки?... Как женщины ругались из-за того, кто первым будет полоскать белье у единственной во дворе водопроводной колонки? Вспомни этот бедный, убогий, почти пустой двор. Эту страшную уборную и зловонную мусорку, которую не убирали месяцами! А миллионы мух! Забыл?

– Нет, не забыл, – тихо отзываюсь я.

– Всё тебе сейчас мило: и тяжеленные чугунные утюги с углями, и вонючие керосинки и керогазы, и печка-голландка, которую зимой надо было топить два раза в неделю, а угля не хватало до марта, и ты лепил катышки из угольной пыли, не помнишь?

– Хватит, Асик...

– Нет уж, выслушай! – перебивает меня он. – Ты так «вкусно» описываешь дворовый праздник, но не хочешь вспомнить, что в будние дни самым популярным блюдом у вас был макаронный суп без мяса. Вы бегали в генеральский двор и воровали яблоки, потому что в доме они были редкостью! И арбузы на Алайском вы тырили не из романтики, а потому что вам, пацанам, элементарно не хватало витаминов! Всё забыл?

– Я ничего не забыл. Но пьеса не об этом... Всё, прекрати! Да! Я хочу вспомнить то, что хочу! Свое детство, свой двор, своих друзей!

– Лакировщик! – бросает мне страшное обвинение Асик.

– А ты...

Слышу голос Бори:

– Эй, Асад! Что с тобой? Заболел? На тебе лица нет... Такой бледный. Чай поставить?

– Нет, не надо. Это пройдет...

– Всё свою пьесу читаешь?

– Да... – разглаживаю я листы.

«...Рассказчик не уходит со сцены, присаживается за край стола. Сцена оживает. Исаак стучит вилок по стакану.

– Так, дорогие соседи, прошу тишины... Сегодня мы собрались по поводу

появления на белый свет еще одного человечка... А где Мамура?

– Она ребенка кормит, сейчас спустится, – сообщает Махмуд.

В этот момент во двор входит Гамлет. Он тоже сегодня приоделся, настоящий стилиста: узкие брючки, туфли на толстой подошве, на голове взбит кок, на груди яркий галстук с пальмами и морем.

– Гостей принимаете?

– О, Гамлет! – радостно восклицает Махмуд. – Давай к нашему столу! Теща тебя любит – как раз к плову!

– Здравствуй, Гамлет!.. – улыбается Исаак.

– Исаак Давыдович! А я вас не узнал! А то вы всё в пижаме да в пижаме! Я вас перебил?

– Нет, ничего. Прошу любить и жаловать, это друг нашего двора Гамлет! Слышали про такого?

– Слышали... – Тельман подозрительно оглядывает пришельца. Что-то шепчет Жданову.

– Так, дорогие соседи, продолжим! Я начну со второго тоста... – Исаак подходит к Санжару, обнимает его за плечи. – Дорогой Санжар, все мы хотим поднять наши бокалы, – он поднимает граненый стакан, – в честь тебя... С возвращением домой, в наш Ташкент!

– Спасибо, Исаак Давыдович... – смущенно благодарит Санжар.

– погоди, ты не все сказал, – поднимается Махмуд. – Хочу добавить. Хабиба-хон, вы достойны самых теплых слов. Все эти пять лет...

– Махмуд-ака... Ну не надо... – смущается Хабиба.

– Нет уж! Так и знай, Санжар! Все пять лет эта великая женщина думала только о тебе! Ждала. И все мы свидетели! Пьем за вас. Будьте счастливы!

Все поднимаются, чокаются разнобойной посудой, поздравляют Санжара и Хабибу.

Слышатся реплики: “Ну, вздрогнем”, “А вот попробуйте селедочку...”, “Что же ты не пьешь? Давай, до дна!” и т. д.

Во двор торопливо входит взволнованная Софья Ивановна. В руках – букетик цветов.

– Я не опоздала? – спрашивает она.

– Нет-нет, Софья Ивановна.

– Послезавтра – премьера. И я выпросила у администратора десять контрамарок! Так что всех приглашаю... – она оборачивается к Жданову: – И вас, Вася, я тоже персонально приглашаю...

– Спасибо... – удивляется Жданов. – Что, мадам Бовари будете играть?

– Нет-нет... – добродушно смеется Софья. – Какая из меня госпожа Бовари?.. Вы правы, Вася... В самом деле... годы. Но роль у меня замечательная – мать главного героя! А его играет наша восходящая звезда Ромочка Ткачук!

– Да вы присаживайтесь, Софья Ивановна, – радуюсь примирению, говорит Жданов. – Что вам налить? Вина?

– Бр-р-р-р! Только не портвейн! Лучше водочки! – говорит актриса, накладывая в тарелку нехитрую закуску.

– Вот это правильно!

Стоп-кадр. Рассказчик обходит с рюмкой стол. Останавливается возле актрисы. Рассказчик снов:

– Вообще-то, по-настоящему ее звали Софья Илларионовна Чхеидзе, но в жизни она была Софья Ивановна. Так было проще... Говорили, что ее отец, знаменитый грузинский князь, влюбился в русскую девушку и после отказа родителей выкрал

ее и женился. От этого брака и появилась Софья Ивановна. Как она попала в Ташкент – покрыто мраком времени. Того странного, иногда словно вывернутого наизнанку, времени. Всю жизнь она проработала в театре Горького. Ее подоконники были уставлены геранью, по комнате бродили три избалованные кошки, подслеповатый пес Мирон, а в клетке жила беспокойная канарейка. С работы Софья Ивановна всегда возвращалась с цветами. Все знали, что чаще всего она покупала их сама... Когда она умерла, оказалось, что у нее никого нет... Ее нехитрую мебель разобрали соседи, а я нашел среди груды мусора, выброшенного новыми жильцами, связку старых конвертов, перетянутых муаровой, уже в пятнах, лентой. Сознаюсь, я прочитал эти письма. Это была переписка двух влюбленных. Он называл ее Софи, она его – Ник. Первые письма от Софи – сначала из Верного, потом из Ташкента – были датированы тринадцатым годом. Ник писал из Питера, через год – из Ростова, а последнее письмо – непонятно откуда. Я помню слова из последнего письма Ника: “Идет дождь, холодно, мерзко, и меня согревает лишь сознание, что на этом свете, в далеком Туркестане, есть Вы, моя несравненная, нежная, умная и самая-самая красивая Софи!” В конце стояло: “11 ноября 1915 года”. Видимо, Ник погиб... Потому что переписка резко обрывалась... Я вчитывался в мелкий каллиграфический бисер любовных писем, ошущал едва уловимый запах духов и начинал осознавать, что жил рядом с настоящей аристократкой, человеком высокого ума и тончайших чувств. Софья Ивановна!.. А она так и не научилась разжигать примус...»

Голос у Асика крайне раздраженный:

– *И это всё ты собираешься читать со сцены? Зрители вызовут автора и закидают гнилыми помидорами! И будут правы! Это не пьеса! Не пьеса!*

– *Да не будет это всё произноситься со сцены! – кричу я ему.*

– *Зачем же ты это пишешь? Для кого?*

– *Это мои воспоминания, они должны помочь актерам, да и читателям, понять, чем мы жили... Как мы жили! Всё, читаю!*

«...Из дома выходит Лола. Подходит к Кумуш, что-то шепчет на ухо.

– Какие танцы? – строго говорит Кумуш. – Нет, ты сегодня никуда не пойдешь!

– Ну мам!

Рядом с ними появляется как черт из табакерки галантный Гамлет.

– В самом деле, какие танцы? Я принес самый писк музыкальной моды! – Гамлет достает из кармана целую пачку гибких пластинок на рентгеновских снимках. Ставит одну из них на диск патефона. Сквозь шипение доносится лихой рок-н-ролл.

– А? Лола, ништяк? А вы говорите – танцы! У вас там одни польки и падеграсы! А вот еще! – он меняет пластинку. – Чудо нашего века! Золотая труба и золотой голос Луи Армстронга! Присаживайтесь, девушка. Кстати, меня зовут Гамлет... А вас?

– Лола...

– Лола, иди сюда... – строго окликает Кумуш. – Садись рядом!

– Ну вот, на танцы девушку не пустили и здесь оказываете давление, – упрекает Гамлет. – Лола, а вы танцуете буги?

– Нет... – тихо отвечает Лола.

– Хотите, научу? – всё внимание на Гамлете.

– Лола... – хмурится Кумуш.

– Ну мам!

Гамлет ставит новую пластинку, накручивает пружину.

– Это – буги! Буги-вуги! Танцует весь мир! “От Москвы и до Калуги мы лабаем буги-вуги!” Это очень простой танец... Честное слово! Я вас научу, хотите?

Лола умоляюще смотрит на мать. Та отворачивается.

Гамлет берет девушку за руку и выводит в центр двора. Начинает танцевать,

да так зажигательно, что Лола тут же подхватывает движения новомодного танца.

– Вот оно – тлетворное влияние Запада!.. – насаживая огурец на вилку, мрачно заключает Тельман.

– Я бы этих стилиг привязал к позорному столбу – и ремешком по заднице! – наливая водку, вторит ему Жданов.

– Эй, хватит! – кричит Тельман. – Санжар, меняй пластинку! Давай что-нибудь наше!

– Правильно! Советское! – Жданов закусывает селедкой.

Танец кончается. Санжар берет первую попавшуюся пластинку, ставит. Звучит мелодия вальса “Брызги шампанского”.

– Вот это другое дело!

В этот момент на лестнице появляется Мамура с младенцем на руках».

– *Да, прямо «Мадонна с младенцем Иисусом»! Сколько картин на эту тему было написано за историю человечества! Сколько тонн масляной краски было истрачено! А сколько раз подобные сцены мы видели в кино, на сценах театров. Не хватает органной музыки и сияющего нимба!*

– *Зря издеваешься и ёрничаешь! На этом весь мир стоит! Женщина и ребенок – смысл жизни! Циник!*

Асик хмыкает и замолкает.

«– А вот и главный герой торжества – маленький Санжар! – объявляет Хабиба. – Мамура, давай спускайся. Мы тебя тут заждались!

Мамура с ребенком подходит к столу, улыбается. Потом садится рядом с Хабибой, целует ее.

– А можно я скажу? – неожиданно говорит Хабиба. – Дорогая Мамура! Дорогой Махмуд-ака! – волнуясь, произносит она. – Сегодня у нас замечательный день! Да у всех нас! Я хочу поздравить вас от всей души, от всего сердца! Пусть этот малыш растет крепким, здоровым!

– И пусть дети будут чуть счастливее нас... – неожиданно добавляет Малика.

Она быстро вытирает выступившие слезы и застывает в стоп-кадре.

Рассказчик снов:

– Мама... Она родилась в Коканде в очень уважаемой семье. Ее отец был набожным человеком. Занимаясь купеческим делом, ездил с товаром в Россию. Кроме того, он был членом правительства Кокандской автономии. В первую волну сталинских репрессий, еще в 31 году, был расстрелян, имущество и дом конфискованы. Мама с бабушкой и пятью братьями и сестрами переехали в Ташкент, мыкались по углам, страдали от беспросветной нищеты и голода. В войну мама еще подростком работала на оборонном заводе, собирала снаряды. Клеймо дочери врага народа навсегда закрыло перед ней двери какого бы то ни было высшего учебного заведения... После войны стала работать на 2-ом хлебозаводе... Это во многом помогло выжить ее многочисленным братьям и сестрам. На заводе познакомилась с моим отцом, который работал там водителем. Вот в этот двор они и переехали. А потом родился я. Может быть, это время было самым счастливым для мамы... Семья, муж, ребенок, колыбелька из корзины, крыша над головой... Отец умер внезапно – прямо за баранкой хлебозавоза. Виной оказался малюсенький осколок мины, чуть больше спичечной головки. Пять лет он таился у сердца, а потом убил отца. Мама... Сколько унижений, страданий и боли она перенесла за свою жизнь! У нее отняли все: имя (она вынуждена была после расстрела отца изменить фамилию), немалые богатства, которые должна была унаследовать от родителей, право на нормальную жизнь, веру. Я мысленно возвращаюсь к ее жизни и поражаюсь ее жизнелюбию, огромной внутренней силе... Нет, мама была не одна такая. Это целое поколение... Жизнь их

била, мяла, брала на измор, но они все вытерпели, смогли преодолеть невыносимые для нормального человека испытания... Я помню день смерти Сталина. Помню, как все плакали... Как рыдала мама... Плакала по человеку, из-за которого она потеряла всё. Какое же великое противоречие было во всем этом!..

Во время этого монолога Рассказчика снов – почти с самого начала – возникает мелодия “Сато”. Удивительно печальная, глубокая мелодия. Рассказчик снов уходит в сторону и сцена вновь оживает.

– А теперь – небольшой сюрприз! – торжественно произносит Исаак.

Он идет за угол и вывозит детскую коляску с одеяльцами, пеленками и погремушками.

– Это маленькому Санжару! Подарок от нашего двора и от нашего гостя Гамлета!

Во дворе раздаются аплодисменты, возгласы удивления и восхищения.

– А вот подарок для большого Санжара.

Исаак вынимает из кармана коробочку и достает из нее часы.

– “Победа”, семнадцать камней! Пусть эти часы отсчитывают для тебя новое, свободное, время, и пусть каждая минута будет счастливой!

– Откуда у тебя деньги? – испуганно спрашивает Броня.

– Броня, все в порядке! – успокаивает ее Исаак.

– Исаак, ты знаешь, кто-нибудь донесет в милицию, что ты разбрасываешься деньгами! Откуда ты их взял, немедленно отвечай! – нервно продолжает допытываться Броня.

– Это честно заработанные деньги! – объясняет ей Гамлет. – Просто я предоставил Исааку Давыдовичу возможность самому найти им достойное применение! Успокойтесь... Вот, выпейте воды!

– Эй, вы когда-нибудь угомонитесь? – кричит Махмуд.

Все снова рассаживаются. Санжар встает, говорит с улыбкой:

– Дорогие соседи, друзья... Спасибо вам за все... Что так встретили... Что помогали Хабибе... За наш двор! За нас!

К нему подходит Исаак.

– Я добавлю, можно? Хочу предложить тост за наш город... За мой город. – Исаак несколько секунд молчит. – Большую часть жизни я прожил в Одессе. Но Ташкент стал моим домом, – он кашляет, вытирает слезы. – Он приютил меня, мою семью, дал кров, работу. Он отогрел мое сердце...

– За Ташкент!

– За наш двор!

Махмуд тем временем раскладывает плов по ляганам и разносит по столам.

– Плов ждатель не любит! Давайте-ка, пробуйте! – говорит Махмуд.

Двор дружно приступает к почти сакральной трапезе – к плову.

Ах, плов, плов! Его готовят во многих уголках мира. По количеству рецептов его приготовления он, кажется, превосходит все известные блюда. Есть, говорят, даже плов из мидий! Бр-р-р! И все яростно спорят, у кого плов лучше. В Баку или Душанбе, в Казани или Уфе, в Самарканде или Хорезме. У каждого народа есть свои, самые невероятные легенды, откуда появилось это удивительное блюдо, кто и когда его придумал... Но все скромно замолкают, когда упоминается настоящий мировой бренд – узбекский плов! Тот самый, который прославил и милиционера с огромными усами Махмуда Муйлова, как одного из лучших ош-позов (поваров плова). В те времена не было кондитерских, кулинарных и тому подобных конкурсов. Не до того было. Но если бы Махмуд-ака дожил до наших времен, он бы славился не только своими усами, но и своим пловом! Это мясо, тающее во рту, этот янтарный рис – рисинка к рисинке, этот необыкновенный

аромат и вкус! А еще, если там присутствует горох, изюм, специи, зира, чеснок, айва и репа – объеденье! Плов... Он сопровождает нас не просто всю жизнь. Он с нами в самые важные этапы ее: в наше рождение и в дни рождения наших детей, в дни свадьбы, в дни, когда мы прощаемся навсегда с близкими... Знаем, что и в наш уход обязательно разожгут под котлами огонь, обжарят мясо, приготовят плов. И кто-то, даже случайно забредший на поминальный плов, вспомнит нас добрым словом. Он, как верный друг, и в радости и в горе».

– *Надо же! Прямо гимн плову!* – вставляет свое неугомонный Асик.

«– Плов отменный! – хвалит Гамлет. – Спасибо, Махмуд-ака.

– На здоровье, уважаемый! Люблю, когда доедают до последней рисинки! – довольный Махмуд подкручивает буденновские усы».

– *Чай пьем, плов кушаем, Тамара Ханум слушаем!* – хихикает Асик. – *Знаешь, есть разные виды животных – травоядные, плотоядные, а ты – из рода пловодных!*

– *Остряк!*

«...Женщины собирают со стола пустые ляганы.

Ольга разносит чайники с чаем.

Кумуш ставит на стол домашний пирог.

– Угошайтесь...

Мужчины покуривают, о чем-то беседуют.

Тельман выносит из дома баян. Дает его Жданову.

– Давай, дядь Вась, тряхни стариной!

Жданов поправляет ремни и начинает играть.

И над двором сначала нестройно, потом более слаженно, с нарастающей громкостью звучит песня: “Как много девушек хороших, // Как много ласковых имен...”

Поют все. В том числе и Рассказчик снов. А потом сами себе аплодируют.

– Василий! Сыграй для Брони... – с улыбкой просит Исаак. – Подними настроение, а? По старой памяти!

– Без двадцати восемь? – улыбается Жданов.

– Точно! “Семь сорок”!

Жданов начинает играть еврейскую мелодию. Исаак берет Броню, которая поначалу сопротивляется, но постепенно входит в ритм. Через некоторое время танцует почти весь двор. Когда танец кончается, на середину выходит Махмуд и говорит с наигранным гневом:

– Что такое? Безобразия! Еврейскую, русскую музыку играете, почему нет узбекской?

Санжар ставит пластинку. Звучит “Лязги”. Махмуд артистично, с юмором танцует “Лязги”, выводит в круг соседей. Жданов подыгрывает музыке на своем баяне.

В этот момент во двор входит Тохтаев.

– Что за шум? – спрашивает он и замечает Гамлета. – А-а! Вот ты, наконец, и попался!

Гамлет неожиданно берет его за руку и вводит в круг. В “Лязги” есть танцевальный момент, напоминающий бой петухов. Вот и сейчас милиционер Тохтаев и стилиста-шулер Гамлет танцуют под “Лязги” танец петухов. Все вокруг хохочут и аплодируют. Во время танца два противника обмениваются репликами:

– Так попался?

– Вы о чем?

– Теперь тебе не убежать!

– А я и не убегаю.

И так далее. Этот, как, впрочем, и другие эпизоды, связанные с пением и танцами, надо решать импровизированно».

– О да, конечно! – говорит Асик и зевает. – Сцена толком не закончена, и ты прибегаешь к спасению: импровизируйте, други, как бог на душу положит!

– На самом деле, мне хочется, чтобы какие-то сцены зависели от актеров, от их интуиции, от их опыта! Что в этом плохого? – пытаюсь оправдаться я.

– Ну и хитрый же ты! – уже мягче укоряет меня Асик.

«Махмуд берет в руки рубаб и начинает играть “Тановар”. Первой в круг выходит Кумуш, потом вытягивает Малику. Малика танцует по-особенному, что называется, с выходом. Танец захватывает всех».

– Идеальная сцена для провинциального театра музыкальной комедии! – иронизирует Асик.

– Даже если! – не выдерживаю я. – Музыка, танец украшают любую постановку! И кроме того, такие сцены любят актеры!

– Откуда ты это взял? У Станиславского?

– Асик, иногда ты мне напоминаешь вредного, ворчливого старикашку!

– Знал бы, кого ты мне напоминаешь, драматург хренов!

«– Давайте сфотографируемся на память! – предлагает Мумтоз. Расставляет деревянный штатив, устанавливает фотоаппарат-гармошку “Москва” со вспышкой.

Соседи рассаживаются, как на старинном фото: кто-то ложится на пол, кто-то залезает на скамейку. В центре – Мамура с ребенком на руках. Рядом – чинный Махмуд.

Мумтоз наводит аппарат, нажимает на автоспуск и бежит к группе. Долго жужжит пружинка автоспуска и, наконец, ослепительная вспышка блица.

Звучат “Брызги шампанского”.

На экране сцены одна за другой меняются даты: 1961-ый, 1962-ой, 1963-ий, 1964-ый, 1965-ый, 1966-ой...

Резко гаснет свет. Через паузу раздается страшный гул, скрежет ломающихся стен, неистовый лай собак, крики и стоны людей, звон бьющейся посуды.

Слышится голос диктора: “26 апреля в Ташкенте произошло сильное землетрясение в семь с половиной баллов по шкале Рихтера. По имеющимся на этот час сведениям жертв нет... Эпицентр землетрясения...”

Рассказчик выходит на сцену. На экране возникают слайды – целый ряд фотографий Ташкентского землетрясения 1966 года.

Рассказчик снов:

– Мы все это помним. Этого нельзя забыть, потому что для ташкентцев землетрясение стало своеобразным рубежом... Рубежом целой эпохи нашего города... Помните? “Трясемся, но не сдаемся”, “Ташкент будет лучшим городом страны”, “Боль наша, Ташкент!” И для нашего двора эта трагедия стала концом... Его снесли, осталась лишь эта чинара рядом с новым проспектом...

Возникает фотография, которую когда-то сделал Мумтоз. На фотографии, кроме героев пьесы, много мальчишек и девчонок, незримо присутствующих в действии.

– Землетрясение разметало наш двор в буквальном смысле слова... Кто-то взял участок “под котлован”, как тогда говорили, кто-то навсегда уехал из города, кто-то перебрался в отдаленные районы... Кто где... А многих нет и вовсе...

Рассказчик подходит к экрану с групповой фотографией. Медленно идет вдоль, вглядываясь в лица.

– Мама, Мумтоз... Они, наверное, так подходили друг другу, что небеса призывали их почти одновременно, с разницей в один месяц...

А это – Лола. Самое интересное, что тот вечер стал и для нее судьбоносным. Она вышла замуж за карточного шулера и стилиста Гамлета... Правда, сейчас его зовут Гани Турсунович Хасанов, и он один из самых крупных предпринимателей

в Ташкенте. Лола – маленькая хозяйка большого дома, гранд-дама...

Санжар и Хабиба... Живут сейчас в Питере. Мы стали родственниками. Я женился на их дочке. Тогда ее еще не было.

Дядя Махмуд... Им тогда выделили участок на массиве Октябрь. С трудом построил дом и, как я слышал, сейчас он председатель махаллинского комитета. Тельмана уже нет в живых. Про Софью Ивановну я уже рассказал.

Исаак Давыдович... Он долго сопротивлялся: не хотел ехать на историческую Родину. Но родственники уговорили... В Израиле он зачих и вскоре скончался. Ёська с матерью перебрались из Израиля в Америку. Недавно он звонил мне из Филадельфии. Кстати, он открыл там ресторан и назвал его “Ташкент”. Знаете, что он сказал мне напоследок? “Как я хочу взобраться на наше дерево!” Вот так! Голос его задрожал, и я понял, что Ёська, мой друг детства, богатый Иосиф Исаакович, там, в Пенсильвании, плачет...

А это Пашка... Павел Васильевич Жданов пошел в армию, воевал в Афгане, сейчас на пенсии где-то под Костромой. Они с Ольгой уехали туда после смерти дядя Васи...

А вот этот малыш – маленький Санжар, сын Махмуда и Мамуры... Тоже, как и отец, пошел работать в милицию. Осенью погиб на киргизской границе. Ему было сорок. Всего сорок! Или – уже сорок?

Время... Какое относительное понятие... Иногда минуты тянутся вечность, а порой не успеешь и глазом моргнуть, как пролетело десять, потом двадцать лет. Вот уже перешагнули рубеж веков и тысячелетий... Миллениум... А тогда мне казалось: ух ты – двадцать первый век! Когда он наступит?!

Наступил...

Постепенно сцена заполняется героями спектакля.

Рассказчик снов:

– Один мой ученый друг сказал как-то, что Ташкент обладает некой аурой. Я не специалист в эзотерике, но твердо знаю, что на самом деле есть нечто, отличающее наш город от других мест на земле... Пройдут еще годы, но Ташкент по-прежнему будет соответствовать тем эпитетам и сравнениям, которые стали постоянными его спутниками: “город мира...”, “жемчужина Востока”, “город хлебный”, “город солнца и улыбок”... и любви...

Город мой, прими мой поклон!»

– Ладно, прощаю тебе твой патристический пафос... – снисходительно произносит Асик. – Но ответь мне, пожалуйста, о чем эта пьеса?

– Как о чем? О моем городе... О... – замолкаю я в затруднении.

– Не мямли! – перебивает Асик. – Сам толком не знаешь, о чем твой опус... Все размыто, эпизоды разрозненны!

– В том-то и дело! – с жаром говорю ему я. – Это сны. Просто сны... Разве это непонятно из самого названия?

– Конечно, легче всего оправдаться этим! «Сны»! – Асик говорит тоном преподавателя по теории драматургии. – А где сюжет? Где завязка, где кульминация, где развязка? Где атмосфера окружающей действительности?

– Здрасьте! А все мои ремарки? Сам упрекал, что они слишком пространны! – занимаю я глухую оборону. – Согласен, сюжета как такового нет! Но разве в жизни есть твои пресловутые «завязки, кульминации и развязки»? Человеческая жизнь состоит из миллионов сюжетов, сюжетов, сюжетиков и совсем малюсеньких событий... Они как нервные окончания в организме, их невозможно сосчитать! А «развязка», к сожалению, у всех одна. Начиная с инфузории туфельки, кончая венцом творения гомо, который сапиенс.

– Тупой, упертый материалист! Хорошо тебе промыли мозги, начиная с детского сада, кончая институтами! – желчно говорит Асик. – Ладно. Жанр своей пьесы хотя бы можешь определить? Что это – драма? Комедия? Трагедия?

Ох, и злобредный этот Асик!

– Слушай, ты, теоретик, в жизни есть всё: комедия соседствует с трагедией, а драма – с пошлым водевилем! И все теоретические рассуждения о жанре, сюжете, композиции, фабуле и всяких аллюзиях – не более чем примитивные ремешки, которыми пытаются как-то связать отдельные человеческие истории... По сути, очень простые!

Я спорил со своим Асилом, но внутренне понимал, что и он прав.

– Всё! Я устал от тебя! – сказал я Асику.

Он обиженно замолчал и, наверное, отвернулся от меня. Хотя мне это было безразлично.

Последняя страничка пьесы:

«Откуда-то издали возникает песня о Ташкенте, спокойная, под аккомпанемент гитары:

Ташкент, прими мое признание
В любви и нежности к тебе.
В минуты радости и испытаний
С тобою я во всем, всегда, везде...

Участники спектакля прощально кланяются.

Занавес».

Я захлопнул папку с пьесой. Конечно, режиссера, да и Асика, можно понять. Одни монологи, в большинстве своем грустные, и ностальгия, такая же печальная. Никто не раздевается, никто не занимается сексом, никто никого не убивает. Нет всего того, что мутью заполнило экраны и сцены.

По чему мы ностальгируем? По времени, в котором жили? И по нему. Но больше – по тем «всполохам детства», по тем порывам юности, когда всё смешивалось в сложном узоре романтики и буйства гормонов, когда наивные мечты сталкивались с грубыми реалиями времени... Когда нежные стихи перекрывал лающий голос старшины: «Рота, бля, равняйся!» Когда книги и кино заменяли нам настоящую жизнь, а музыка делала свободными и богатыми. С музыкой, которая звучала в наших бедных дворах, мы становились равными всем, даже тем, кто слушал эти же потрясающие мелодии в своих помпезных дворцах или под пальмами Нишсы. А через битлов или Нино Роту мы постепенно приходили к Баху и Моцарту, Шопену и Рахманинову. А узнав песни Окуджавы, мы начинали читать стихи Пушкина, Элюара, Бёрнса, Бодлера...

Мои размышления прервал Асик:

– Ну что, дочитал, наконец, собственную пьесу? И глубоко задумался, неврастеник! Эх, автор, автор! Приукрасил ты многократно. А время было намного жестче. И герои были совсем другие. Но... Но... Но... Я знаю они стоят перед тобой как живые... Знаю, что ты и сам бы поставил эту пьесу. Только, боюсь, слезы будут мешать тебе в работе. А сейчас не любят, когда кто-то плачет. Ничего, не расстраивайся. В столе ей будет уютно.

– Да, Асик, ты прав... – тихо и грустно соглашаюсь я.

Я немного успокоился.

Окончательно отвлек меня от собственных мыслей голос Бори:

– Ну что, Асик! Машина в полном порядке... Можно и расслабиться... Иду мыться!

– Боря, прошу, не называй меня так! Меня зовут Асад, Асадилло!

– Хорошо, братишка, больше не буду!

Он взял в руки пьесу, раскрыл ее. Стал листать.

– Это ты всё сам напечатал?

– Да.

– И придумал сам?

– Конечно.

– Молодец... А я и письмо сейчас не напишу, – и добавил грустно: – Да и некому писать... О, у тебя здесь и Гамлет есть? Я его хорошо знал... Стоп! Какой же он стилига? Нормальный был человек, авторитетный, по понятиям жил.... Это ты приврал, Асад.

– Может, это другой Гамлет?

– Нет... Что-то много у тебя несовпадений... И ОРУДовец с усами. Его не Махмудом звали... а Абдужаббором. Ну да ладно. Что-то нос чешется!

Боря весело подмигнул мне, предвкушая будущую вечернюю трапезу. В этот момент к нему подошел очередной клиент и стал нудно рассказывать о проблемах с его машиной.

– Дядь Боря, а сегодня никак нельзя? – канючил он.

– Слушай, парень, ты бы еще ночью притаранил свою тачку! – начал раздражаться Боря, потому что мысленно был уже совсем в другом месте. – Всё, я закончил и имею право на отдых! Вот, меня знаменитый писатель приглашает! И известный режиссер!

– В своем подъезде! – повторил я шутку своего знакомого.

– Ладно прибуднаться! Ты только посмотри, – Боря потряс папкой. – Всё это он написал, сам! И из своей головы! Понял? А ты тут со своей тарактелкой... В понедельник после обеда приедешь.

...Ресторанчик, где мы решили слегка «расслабиться», располагался на берегу Салара, возле вокзала. Боря не зря ходил именно сюда. Почти все здесь хорошо его знали. Он был своим в доску, потому что хозяин, Карэн Вабкентович, доверял свою бэушную «БМВ» только Боре.

Официантка Алевтина, Аля, приветливо встретила нас, усадила за столик у окна.

– Как всегда? – спросила она, пряча в карман фартука карандаш и блокнот.

– Да, как всегда. И скажи Толипу, чтобы не пережарил жигар, чтобы чуть с кровью, – по-хозяйски распорядился Боря.

Первым на столе появился чайник крепчайшего черного чая и пиалки «Пахтагуль».

– Если начать с водки, организм изумится и воспротивится. Поэтому всегда надо начинать с чая, понял? – еще во время первой нашей посиделки в этом заведении философски объяснял Боря. Он знал толк не только в автомобилях.

Мы степенно пили чай, а Аля сноровисто накрывала на стол – «как всегда».

А Борино «как всегда» состояло из соленого ассорти с квашеной капусткой, истекающими соком бурыми помидорами, хрустящими огурчиками с пупырышками. За ассорти шла великолепная сюзьма с красными пятнами перца на макушке. За сюзьмой – мясное: тонко нарезанная колбаска, казы, немного языка, а сверху – веточка укропа. Хлеб: лепешки и «бородинский».

Холодная, а оттого тягучая, водка потекла в рюмки.

– Ну что, за машину? – поднял я рюмку.

– Да ну ее! – отмахнулся Боря. – Машина – железка бездушная... Давай-ка, Асик... то есть Асад, выпьем за хорошее настроение.

Я удивленно взглянул на него.

– Да-да... Я за тобой наблюдаю весь день, что-то у тебя не так... – Боря улыбнулся. – Давай держи хвост пистолетом! Все будет хорошо, братишка!

И вдруг наступило то самое благодатное спокойствие, о котором я подсознательно мечтал с самого утра. И не от выпитой водки или хруста соленого огурца... А от этой уютной обстановки, от улыбчивой официантки, от коричневой воды мелеющего Салара за окном, от негромкой музыки, от тихого и неожиданно мудрого голоса Бори.

Аля принесла две палочки жигара.

Боря с аппетитом приступил к шашлыку, удовлетворенно оценил его качество:

– То что надо! Золотая серединка! Многие ведь не умеют готовить настоящий жигар... – Аля неназойливо наполняла наши рюмки. – Слушай, забыл, как называется твоя пьеса?

– «Сны о старом Ташкенте».

– Во-во... Она про детство?

– Да, и про детство тоже.

– Ну вот и тост родился! За твою пьесу и за наше с тобой хорошее настроение!

Кто-то сказал, что повод для тоста всегда найдется, было бы что в стакане.

Заиграла музыка. Молодой парень запел под компьютерные минусовки популярные хиты, которые распевали во всех ресторанах от Балтики до Владивостока. Про стюардессу по имени Жанна, про Ксюшу, у которой юбочка из плюша, про первый тайм, который мы уже отыграли...

После четвертой рюмки Боря пододвинулся ко мне поближе и почти шепотом, как бы по секрету, сказал:

– Слушай, я знаю, где у тебя ошибка!

– Какая ошибка? – не понял я.

– Ошибка в названии! «Сны о старом Ташкенте»...

– С чего это ты вдруг? – искренне удивился я.

– Совсем не вдруг! Подумай сам, ты жил на своей Балыкчинской... Так?

– Ну...

– Я жил на Кашгарке... В комнатухе два на три нас было шестеро! А Карэнчик жил в двухэтажном доме с хрустальными люстрами и прислужгой... А, предположим, этот шашлычник Толип жил в махалле на Кукче, рядом с мечетью. Так?

– К чему это ты? – пожал я плечами.

– К тому, что у всех не могут быть одинаковые сны, особенно про детство... Понимаешь? Тебе снятся свои сны, мне – свои, кашгарские, Толипу снится его мазанка со скорпионами, а у Карэна совсем другие сны!

В этот момент к столику подошла Алевтина.

– У вас всё в порядке? – спросила она, собирая пустые палочки.

– Да-да... Вот скажи, Алевтина, что тебе обычно снится? Ну, по ночам какие у тебя бывают сны? – настойчиво попытался Боря у официантки.

– Да разные, – смутилась она. – Я их и не запоминаю... – потом лукаво улыбнулась: – По ночам другим заниматься надо! – и ушла.

– Вот так, Асад. А эта Алевтина наверняка родилась и всю жизнь прожила где-то на двадцать глухом квартале Чиланзара, в бетонной хрущобе... Так какое детство должно сниться ей? Поэтому мне так кажется: ты должен изменить название. Не «Сны о старом Ташкенте», а «Мои сны»... И не надо про «старый Ташкент»...

«Медовая» уже сделала свое дело. И мысли перекатывались в голове лениво и как бы «в рапиде».

Да, думал я, Боря прав. Взять моих племянников. Они жили с бабушкой на Себзаре, в кривых тупичках на Зенитной. И, приходя к нам, на Балыкчинскую, в гости,

испуганно оглядывались, будто попали в чужую, незнакомую страну. Или мой приятель Алексей... Все свое детство он прожил в Шумиловском городке, в домике с типичным для Подмосковья палисадником рядом с милицейским госпиталем. Он рассказывал, что, когда в детстве первый раз попал в Старый город и увидел медресе Кукельдаш, серьезно подумал: это декорации какого-то фильма.

– Да, Боря, согласен, Ташкент большой и очень-очень разный! – резюмировал я.

– Во! Давай за Ташкент!

Асик шепнул мне на ухо:

– Рюмки здесь объемистые... Будь осторожен. Не пей до дна! И вообще, сбавьте темп!

– Не твое дело, зануда! Ты же знаешь мое настроение. Поэтому отвяжись, Асик!

Боря посмотрел на меня странно, но промолчал.

Певец запел с кавказским акцентом песню о маме. В другое время я бы строго сказал, что песня чересчур душешипательна, шлава и безвкусна. Но сейчас, к собственному удивлению, она мне нравилась. «Мама, любимая, где ты, родная?» У меня вдруг перехватило горло и горячая слеза поползла по щеке. Депрессия всегда сентиментальна. Рваные воспоминания, старые и свежие обиды, бесконечная жалость к себе – всё это переполняет нас в такие минуты, особенно под допингом «огненной воды»...

– Эй, ты где? – похлопал меня по плечу Боря.

Я вернулся в ресторан.

– Тебе надо подлечить нервы.

– Нервы? Какое тебе дело? – что-то неприятное кольнуло меня. Я вытер мокрое лицо.

– Я же слышал: ты вслух с кем-то разговариваешь! А это очень плохой признак! – шептал автомеханик. – У меня брат с катушек слетел в сорок два года... А начинал он как раз с этого: с кем-то всё говорил, говорил...

– Тебе показалось.

– Нет, не показалось! Сам слышал! Ты с какой-то Асей болтал, даже злился. Нервы, братишка, это очень серьезно, от них все болезни.

Я промолчал. Не мог же я здесь, в ресторанном шуме и гаме, рассказать об Асике. Объяснить это было бы слишком сложно, и Боря так и не понял бы, о чем, собственно, речь.

Я сменил тему и сказал, что в этом заведении и в самом деле неплохо готовят. И хорошо, что у Бори есть такие клиенты и знакомые. А про себя подумал, что было бы хорошо также, чтобы Боря больше не советовал мне непременно лечить нервы. Хотя кто его знает? Может, и надо?

Мой Асик, естественно, вступился:

– Ну вот, кроме тебя, обо мне знает еще и Боря, – с некоторым тщеславием заявил он. – Поздравляю! Так расскажи человеку, что я вовсе не Ася, а Асик. Ему будет интересно узнать, как, где, когда и при каких обстоятельствах я появился на свет.

– Послушай, дай отдохнуть мне от сегодняшней нервотрепки! – устало взмолился я. – Сгинь, Асик!..

Боря внимательно посмотрел на меня.

– Вот, только что ты вслух опять сказал про Асика... – тревожно произнес он. – Опять скажешь, что мне показалось?

Я только отмахнулся. Закрыв глаза, и моя «машина времени» – моя память – рванула в август шестьдесят первого года, в спортивно-туристический лагерь «Юный краевед», который располагался в уютном урочище Каранкуль-сай в предгорье Чимгана...

...В горах, как обычно, быстро стемнело. Внизу, за фанерной пристройкой, тарактел старенький генератор – движок. Он давал ток, которого хватало только на электропроигрыватель «Даугава» и две лампочки-двадцатипятки. Одна освещала «танцплощадку» – утоптанное место под единственным в лагере столбом, вторая – крыльцо деревянного спального корпуса. С шипением звучала заезженная пластинка. «Джама-а-а-й-ка!» – звонкий голос Робертино Лоретти уносил куда-то далеко-далеко.

Я танцевал с девочкой из Воронежа. У нее было необычное для нашего слуха имя – Инга. Каждое лето она приезжала к отцу, который служил военным летчиком и жил в авиагородке, что за ТашМИ. Он дружил с начальником лагеря «Юный краевед».

Ин-га... Я был до смерти (как мне тогда казалось) влюблен в нее. Но так близко мы никогда не были.

Кто-то тихо сказал мне: «Пригласи ее немедленно, не будь трусом!»

И я на деревянных ногах подошел к Инге. Высохим языком спросил: «Можно вас?» Она улыбнулась и взяла меня за руку. Танцевали молча, по-пионерски – на расстоянии, боясь смотреть друг на друга. «Джама-а-а-й-ка!» – звучало в вечернем сумраке. Моя правая рука была на талии Инги, сквозь маечку я чувствовал тепло ее тела, вдыхал ее запах, в короткие мгновенья видел ее искрящиеся глаза. И это приводило меня в настоящий трепет. Она, словно нечаянно, шевельнула пальцами левой руки, будто подала мне тайный, никому не ведомый сигнал. И я ответил ей. Эти робкие прикосновения были для нас в те доли секунды чем-то самым важным, самым сокровенным.

Вдруг внизу что-то грохнуло, и моментально погас свет. Песня оборвалась на полуслове: «Джа...» Наступила кромешная темнота, и в образовавшейся тишине неестественно громко завершали сверчки.

«Движок ... накрылся!» – послышался снизу хриплый голос завхоза Мити. «Говорил я тебе, обормоту, почини как следует, ...твою мать!» – ответил голос начальника лагеря.

Мы продолжали стоять с Ингой, как в игре «замри».

Мелькал, метался внизу лучик китайского фонарика, слышались ругань и мат. «Отбой! Всем в корпуса!» – раздавались голоса инструкторов.

Мы стояли за стволом толстого дерева, и, даже если бы сейчас зажегся свет, нас никто бы не увидел.

Прижавшись, Инга повторяла: «Асик! Ты хороший... Я буду писать тебе... А ты?» «Я тоже...» – шептал я, и мы целовались снова и снова. Как неумелы, но как сладки первые в жизни поцелуи!..

Послышался грозный окрик начальника лагеря: «Инга! Ты где?» Мы резко отпрянули друг от друга. Луч фонаря скользнул по нашим лицам. «Ах, вот вы где! Ну-ка марш в отряд! Ильхамов, завтра на кухню дежурным, наряд вне очереди, ясно?»

Утром я чистил картошку и вдруг явственно услышал чей-то голос:

– Оно того стоит, не правда ли?

Я оглянулся. Кроме поварихи, рядом никого не было.

– А ведь здорово было вчера! – повторил кто-то невидимый. – Хорошо, что движок накрылся медным тазом, правда?

– Кто ты? – дрогнувшим голосом спросил я и вспомнил, что вчера именно этот голос сказал, чтобы я пригласил Ингу на танец.

– Я? Я Асик... Твой Асик. Ведь так тебя назвала Инга? Асик. Запомни.

И он стал приходить ко мне – каждый день и почасту.

А Инга уехала к себе. Какое-то время мы писали друг другу письма. На ее конвертах так и стояло: «Ташкент, главпочтамт, до востребования Ильхамову

Асику». Потом ее отца перевели в Венгрию, и Инга уехала вместе с ним. А еще через некоторое время следы ее затерялись, растворились, как туман на утренней речке.

А мой... Ее Асик... остался...

– Ты чем-то недоволен? – послышался голос Асика.

– Я? – от нахлынувших вдруг воспоминаний, говоря высоким «штилем», сердце мое смягчилось, я стал добрее. – Да нет, Асик, я доволен. Всё хорошо. Спасибо, что ты есть...

– Не ругайся со мной, ладно? – тихо попросил Асик. – Тебе это не идет.

Я только кивнул Асику в ответ.

Улыбчивая Алевтина поставила на стол тарелку с очередными палочками шашлыка, уже мясного, освежила наши рюмки.

– Всё в порядке? – блеснула она золотой фиксой.

– Спасибо, Аля... Всё хоккей! Слушай, что-то скучно стало, посиди с нами! – Боря взял ее за руку.

– Что вы, дядь Борь, Карэн Вабкентович узнает – накажет... – зардевшись, сказала Аля и мягко высвободила руку.

Она ушла, а Боря смотрел ей вслед. Так же, как смотрят миллионы мужчин, любясь чарующей волнообразной походкой женщины с привлекательной фигурой.

Он залпом выпил водку.

– Хорошая, – кратко оценил он, и было непонятно, относятся эти слова к Але или к водке.

Я вздрогнул, потому что услышал вступление к «Кашгарке».

Ресторанный певец запел, подражая голосу и манере Бори Ташкентского:

Юность моя клевая, юность хулиганская,

Где друзья-подруги, где усатый мент?

Где тот город хлебный, жаркий, пыльный, бедный,

Но роскошно щедрый старый мой Ташкент!

Ах, Кашгарка, Кашгарка, Кашгарка – тупики, переулки, двory.

Мы гуляли с тобой по Кашгарке, целовались всю ночь до зари!

– Это моя песня, – сказал я неожиданно. – То есть слова мои ...

Боря посмотрел на меня каким-то жалостливым взглядом, словно увидел вдруг во мне огромный и неприличный дефект. Ничего не сказал, вздохнул глубоко, отвернулся и продолжил слушать песню.

Перестань печалиться, вытри, друг мой, слезы,

Вытри, друг мой, слезы да плесни вина.

Юность пролетела, юность прогремела.

За нее, ушедшую, выпьем мы до дна!

Ах, Кашгарка, Кашгарка, Кашгарка...

– Не пойму я тебя... – задумчиво произнес Боря, когда песня закончилась и певец ушел с эстрады. – Вроде хороший ты парень, а ляпнешь – хоть сквозь землю провалишься со стыда!

– О чем ты?

– О том самом... Фантазируешь много... – Боря нервно закурил. – Это песня одного очень уважаемого человека, полковника милиции... И я с ним хорошо знаком! Так что ври, да не завирайся!

– Это моя песня, – стал заводиться я.

– Ладно! – махнул он рукой, безнадежно взглянув на меня. – И про Гамлета ты наврал в своей пьеске, и про Абдужаббора с его буденновскими усами!

– Слова этой песни написал я, а музыку...

– Ага, и музыку ты сочинил! И сам спел! – грубо перебил меня Боря. – Может, и «Мурку» ты придумал? Давай-ка лучше сменим тему...

И как-то разом мы замолчали.

Асик, сидя, наверное, на пачке сигарет, издевательски усмехнулся:

– Получил, поэт-песенник? Говорил я тебе про влияние алкоголя на интеллектуальные способности человека? Говорил! И не надо было так гнать, будто последний день перед концом света проживаешь!

Шашлык остывал. Сиротливо стояли полные рюмки. Всё вдруг как-то изменилось. Пропал ресторанный уют, всё стало раздражать: и неестественный хохот за соседним столиком, и сигаретный дым, который впитался в каждую пору, и этот философ автомеханик Боря.

Ночная жизнь в заведении Карэна только набирала обороты. А мы сидели и бессмысленно молчали. Как незнакомые пассажиры в вокзальном ресторане, где поезд стоит пятнадцать минут.

Потом Боря подозвал Алю и, к ее удивлению, попросил счет.

– Уже? – испуганно спросила она. – Рано ведь... Что-то не так? Хотите, подогрею шашлык?

– Нет, девочка, не надо.

Боря настоял, чтобы мы заплатили отдельно, ровно пополам, «по-датски».

У ресторана уже стояли ночные «бомбилы».

– Куда вам? – бросились они к нам.

– Куда надо, туда и повезешь! – грозно сказал Боря и сел в «Волгу».

Я сел в другую, и мы разъехались в разные стороны не прощаясь.

– Надо же! Прямо как в сцене на мосту из фильма «Мертвый сезон», – приснул Асик. – Тоже мне, Банионис нашелся!

... Утром я проснулся на диване. В голове крутились и мелькали обрывки сюрреалистического ночного сна. Никакой, даже самый объемный, сонник не смог бы хоть как-то разъяснить мне, что означал или на что намекал этот прерывистый сумбурный сон. Вспыхивали и исчезали какие-то лица, красивые и уродливые; упоение полета в облаках сменялось ужасом падения; большие скользкие рыбины били по лицу хвостами; мутная грязная жижа сменялась вдруг кристально чистой прозрачной водой. Пока я шел к ванной, ночные кошмары растворялись, как туман под солнцем. Как хорошо, что у мозга есть эта защитная функция – стирать из памяти ненужное, лишнее. А то бы нам тяжело пришлось.

Включив воду, вдруг явственно вспомнил, что среди этого бессвязного бреда я разговаривал с мамой. Я не слышал слов – ни ее, ни своих, но мы общались. На каком-то ином, высшем, уровне. Где важным было самое легкое и незаметное движение глаз, губ, рук. Где одновременно были улыбка и тревога, радость и смятение. Я ополоснул лицо, но эта часть ночного сна не уходила.

Вернувшись в комнату, стал собирать с ковра разбросанную вчера одежду. Было всего половина седьмого. Я вспомнил о легкой домашней буре с медицинским информированием о вреде крепкого алкоголя. И, не желая, чтобы она переросла в утренний тайфун, быстро собрался, с удовольствием выпил капустный рассол, найденный в недрах холодильника, и, стараясь не звенеть ключами, вышел из квартиры.

Улицы еще были пусты. Только что политый асфальт блестел, словно новенький. Воздух был изумительно чист. Птички вершали в ранней листве, как на пленере. Дворник, пожилой человек, задумчиво бродил по зеленому газону и на гвоздь, прикрученный к концу палки проволокой, нанизывал оставшиеся с осени скрюченные листья кленов. На шее у него висел приемничек типа

«Селги», из которого тихо звучал най. Старик, почувствовав мой взгляд, кивком поздоровался, как с хорошим знакомым. С сеткой морщин контрастировали его удивительно молодые, чистые, озорные даже, светло-карие глаза. Я поймал себя на мысли, что завидую ему, его простой, но такой полезной работе, где нет худсоветов, критиков, и что он может себе позволить вот так каждое утро созерцать пробуждение города, слушать пение соловьев и гугуканье горлинок. И еще подумал, что хорошо бы продать машину к чертовой матери и ходить пешком, не зависеть ни от кого: ни от гаишников, ни от автомехаников, ни от заправщиков бензина...

Асик спрыгнул с нижней ветки дерева и уютно уселся на мое плечо.

– Наконец-то слышу здравую мысль! Ты же пропадаешь в своей суете-маете! Как и многие из твоих друзей и приятелей! Носитесь как угорелые, ничего не видя вокруг! И каждый пустяк кажется вам чем-то очень важным! Супер-пупер важным! А на деле оказывается, что это очередная пустышка, фантик от конфетки «Мишка на Севере»!

– Ну ты загнул, Асик...

– Ничего я не загнул! Ведь этот дворник напомнил тебе мать, к которой ты редко приходил. Тогда тебе казалось, что есть дела поважнее, чем она, ведь так? А теперь ты каешься, жалеешь об этом и тайком плачешь!

– Прошу тебя, – тихо взмолился я. И вспомнил ночной сон.

Подул ветерок и, наверное, в глаз попала соринка. Слеза заволочла утренний свет. Асик молчал, но я слышал его дыхание.

Я дошел до стоянки, где вчера второпях мы бросили машину в предвкушении расслабона. Охранник, не замечая меня, старательно белил известкой свою фанерную будку.

Жигуленок стоял на прежнем месте, но, к моему удивлению, дверца была распахнута. Подойдя ближе, я увидел Борю. Он сидел на заднем сиденье и листал пьесу.

– Мы, дураки, вчера машину не закрыли, – вместо приветствия, сказал Боря. – Извини, я прочитал пьесу.

Я промолчал.

– Беру свои слова назад, – Боря вышел из машины. Не глядя на меня, хрипло произнес: – Пьеса ничего... И ты имеешь право описывать именно свои воспоминания... И название нормальное, – он виновато помолчал. – И главное... – Боря полез в карман и вытащил диск. – Меня вчера вечером сын заставил прочитать.

По обложке я узнал последний диск с песнями Бори Ташкентского.

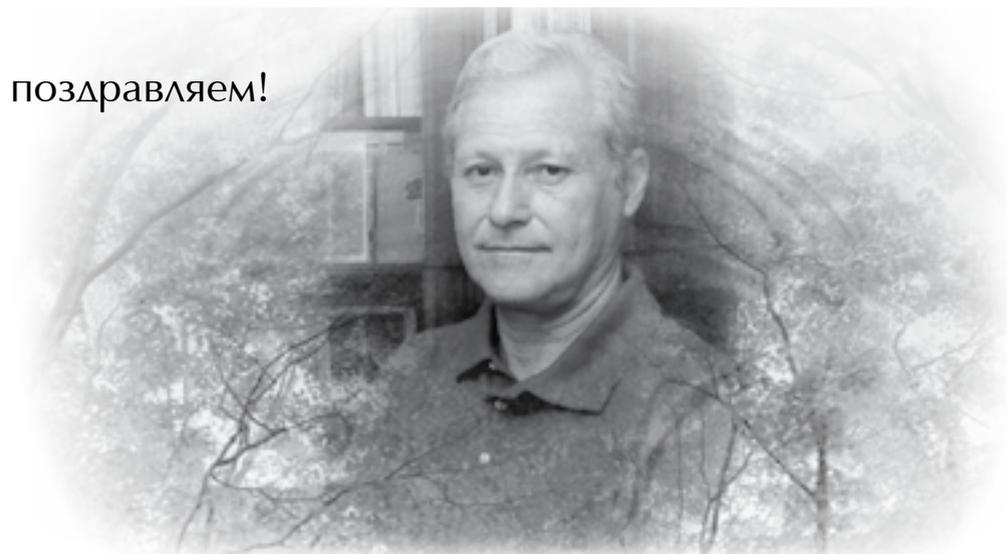
– Тут так мелко напечатано... Как я раньше этого не заметил? Вот, «Кашгарка», «Музыка Бори Ташкентского, слова Асадилло Ильхомова»... А тот полковник – брехло, трепло и самозванец. Так что, миль пардон, и, если ты не против, будем считать, что наш вчерашний идиотский инцидент исчерпан. Или, как говорят, исперчен.

Поднял грустные глаза и протянул мне руку. Я ответил на крепкое рукопожатие. Так просто и без всяких экивоков мы помирились.

И это примирение было для нас обоих таким приятным, что вы можете догадаться о дальнейших событиях того весеннего воскресного утра. А началось всё с короткой фразы Бори: «Тут рядом разливное “Кибрайское”. По кружечке?»

Асик на этот раз скромно промолчал.

поздравляем!

Раим ФАРХАДИ

Заслуженный деятель культуры Узбекистана, кавалер ордена «Дустлик» родился в 1942 г. Популярный поэт, сказочник, переводчик, журналист. Член творческого объединения Академии художеств и член СП Узбекистана, главный редактор экологического журнала «Родничок» («Булоқча»).

16 мая 2017 года Раиму Хакимовичу Фархади исполнилось 75 лет. Редакция и общественный совет журнала поздравляют юбиляра, желают доброго здоровья, вдохновения и творческого долголетия.

Из неизданного

Народная мудрость

Люди в селенье одном враждовали.
В ссорах они уцелели б едва ли,
Если б не вняли однажды совету
Старца, изрёкшего истину эту:

«Есть от вражды наилучшее средство –
Добрососедство, добрососедство».
Кто произнёс те слова – неизвестно.
Может быть, так создавалась Авеста.

Жизнь показала – совет превосходный,
Мудростью назван по праву народной.
Стало селенье в итоге столицей
И процветает, поскольку стремится
Мир находить, пусть порою и в спорах,
Зла не копить и в сердцах, и во взорах.

Сколько веков светит щедрое солнце,
Столько же мудрость живёт, остаётся:
«Есть от вражды наилучшее средство –
Добрососедство, добрососедство».

Юбилей дерева

У дерева был юбилей,
На нём полыхали соцветия.
Желали ему: «Не болей,
Таким доживи до столетия».

Узнал я: ровесники мы,
Мы – косточки обыкновенные,
Садовые. После зимы
Всходившие в годы военные.

А шрамы его и мои,
Гласили шальные отметины,
Что в мирное время бои
Бывали значенья неместного.

Минуй нас удар топора
И всякая тварь кровососная,
Чтоб долше продлилась пора
Горячая и плодоносная.

Живя в лихой городской суете,
Не всё ещё мною потеряно,
Пока я могу доброте
Учиться у стойкого дерева.

Зла не причинять никому
И, боль заглушая сердечную,
Хотел бы, подобно ему,
Нести на плече птицу певчую.

* * *

Снег
С неба прилетел и спас
Не только нас,
Не только нас.
Он ветви бережно укрыл,
Дома и тысячи дорог.
Ему хватило белых крыл,
Он просто сделал
Всё, что мог.

Любимая!
Ты рядом шла.
Звонки. Подруги и дела.
Долги. Покупки. Стопки книг
Забыты были в этот миг.
Лишь снег чистейшею фатой
Блестел в узорах над тобой.

Я помню ясно этот снег,
Соединивший нас навек.
Снег таял тихо в час ночной,
Став нашей первою весной...

К столетию мамы

Мама детство провела в Бахчисарае,
Сероглазой девочкой в косицах.
Дед служил в Торгсине, продолжая
В день пять раз отчаянно молиться.

Он считал, что трижды тот иуда,
Бога кто предаст за хлеб и дыню.
Маму с дедом выслали оттуда
В среднеазиатскую пустыню.

Сёстры мамины в Германии учились.
Расстреляли их в конце тридцатых.
Все тогда на маму ополчились,
По стране искали виноватых.

Мой отец, рискованный, дерзновенный,
Маму полюбил он беспредельно.
Повстречался с ней порой военной,
Но об этом расскажу отдельно.

С мамой раз лишь был в Бахчисарае.
Нет её... Но мне сквозь годы снится
Дом и дворик, где она играет
Сероглазой девочкой в косицах.

В дороге

Уезжаем, улетаем, убегаем,
От судьбы бежим иль за судьбой.
Что ещё найдём, что потеряем,
Календарь листая отрывной?

Станет ли чужбина тёплым домом,
Будет хлеб ли так же сладок в нём?
Привыкая к людям незнакомым,
Жизнь свою мы заново начнём.

Языки чужие и понятия
Неизбежно предьявляют счёт.
И святой завет: «все люди – братья»
Нас в пути не раз ещё спасёт.

Нелегко лететь пернатым стаям,
Покидая гнёзда в листопад.
Но известно им, что мы не знаем...
Вновь они весною прилетят.

В небесах ведомы вечным зовом
И другим не веря чудесам,
Воротятся к родовым гнездовьям,
Завешая кров родной птенцам.

В турбулентных потоках

Идеальная женщина,
идеальный мужчина,
Неужели однажды
вы друг друга найдёте?
Сто границ между вами –
это первопричина,
Что не встретятся завтра
ваши руки в полёте.
Оформляете визы.
Сердца на пределе,
Оттого что с другими
поёте и пьёте.
Тяжелеет походка,
виски поседели...

...
А вчера вы летели
в одном самолёте.
«Пристегните ремни!»
Томик взяв Апулея,
Приглушите моторов
дрожашие звуки.
Не теряйте надежды,
хоть с годами сильнее
В турбулентных потоках
дуют ветры разлуки.

Ты – инопланетянка!

Говоришь, строки эти
Не написаны кровью:
«Ах, какой дует ветер,
Он сорвал с неба кровлю».

Ты глазами стреляешь,
Смотришь, словно из танка.
Улыбалась вчера лишь...
Ты – инопланетянка!

Подхожу я с душою,
Нараспашку открытой.
Планы тшетные строю:
«Будь моей Аэлитой».

Я принёс тебе розы,
Твой портрет в синей раме.
Молвишь: я несерьёзный,
Я играю словами.

Я попал в твои сети,
Очарован тобою.
На земле шутки эти
Называют любовью.

Куст жасмина в цвету

«Ахматова – жасминный куст,
Обожженный асфальтом серым», –
У Клюева слетело с уст,
Зажатых милиционером.

Внук вопрошает: «Где, когда?» –
И содрогается впервые,
Представив страшные года –
Тридцатые, сороковые.

Пусть правду всю узнает он:
Погиб в тюрьме поэт опальный.
Ему и многим посвящён,
Поднялся куст мемориальный.

Наряд невестин, праздник чувств,
Растёт, цветёт, взлелеян кем-то.
Ахматовой жасминный куст
В музейном дворике Ташкента.

Лайлак кор – весенний снег

(Сказание)

Давать названия снегам
Прабабушки умели.
И сказки передали нам,
Качая колыбели.
Везла скрипучая арба
В мешках снежок мучнистый,
На местном языке – «арпа»,
А следом – снег пушистый.
Недаром звался он «пахта» –
В горах грозил обвалом...
Земля – от речки до куста –
Под белым одеялом.
Стелился на полях ковром,
Твердел дорожным настом.
Блестел чеканным серебром,
Чтоб летом стать богатством.
Чем больше зимних снежных дней
И льда потолще корка,
Зерно созреет покрупней, –
Гласила поговорка.
Впервые чей заметил взор:
В дни марта иль в апреле
Снег аистиный – «лайлак кор» –
Пушинками усыпал двор.
С ним птицы прилетели!..
В те времена, давным-давно,
Читали старики «дуо»¹,
Чтобы птенцы рождались,
Чтоб не было пустым гнездо,
Жил с аистихой аист.

¹ молитва о благополучии

Вспоминая Хайяма

Мы заняты с утра
всё время чем-нибудь.
Нам некогда порой
присесть и отдохнуть.
Назначив столько встреч,
поймём, что не успели
Собратся, что-то взять
с собой в последний путь.

Глаза газели

В каждом селенье своя Ассиза.
Та, у которой газельи глаза.
Созданы в мире газели,
Чтоб изумлённо глазели
Все мальчуганы на них.
Первых своих впечатлений,
Сладостных первых томлений
В сердце хранили дневник.

Видение бабочки Набокова¹

Над пространством, асфальтом укатанным,
Сиротливо кружилась лимонница.
Было поле в цветочках когда-то там...
Неужели подобное помнится?

Может, бабочка и не реальная –
Как видение города бойкого.
И цветы, и весна эта дальняя –
Целиком из рассказа Набокова.

В комфортабельной нашей обители
На вопрос мой друзья ли, соседи ли
Повторяют одно: «Мы не видели,
А точнее, её не заметили».

Было поле в цветочках когда-то там,
Заводского посёлка околица.
Над пространством, асфальтом укатанным,
Сиротливо кружилась лимонница.

Прилагаю её описание
И красивый рисунок из атласа.
Хоть на миг напрягите внимание –
Вдруг вам чудо летящее явится.

¹ Известный поэт и писатель был серьёзным учёным-энтомологом, описал редкие виды бабочек, одна из которых названа его именем.

ОКРЫЛЕННОЕ СЕРДЦЕ ПОЭТА

С поэтом Раимом Фархади я познакомился по его детским книжкам, когда мы жили в одной стране, до социальных перемен. Покупал и читал их своему маленькому сыну. У них была такая простая и легкая рифма, что напоминала стихи С. Маршака из моего предалекого детства.

Поэзия неудержимо влекла Раима Фархади с раннего детства.

Детские впечатления о красоте родного края, глубоко запавшие в душу мальчика, постепенно стали воплощаться в слове, выразительном и образном. Позже оказалось, что увлечение поэзией, литературой, историей станет его призванием.

Уже в 22 года вышла его первая книжка «Утренняя песнь». Стихотворения Раима отличаются добротой, нежностью, любовью к Родине и природе, высокой духовностью – чертами, так необходимыми, чтобы ребенок вырос настоящим человеком и патриотом.

На формирование литературной личности Раима Фархади большое влияние оказал всемирно известный писатель, историк древности – Сергей Петрович Бородин, который был одним из его наставников, всегда поддерживал его, учил отточенности стиля, историзму мышления.

Раим достойно выполняет писательские заветы большого Мастера слова Сергея Бородина

Стихи Раима печатают в газетах и журналах, переводят на многие языки мира, издают в сборниках. Его писательский талант раскрылся во многих направлениях.

Раим Фархади является главным редактором детского авторского экологического журнала «Родничок» («Булокча»), выходящего на русском и узбекском языках. Стихи, рассказы, заметки из словаря с первой частью «эко», истории с продолжением, составляют лицо журнала. Его девиз: «Беречь природу – значит любить Родину!» Творчество Р. Фархади включено в школьные программы Узбекистана. Он проводит много творческих встреч с учащимися лицеев, колледжей, студентами, школьниками на русском и узбекском языках.

Раим Фархади создал новое направление в изобразительном искусстве – экографику, совмещающую живопись, поэзию, рисование красками, приготовленными из сока различных растений, цветов, зерен и плодов. Так сохраняется особая природная энергетика, живет в образах и цветовых импульсах работ на бумажном листе.

Тема сохранения родной природы всегда являлась одной из главных в творчестве поэта и писателя. Об этом хорошо повествует снятый датскими киножурналистами фильм «Поэт и море».

Стихи, говорит Раим: «это тоже своего рода растения – растения разума и сердца». Его стихи музыкальны, пронизаны светом звезд. Поэт словно слышит их в пении птиц, шумящих трав, журчании горных родников.

В Ташкентском центре творчества учащихся Раим Фархади проводит мастер-классы с одаренными детьми на темы экологического воспитания через поэзию и живопись, встречается с учениками и преподавателями художественных школ.

Книги Раима Фархади исполнены любви к детям и природе, всепобеждающей силы добра. Его герои всегда в поиске гармонии с природой.

Книги Раима Фархади пользуются популярностью и издаются за рубежом. О нем пишут блестящие отзывы маститые поэты и литературоведы. Он продолжает лучшие традиции поэзии национальной и русской классики. Воспитывает будущее

поколение в духе нравственности и патриотизма, уважения к памяти отцов и предков. Ищет, находит и раскрывает детские таланты. И они тянутся к нему, как цветы к доброму садовнику, чувствуя искреннюю любовь и понимание.

Научно-методическим центром Министерства народного образования республики одобрено и рекомендовано к изданию более двадцати красочных тематических книг автора.

Рассказы и сказки Раима идут на сценах кукольных театров республики. Он автор сценариев документальных и мультипликационных фильмов. Стихи его положены на музыку и стали песнями.

С песней в душе, молодостью в сердце трудится Р. Х. Фархади на благо отечественной поэзии. Им издано более 60 книг.

Сам поэт иногда признается, что рифмы и нужные, единственно правильные строки прозы обдумываются им постоянно. Они часто приходят во сне, преследуют и никогда не отпускают. Бывает невероятно трудно постоянно жить с ними, думать! Но когда найдена удачная рифма, слово, как вспышка света, как озарение, как радость открытия, вознаграждение Всевышнего за твой труд! Муки творчества и найденное слово – великое благо, дарованное землей и небом.

Лирика Раима глубоко патриотична, всегда отражает гражданскую позицию поэта, тревогу за происходящее в мире. Он всегда в ногу со временем, в постоянном поиске.

Размышляя о будущем, поэт пишет: «...на нас часто льется эдакое попсовое веселье, пошлое и искусственное. Оно порой подменяет подлинное понятие о счастье. Это настоящая духовная катаракта, которая зашоривает сознание молодых людей, не учит их думать и размышлять. А счастье складывается из маленьких ежедневных достижений, ежесекундных моментов ощущения красоты и добра. Вот вырос благодаря твоим усилиям из невзрачного семечка красавец-цветок – это счастье! Получил “отлично” за работу, над которой трудился долгими часами, – счастье!.. Вообще, счастье, когда вокруг есть среда, способная приносить счастье и с которой ты можешь поделиться своими лучшими порывами души. У поэта-просветителя Авлони есть строки: “Моя страна – счастливой будь!” Когда человек живет с таким мироощущением, он всегда счастлив».

Поэзия Раима Фархади глубоко эмоциональна, временами трагична, но никогда не безысходна. Она не оставляет читателя равнодушным. Песни и стихи Р. Фархади захватывают слушателя и «не отпускают», им нельзя не верить, потому что слова и строки идут от самого сердца поэта. Он доносит до читателя свою память и боль: голодное детство, унижения и потери родных, радость первой любви. И обязательно дает надежду на светлое будущее!

Пожелаем Раиму неиссякаемого таланта, новых творческих успехов на нелегком пути поэта, писателя и редактора.

Любой возраст хорош, если, как дерево, продолжаешь расти, каждый год прирастать хотя бы одной малой веточкой. Будем ждать от него новых замечательных книг!

Игорь ТРОИЦКИЙ,
доцент, кандидат технических наук
Тульского госуниверситета,
почетный работник высшего
профессионального образования РФ

проза

Вера ВАВИЛОВА

Родилась на Урале в 1952 г. Окончила Куйбышевский медицинский институт. С 1974 г. живет в Ташкенте. В 1988 г. окончила биологический факультет ТГПУ им. Низами. Поэт, прозаик, публицист. Член Союза писателей России. Номинант Российской национальной литературной премии «Писатель года» – 2015.

ВИРТУАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ*Рассказ*

Татьяна торопилась домой. Сегодня пришлось задержаться. Быстро поднявшись в лифте, бросив сумку в прихожей, она включила компьютер. Он дружелюбно подмигнул ей своим голубым глазом-экраном и засветился множеством знаков. В Интернете её уже ждали друзья: соперники по игре, подруги по переписке, обожатели и просто приятели. Она успевала болтать со всеми и успешно играть, поднимаясь на новые уровни. Комп не сразу стал её верным другом. Вначале он был необходим для работы. Она вытаскивала из НЕТА интересную информацию, новые методики, открыла свой сайт, который стал очень популярным и успешным. В этом Татьяне помог муж. Эдик был профи, работал программистом в известной компании. У них была дружная семья, а рождение сына прибавило счастья в их дом. Максимка рос смышленным мальчиком, радуя успехами родителей, на отлично окончил младшую школу и поступил в специализированный математический класс. Эдик часто приносил сыну диски с играми, новыми мультиками, энциклопедические, познавательные. Однажды он загрузил в компьютер азартную игру, которая заразила всех. Таня с мужем играли до поздней ночи, потом Эдик, наигравшись, успокоился, да и уставал на работе. Хотелось покоя, тишины, просто полежать на диване и посмотреть телепередачу. Таня, общительный по натуре человек, очень хотела поделиться с мужем всеми событиями дня, помечтать или просто поболтать за чаем. Эдик устало отмахивался от её назойливого щебетания. Таню это обижало, но со временем она смирилась с его замкнутостью и отстранённостью. Общение, которого ей так не хватало, нашла в инете. Её всё больше увлекала виртуальная жизнь. Здесь она чувствовала себя свободно, раскованно, могла откровенно говорить с друзьями на самые разные темы. Эдик не сразу заметил это. Ему нравилось, что наконец-то его оставили в покое, не домогают вопросами, и он спокойно может полежать на диване перед телевизором. У Тани появились не только друзья и интересные собеседники, но и поклонник. Подросток 16-и лет, увидев её фото в инете, влюбился в образ, который нарисовала ему буйная юношеская фантазия. Тане нравилось это обожание, она будто окунулась в романтическое прошлое и с удовольствием играла роль юной девочки, принимала признания в любви, с упоением читала стихи, посвящённые ей, единственной. Это будоражило её, казалось, машина времени отправила в ту пору, когда в ней зарождалось это нежное

чувство. То, что она давно не получала в реальной жизни, она нашла в инете. Виртуальное общение засасывало всё больше. Теперь она могла всю ночь просидеть за компом и с покрасневшими глазами бежать на работу. Максим вначале просил маму поиграть с ним, пытался рассказывать ей о событиях своего дня. Она отрывалась ненадолго, возвращаясь в реальность, терпеливо слушала сына, а затем вновь уходила в мир иллюзий, и Максим слышал в ответ торопливые, безучастные «да», «конечно» и обиженно уходил. Теперь он чаще гулял на улице, там ждали его друзья. Общение с мамой отошло на второй план.

Не встречала у порога жена и Эдика. Она будто не замечала его прихода, полностью поглощенная монстром с голубым экраном, которому она что-то с увлечением рассказывала, быстро печатала, лаская чёрные клавиши своими нежными пальчиками. На её лице светилась счастливая улыбка, отражались восторг, недоумение, лукавство, удивление. Оттенки эмоций сменяли друг друга. Теперь Эдик просил её посидеть с ним за столом, пообщаться. Но бумерангом возвратилось к нему былое равнодушие к жизни жены. Таня соглашалась, садилась за стол и терпеливо ждала, когда закончится время их общения. Она не поддерживала разговор, не интересовалась проблемами мужа. Эдик видел, как тяготится она его присутствием, как не терпится ей вновь вернуться в свой виртуальный мир. Узнав о её общении с подростком и любовной переписке, он был возмущён до крайности и пригрозил, что расскажет обожателю всю правду о Тане.

– Я же не изменяю тебе, Эдик. Я здесь, с тобой. Не делай глупостей. Или ты хочешь, чтобы я реально ушла к другому?

Такая угроза быстро остудила пыл мужа. Он пытался, он всячески старался найти занятия, которые будут ярче, сильнее, чем виртуаль в компе. Они ходили в кафе, рестораны, приглашали в гости друзей. В эти минуты Татьяна становилась прежней, весёлой, озорной щебетуньей, той, которую он любил всей душой. Но заканчивалась вечеринка, и на следующий день он вновь видел её, застывшую перед экраном компа.

Наступило лето – время отпусков и каникул. Максимка уехал в детский лагерь. Эдик целый день был на работе. Ничто не мешало Татьяне жить её виртуальной жизнью. Она не задерживалась на кухне, приготовив что-либо на скорую руку к приходу мужа. Эдик ревновал к компу, к тому юноше, который её любил, к тому миру, в который ему была закрыта дорога. Он чувствовал, что теряет её. Татьяна искренне не понимала возмущения мужа. Её удивляли его гневные слова, крики, скандалы, которые стали частыми в их доме. Однажды, не выдержав, муж поставил код на компьютер. Он не ожидал, что Татьяна встретит его действия таким ураганом чувств. Наверное, жена, узнав об измене мужа, меньше истерит. И Эдик уступил.

Шло время. Лето пролетело мгновенно, как всё хорошее, что бывает в жизни. Скоро вернётся домой сынуля. Наверное, подрос, загорел. Так хочется поскорее его увидеть! Таня шла по тенистой аллее парка. Когда-то здесь они гуляли с Эдиком. Как давно это было... Где сейчас их любовь и пылкие чувства? Эдик последнее время не замечает ее, не устраивает разборок. Он изменился, стал каким-то отчужденным. Они живут параллельно, не пересекаясь, будто два спутника одной планеты, которые движутся по разным орбитам и никогда не встретятся. Может, с приездом Максимки всё изменится, всё станет по-прежнему?..

Татьяна сидела на скамье под раскидистой чинарой. Солнце медленно скатывалось за горизонт, последними лучами освещая верхушки деревьев. Мимо неторопливо прошла молодая мамочка, с гордостью толкая перед собой коляску с розово-шёрким малышом. Внимание Тани привлекла влюблённая пара в конце аллеи. Таня с завистью наблюдала, как девушка кружилась и весело смеялась, а её спутник осыпал её дождём золотых листьев и тоже смеялся. В его фигуре было что-то до боли знакомое... Таня с горечью узнала Эдика...

НОВЫЕ ИМЕНА

Анна ТУКИНА

Родилась в 1983 г. в республике Карелия. Автор нескольких поэтических сборников. Публиковалась в России, Финляндии, Греции, США. Член Международной Творческой Ассоциации «Тайвас» и Союза Писателей СПб. Живет в Финляндии.

Жажда любви

* * *

Время хранит для меня свою пулю.
Я это чувствую костью височной.
Я – однолюб. Я еще существую.
Верность собачья и выправка волчья.

Сталь закаленная. С сердцем горячим.
С жаждой любви. И со страхом потери.
Я – однолюб. Это многое значит.
Сложно открыться. Сложно поверить.

Сложно. Но мне ли искать что-то проще?!
Мне ли просить себе долю иную?
Верю судьбе. Избегаю пророчеств.
Я – однолюб. Я еще существую.

Крест или дар?! Оценить не рискую.
Ночи темны, но подчас разномастны.
Я – однолюб! И я только такую
Вижу любовь, облаченную в счастье.

Вижу во снах. И увижу воочью.
Я охраняем надеждой наивной:
Где-то вот так же – верно, по-волчьи –
Ищет меня и моя... половина.

* * *

Прости, я не воюю за мужчин.
Хотя порой, возможно, это важно...
Бросаться в бой вслед за мечтой бумажной...
До первой крови биться... До моршин...

«Я не отдам» – кричать... Не отдавать.
Терпеть. Вонзять клинки и унижаться...
Сражаться так, как не могла сражаться
Во все века бесчисленная рать

влюбленных дев. Мне нужен ты один...
И нужен так, как никому не нужен...
Я – воин... В своем сердце и снаружи...
Но только не воюю... за мужчин.

* * *

Кто-то уйдет... Лишний...
Кто-то придет... Важный...
Только теперь лишь бы
Не было верить страшно...

Только теперь силы б
Те, что копились... спрятать...
И говоря: «Милый»,
Только от счастья плакать...

И говоря: «Знаю» –
Знать. До мурашек даже...
Слышать его: «Родная»...
Чувствовать свою важность...

И вспоминая школы
Прошлого... Пусть невольно...
Нет... Не бояться боли...
Жаждать не сделать
больно...

* * *

Растекаемся мутными реками.
Нет судьбы! Свое русло криви.
Нас рожают сразу калеками,
Зачиная плод в НЕлюбви.

Поножовщины кухонной визгами
Наши уши полны по хрящ.
Но ты чувствуешь себя избранным,
В мамки пьяной зарывшись плаш.

«Убегай!» – все, чему мы научены,
И сжимать в ответ кулаки.
Нас не звали «любимыми», «лучшими»,
Мы – «уроды», «козлы», «дураки».

От отцов все советы – матерно.
Если б знали вы не со слов,
Каково «пить» кровь, когда матери
В вас по пьяни вбивают любовь.

Их судьбой идти подпоясанным
В сумасшедшую взрослую муть...
Но мы чувствуем себя асами,
Жизнь под жизнь пытаюсь прогнуть.

Нет судьбы! Не все реки изучены.
Выбирайся! Запруды рви.
Из нас многие станут лучшими
В дикой жажде хоть чьей-то любви.

* * *

Не бойся, это всего лишь грусть...
Такая легкая, словно снег...
Я этой ночью тебе приснюсь,
А ты назавтра приснишься мне...

Что испытания? Тот же дар...
Мы будем сниться... В мороз и в дождь...
Твой сон идет по моим следам,
Чтоб не обжечь по пути подошв...

Из звездной пыли связная нить...
Она – космический оберег...
Чтобы разлуку нам пережить,
Я этой ночью приснюсь тебе...

* * *

Мне жаль того, кто в жизни не открыл
Ту истину, что знать бы обязательно...
Любовь отца – второе из двух крыл...
А первое крыло, конечно, матери...

Условна нумерация любви...
Крыло крылу не может быть соперником...
Они различны... Но равны на вид...
Как пламя и вода, как тишь и пение,

Как сила и бессилье, солнца свет
И шумные дожди стеной весенние...
Мой каждому родителю совет:
Любовь второго – глупо обесценивать...

В глазах ребенка... Как бы жизнь ни шла...
Ничто на свете быть не может значимей
Того, что у ребенка два крыла
Есть за спиной... В пути его... ребячьем...

* * *

Не броди по вымершим городам,
Не давай названий иссохшим рекам,
Забывай шептавшего «не предам»,
Но тебя предавшего человека.

Через грусть и радость, добро и зло,
Отпустив обиду, усвой лишь малость:
Наносить на карту не стоит то,
От чего лишь боль на душе осталась.

* * *

Девочки хвалятся силой,
Мальчики – маникюром,
Модно быть мегастильным,
Модно быть полной дурой.
Модно, чтоб все в обтяжку,
Латексной и короче,
Чтобы сверкали ляжки
И зазывали: «Хочешь?»

Чтоб с силиконом губы
И напоказ татухи,
Наглым прослыть и грубым,
Множить плевки и слухи

Зваться... ну, скажем, «мачо»,
«стервой» (она же падаль)...
Поиски – побогаче
и с голливудским взглядом.

Поиски – постройнее
и с голливудским лоском,
Чтобы несложно с нею,
Манкой была и броской.

К черту любовь и верность,
Это сейчас – зараза...
В моде – не помнить первых,
В моде – со всеми сразу...

Место искать позлачней,
Пить, что покрепче, в баре.
Втягивать дым табачный,
В рюмке тушить хабарик...
В моде – эксперименты,
Поиски мегакайфа...
Быть не другом, а «френдом»,
Видеться лишь по скайпу.

С мыслью «выделяюсь»
Тупо вливаться в толпы.
Где вместо библий – глянец,
Где вместо сердца – пропасть.

Крики души голодной
Громким глушить ремейком.

Как же я старомодна...
в мире понтов и фейков.

* * *

Я рядом, мой друг... Я с тобой... Я верю...
Я знаю, как сильно болят потери...
Как ночи жестоки, темны, безмерны...
Как слезы, кончаясь... плывут по скверам...
Как боль разрывает на части душу...
А ты... свой окурок в стакане тушишь...
И ищешь глазами... Куда бы деться...
Хватаешь за сердце... Какое сердце?!
В груди твоей пусто... Седое поле...
Колочей, морозной, свинцовой боли...
И памяти светлой и роли адской...
И хочется прыгнуть, исчезнуть, сдаться...
И хочется много того... что низко...
Но крестик на шее – твоя подписка...
И ты не уедешь... Тебе не время...
Однажды ты выйдешь из этой тени...
Оставишь ей ключ и захлопнешь дверцу...
Однажды... ты снова услышишь сердце...
Прозреешь, срастешься, сумеешь выжить...
Расправишь крыло... И поднимешь выше...
И сделаешь шаг... А за ним и двести...
В дороге поймешь, что на этом месте
Затем ты, чтоб ближнего в час потери
Обнять и сказать: «Я с тобой. Я верю.
Я знаю, что ночи подобны аду...
Поплачь. Я побуду сегодня
рядом».

* * *

От адских пепелиш до райских куш,
Куда б тебя ни бросила судьба,
Запомни, друг, я за тебя молюсь
Сквозь годы, недомолвки, города...

Запомни, как бы ни был крут доспех,
Он не спасет от тех, кто в сердце вхож...
Страшнее зверя нет, чем человек.
Противней казни нет, чем через ложь.

Нет неприятней слов, чем «бывший друг»,
Который перешел в ряды врагов...
Я о тебе, не скрешивая рук,
Молюсь
Без слов...

НОВЫЕ ИМЕНА

РАЗБОРЧИВЫЙ ПАЦИЕНТ

Рассказ

На третьем курсе осень почти не отличалась от предыдущих, если не считать, что с Чёрного моря, куда ездил на каникулы, я привёз какую-то шишку. Она вылезла из сустава среднего пальца левой ноги. Наверное, это была суставная грыжа. Раньше из суставов у меня ничего не вылезало, понятно, я был очень встревожен.

Тем более что метро в вузгородке тогда ещё не было, и на учёбу приходилось ездить, стоя в обшей сложности около трех часов в автобусах и на остановках.

Шишку я обнаружил на физкультуре и там же показал её группе. Староста уверенно сказала, что надо к хирургу, на что другой однокурсник, многомудрый, ворчливый скептик, посоветовал лучше вообще не ходить к врачам, а то он слышал, как они зашили забытый в животе оперируемого пинцет.

В мою шишку пинцет не поместился бы, но перед глазами стояла навязчивая картина, как хирурги, пыхтя, заталкивают туда какую-то ерундовину и потом радостно её там забывают.

Я позвонил кузену, и оказалось, что им в ТашМИ как раз рассказывают про врачебные ошибки и про то, как их много. Становилось понятно, что в этой сфере ухо надо держать востро. Правда, брат сказал, что главное для хирурга – быть практиком и что у них есть один «настоящий практик», однако он «частник», то есть лечит за деньги, для студента неподъемные.

Стало ясно, что среди хирургов следует найти хорошего практика, но непонятно было, как его искать. И я, естественно, оттягивал поход к врачу как только мог. Но однажды в конце декабря, наступив пальцами на высокий узкий порожек балконной двери, вскрикнул от острой боли. От мысли, что это может повториться, становилось тоскливо, и морозным декабрьским утром я пошёл в поликлинику.

* * *

Это была авиазаводская медсанчасть на Кадышева. Сразу за входной дверью справа тянулись окошки в регистратуру, к каждому из которых параллельно друг другу выстроились длинные очереди. Подошла к той, что чуть короче других, я спросил у крайних:

– К хирургам тоже сюда?

Оказалось, что не имеет значения к кому, очередь общая.

У хирургов я ещё никогда не был. Передо мной стояла здоровенная тётка в толстом рабочем ватнике, похожая на продавщицу. Она производила впечатление человека с жизненным опытом, и я спросил:

**Андрей
ТОЛОКОННИКОВ**

Родился в
Ташкенте в 1963 г.
Окончил ТашГУ
(ныне НУУз),
психолог-тренер.
Стажировался
в четырёх
университетах
Европы. Проводил
авторские
тренинги в
России, Грузии,
Казахстане.
Участник
Московского
фестиваля
тренингов.

– Не подскажите, как узнать, кто из хирургов хороший, настоящий практик?

Она повернулась и, кисло посмотрев, раздражённо процедила:

– Если пришитое не отвалится – то хороший.

Ответ мне совсем не понравился, в голове зароились тревожные мысли: «А вдруг он скажет резать, а там надо только мазать? И как проверишь? Разрежет, а будет уже поздно! И насколько поздно? Уф, может, само пройдет, и лучше пойти домой?»

Я пребывал в нерешительности до тех пор, пока не оказался у самого окошка. А у соседнего окна очередь дошла до молодой симпатичной женщины, локоны которой уже и до этого отвлекали меня от грустных мыслей. Было интересно, что привело к врачам такую цветущую и здоровую на вид особу? Я прислушался. Как можно глубже просунув голову в окошко, она попросила шёпотом «талончик к хирургу-*практикологу*».

Я был потрясён услышанным!

С детства отец приучил меня при встрече с новым словом сразу обращаться к словарям. И знание множества редких слов позже не раз помогало мне в работе психолога. Это же слово я слышал впервые и был изумлён тем, что, оказывается, кого-то из хирургов *официально* выделяют как настоящего качественного *практика*. Но получается, что простым смертным, а тем более студентам, он недоступен, если о нём спрашивают шёпотом только посвящённые «блатные». «Но почему бы всем не знать, что есть такой замечательный специалист?» – возмущенно подумал я и громко воскликнул:

– Девушка!

Когда она недоуменно повернулась ко мне, я громко спросил у неё строгим голосом:

– Вы идёте к хирургу-*практикологу*?

Совесть у неё определённо была, потому что, покраснев от стыда, она тут же отвернулась от меня к окошку.

Несколько человек из соседних очередей пристально посмотрели на меня, перебарывая, наверное, информацию о том, что есть и хорошие хирурги-практики. Я ободряюще улыбнулся им, дескать, знайте теперь про это, но они продолжали смотреть на меня мрачно, огорчаясь, по-видимому, тому, что столько лет ходили не к тем хирургам.

Тут подоспела моя очередь, я не стал наклоняться к окошку и тихо бормотать, а громко назвал свои имя и фамилию и потребовал талончик к хирургу-*практикологу*, радуясь, что нашёл нужного врача! Медсестра, оторвавшись от своих бумаг, с большим интересом посмотрела на моё счастливое лицо, как-то растерянно улыбнулась и зачем-то уточнила:

– Значит, к *практикологу*?

Такое сокращение меня насторожило: а вдруг эти лучшие практики, или, как их тут научно называют, *практикологи*, есть и среди других врачей? Например, окулист-*практиколог* или стоматолог-*практиколог*? И я громко уточнил ей:

– Нет, мне нужен именно хирург-*практиколог*!

Теперь заинтересованно смотрела на меня уже вся очередь.

До указанного на талончике времени оставалось целых два часа, но, как всегда, скучать я не собирался – у меня с собой были тетрадь и книга. На этот раз это был старинный трактат психиатра, изданный ещё в начале века. Я уже прочёл две главы и жаждал продолжить чтение. Автор тонко вскрывал психопатический смысл многих проявлений повседневной жизни, показывая, как по мелким странностям поведения можно предполагать о проблемах с психикой у человека.

* * *

Отделение хирургии занимало всё правое крыло второго этажа. Указанный на талончике кабинет оказался в середине коридора, и на нём ясно было написано: «хирург-*проктолог*!» То есть люди видели, что такой практик существует, и всё равно шли в другие кабинеты к неумехам!

Написано на табличке, правда, было «*проктолог*». Не ожидал встретить такую безграмотность в серьёзном заведении! Впрочем, наверное, главврач написала это слово своим неразборчивым врачебным почерком, а слесарь, не думая, вырезал его на табличке.

В коридоре стояли скамейки, рассчитанные человека на четыре, но на каждой теснилось не меньше шести больных. И только скамейка перед кабинетом *практиколога* пустовала! Это окончательно добило меня: зачем же ждать два часа, если туда вообще никого нет?

И, кстати, почему люди, которые теснятся на соседних скамьях, не пересядут сюда?

Обрадовавшись, что передо мною никого нет, я постучал в дверь, но из-за двери привычным баритоном отозвались:

– Занято!

Я не стал садиться, а продолжил ждать у двери. Ожидая своей очереди, принялся с интересом меня разглядывать. Я отвернулся и, посмотрев в дальний конец коридора, увидел, что сидящий через две скамейки интеллигентного вида мужчина что-то пытается мне показать, тыча пальцем в свою грудь. Он старался делать это незаметно для окружающих, словно радистка Кэт, встретив на улице Штирлица. Я оглянулся: за моей спиной никого не было, значит, его знаки были адресованы мне. Но лицо его было мне незнакомо, и, удивившись, я громко спросил:

– Вы что-то хотите мне сказать?

В ответ тип резко отвернулся!

Сначала это вызвало у меня недоумение, а потом осенило: да ведь он же глухонемой! Когда я спрашивал, кто к *практикологу*, он не слышал, а когда постучал в дверь, он увидел.

Мужчина опять повернулся, и я стал добродушно кивать ему головой, медленно показывая пальцем то на него, то на дверь *практиколога*, и так несколько раз. Ласковая улыбка догадавшегося человека не сходила с моего лица, и я несколько раз вопросительно кивнул, что означало: «я угадал – вам туда?»

Весь коридор с интересом следил за нашим неммым диалогом. Наконец, когда народ поуспокоился, мужчина быстро показал мне талончик и кивнул (почему-то раздражённо).

Что-то с этим типом определённо было не в порядке.

Я продолжил читать про то, как выявлять психов в быту. Читал и думал: «Автор, автор, где ты был раньше? Скольких психов я бы успел распознать и не доверился бы им!»

Тем временем мужчина зашёл в кабинет. Я бы даже сказал, прошмыгнул. К двери двинулась было ещё какая-то дама с другой дальней скамейки, но тип злобно прошипел, что сейчас его очередь.

Так, значит, он только притворялся глухонемым! Но, зачем?!

Было в нём что-то подозрительное. Это было хирургическое отделение, поэтому кругом сидели люди с костылями, гипсами, повязками, пластырями. Даже я слегка прихрамывал. А у этого не было заметно никаких хирургических проблем! Он выглядел совершенно здоровым, разве что поведение неадекватное.

«А что если он “того”?» – предположил я и кинулся в конец книги к списку внешних признаков ненормальности. Два из них у незнакомца присутствовали! Пришлось настороженно прислушиваться к звукам за дверью, чтобы быть готовым прийти на помощь врачу, если пациент окажется буйным. Чем больше я вспоминал странное поведение этого мрачного типа, тем больше понимал, что ему не к хирургу надо, а в психдиспансер.

Но в кабинете было тихо. Хотя, выходя, он посмотрел на меня с такой ненавистью, что я поёжился, поняв: мои подозрения не беспочвенны. К счастью, вокруг были люди, и броситься на меня этот псих не мог. И, отвернувшись, он быстро направился к лестнице.

* * *

Наконец зашёл и я. В дальнем конце вытянутого кабинета за столом спиной к окну сидела юная стройная медсестра и что-то писала, а справа за другим столом – врач, здоровенный пожилой мужчина-азербайджанец с отвислым мясистым носом, как в мультике про масленицу.

Я отдал медицинскую карту, в ответ он шутливо спросил:

– Итак, что у нас болит?

Медсестра почему-то заулыбалась, а я молча показал ему пальцем вниз, на левую ступню, на что он бросил:

– Раздевайтесь.

Я встал правым коленом на коврик перед его столом и стал расшнуровывать левый ботинок. Делал я это сосредоточенно, так как впервые в жизни попал в руки хирурга. В кабинете воцарилась тишина. Я поднял голову: медсестра, перестав писать, не отрывала от меня взгляда, а врач, привстав со стула и перегнувшись через стол, смотрел на меня округлившимися глазами, затем медленно и с расстановкой спросил:

– Вы что делаете?

Ничего не понимая, я растерянно ответил:

– Раздеваюсь.

– А зачем?

– Вы же сами сказали раздеться!

– Так вы что, совсем штаны снимать будете?

Странный день, наполненный странными людьми, продолжался. Я же ясно показал ему рукой на ступню, а он несёт какую-то чушь про «снимать штаны»! Мелькнула мысль, что тот псих успел укусить хирурга. И я тихо и медленно, как дурачка, спросил его:

– А что, мне штаны сверху снимать, что ли? – и чуть не рассмеялся.

С издевкой в голосе странный хирург сказал:

– А почему бы и нет?

Я не верил своим ушам. Возникла мысль, что настоящий *проктолог* болеет, и опытного коллегу просто подменяет непонятно кто.

Так и стоял перед ним на одном колене с развязанным шнурком, а он глядел на меня сверху, опираясь руками на стол. Я решил уточнить:

– А Вы точно *проктолог*?

Он шумно выдохнул и повернулся вправо, ища поддержки у сестры.

– Это единственный проктолог у нас в поликлинике! – с гордостью заявила она, а врач в свою очередь язвительно поинтересовался:

– Помогла вам эта информация понять, как надо снимать штаны?

Это уже было полным абсурдом, на время я даже потерял дар речи, не понимая, как врач может серьёзно нести такую бессмыслицу. У него точно были признаки психа из старинного трактата!

Но я ответил ему вежливо, как нормальному:

– Да зачем мне вообще снимать штаны, когда достаточно снять носок?

– Че-го? – удивлённо протянул он. – Для чего достаточно?

– Так я же вам сразу показал – у меня на пальце ноги что-то выскочило. Я же ступню вам хочу показать!

Повернувшись к сестре и всплеснув руками, этот здоровенный мужик высоким, почти женским, голосом потрясённо воскликнул:

– Нет, вы слышали – он ступню мне хочет показать!

Возмущению моему не было предела.

– Но палец-то на ступне!

– И поэтому вы пришли к проктологу?

– Именно поэтому!

Он поперхнулся и закашлялся, а потом тихо спросил:

– А к любому хирургу в этом отделении вы обращаться не пробовали? «Ага – уже отсылает к халтурщикам!» – подумал я, а вслух произнес:

– Нет, не пробовал!

– Да почему же?!

– Да потому, что они не *проктологи*!

Он охнул и, буравя меня взглядом, почти закричал:

– Да с чего Вы взяли, что именно проктологу нужно смотреть Вашу ступню?

До него почему-то не доходило, что я хочу к лучшему хирургу, который не зашьёт мне ничего в эту шишку...

– Потому что я верю только *проктологам*!

– Только проктологам? И что, вы только насчёт ступней доверяете проктологам?

– Насчёт всего! Я хочу, чтобы в человеке всё лечили только *проктологи*!

У медсестры уже давно отвисла челюсть, и она в оцепенении так и сидела с открытым ртом, я же не мог понять, что же такого необычного в моих требованиях к профессионализму врачей.

Он хотел было что-то сказать, но в глазах его вдруг мелькнула какая-то догадка:

– А известно ли вам, молодой человек, чем занимаются проктологи?

– На этом этаже – хирургией!

– А вы знаете, что хирурги бывают разные? Вы вот каких, например, знаете?

Я вспомнил, как еще в школе выправлял плоскостопие, и сказал:

– Ортопедов знаю. Среди них тоже хирурги есть?

С улыбкой взглянув на часы, он удобно откинулся в кресле:

– Обязательно! Тем, что снизу, ортопеды занимаются, а кто занимается тем, что выше?

У нас во дворе только что состоялся праздник, который сосед Кудрат-ака устроил в честь маленького внука, и я воскликнул:

– Так обрезание тоже хирурги делают!

Он поморщился, что-то вспомнив, видимо:

– Да не спереди, а сзади!

Ему определённо нравилось задавать загадки.

Через плечо я покосился назад – там была спина:

– Хирурги по позвоночнику?

Он опять поморщился. Сократа, приводящего вопросами к истине, из него не выходило:

– Да ниже, ниже спины! – в голосе появилось раздражение.

Но ниже были только ноги. Хотя, впрочем, ещё и попа – две мышцы, помогающие ногам быстрее плыть. Мы, пловцы, их очень ценим. Но смешно же ради них придумывать отдельную специальность! И, готовый к тому, что они оба рассмеются, я шутливо выдал:

– А ниже – попа!

Вместо смеха врач вдруг важно и медленно кивнул и стал рассказывать. Эмоционально, гордо.

Говорил и говорил. И чувствовалась обида, что про его важную специальность не все слышали.

А я, искренне ошеломленный, думал: «Как можно страстно любить такое дело?..» Потом извинился и вышел в коридор, где на меня смотрели со всех скамеек. Хотелось громко сказать: «Оказывается, мне не сюда, у меня же палец болит, – но решил: Да ну их на фиг!» – и пошёл домой. Устал я что-то от хирургов и с тех пор больше к ним не обращался.

Через месяц после Нового года шишка исчезла – сама рассосалась.

Но благодаря ей я стал эрудированнее на целое слово.

литературоведение. литературная критика

**Юлия
МОРОЗОВА**

Родилась в 1981 г. в Ташкенте. Окончила ТГПУ им. Низами. Старший преподаватель кафедры русской литературы и методики преподавания ТГПУ им. Низами. Автор более 20 научных статей.

КАТЕГОРИЯ «ПРЕКРАСНОГО» В ЖАНРЕ РАССКАЗА

Жанр лирического рассказа, окончательно сложившийся в литературе в 60-е годы XX столетия, обусловлен особым писательским интересом к лирической прозе, усилившимся на протяжении всего XX века в русской литературе процессом проникновения стиха в прозу и лирики в эпос¹.

Лирический рассказ в современной литературе оказался частью постмодернистской культуры, обогащенной такими новыми чертами, как цитатность, диалогизм, деконструкция текста, вместе с тем сохранив свои основные характеристики: дневниковый исповедальный характер, повышенную эмоциональность тона, глубокое проникновение в психологию лирического героя. Лирический по своей сути, но не связанный жесткими рамками поэтической речи, рассказ позволяет автору обратиться непосредственно к внутреннему миру лирического героя, переместив акцент с внешней динамики сюжета на внутреннюю динамику чувств.

При этом, являясь органичной частью русского литературного процесса, лирический рассказ не есть что-то узко национальное, он активно развивается во всех мировых литературах. Особо следует отметить в плане процесса лиризации прозаических форм восточную литературу. Обусловленная спецификой национальной культуры, восточная литература по своей сути более лирична и эмоциональна, чем европейская. В этой связи особый интерес представляет анализ русскоязычной литературы Востока, в частности, русскоязычной литературы Узбекистана. Писатели, оставаясь в рамках русского литературного процесса, испытывают значительное влияние восточной культуры. Влияние это находит свое выражение не только в выборе тем, но и в особой писательской манере. Ярким примером, иллюстрирующим синтез восточных и европейских традиций и процесс лиризации прозы, является рассказ Марата Байзакова «Зрячий»².

Рассказ повествует о небольшом эпизоде из жизни

¹ Этот процесс, обозначившись в «Стихах в прозе» И. С. Тургенева, нашел развитие в творчестве русских модернистов А. Белого, И. Анненского, Д. Мережковского, В. Брюсова, К. Бальмонта и в более поздней прозе А. Ремизова, М. Горького, И. Бунина, Б. Зайцева, вплоть до современного рассказа (В. Солоухин, Ю. Казаков, Ю. Куранов, А. Ким и др.).

² Здесь и далее текст цитируется по М. Байзаков «Зрячий» // Звезда Востока. Ташкент – 2016. № 3.

обычного человека. Однако автор сумел проявить в описании повседневной жизни, в маленьком бытовом эпизоде философскую и лирическую глубину миропонимания и мироощущения.

Повествование открывается живой пейзажной зарисовкой пробуждающегося города: «Озорной весенний дождик, словно резвый жеребёнок, проскакал по спящим улицам Ташкента, чеканя мелодичную дробь. Видимо, он очень спешил: едва успев постучаться в пластиковые окна многоэтажных домов массива Чиланзар, пробарабанил незамысловатую мелодию на куполах ещё пустого базара, затем смыл пыль на бронзовом всаднике, застывшем в сквере, и наконец утих, а может, и затаился на узких улочках Старого города». Этот фрагмент служит не только экспозицией рассказа, но вместе с тем создает неповторимый восточный колорит всего повествования. Образ жеребенка, столь характерный для литературы Востока, в данном контексте обогащен новым оттенком смысла и служит для воссоздания зримого, овеществленного образа весеннего дождя. Писатель упоминает целый ряд топосов, воссоздающих в сознании читателя-ташкентца образ города. Здесь мы видим и прямое наименование отдельных районов Ташкента: «...пластиковые окна многоэтажных домов массива Чиланзар», «...узкие улочки Старого города»; и парафраз, вызывающий мгновенную ассоциацию с центральным городским сквером: «...бронзовый всадник, застывший в сквере». Все эти пространственные точки, находящиеся на карте реального Ташкента на значительном удалении друг от друга, использованы, по большому счету, не для обозначения места действия рассказа, а как способ воссоздания своего, внутреннего, пространства повествования. Всеохватность, всеобъемлющая картина весеннего дождя позволяет строить последующее повествование в двух пространственных плоскостях: в координатах реального места и времени существования лирического героя в современном Ташкенте и в мифологическом пространстве философского и лирического мироощущения, возникающего в сознании героя. Точкой пересечения этих миров служит образ лирического героя – Ахмада-аки. Плоскость реального места и времени маркирована упоминанием характерных для современного Ташкента слов и явлений: «пластиковые окна», «экспедитор», «жигуль», «кондиционер». Все эти приметы вешного мира гармонично уживаются в художественном тексте с явлениями другого, более высокого лирико-философского порядка: «воображаемая мастерская», «мольберт», «холст», «радуга», «весенний дождь», «пение перепелок». Две эти сферы смыкаются в сознании лирического героя.

Традиционно в лирической прозе повествование обращается в «лирическую даль памяти»¹. Этот прием использован и Маратом Байзаковым: «Помнится, ещё в школе на уроке рисования он мастерски изобразил своего Йулбарса: дворняжка получилась розового цвета (розовым пёс оказался потому, что однажды заснул под стеной дома, которую покрасили в розовое). А ещё Ахмад-ака пририсовал собаке пышные лебединные крылья. Его картина под названием “собака-пегасус” долго висела на школьной доске для объявлений. Ахмад-ака до сих пор тайно гордился той картиной».

Так в ткань повествования входит тема искусства, также являющаяся одной из ключевых в лирической прозе. Характерно, что именно Природа и Искусство, как две неразрывно связанные и находящиеся во взаимном влиянии сферы, служат точкой пересечения двух пластов повествования: реального времени современного Ташкента и ирреального пространства мечты и нравственных идеалов. Лирический герой рассказа Ахмад-ака наделен уникальной способностью тонко

¹ Э. А. Бальбууров. Поэтика лирической прозы. 1960-1970-е годы. Н.: 1985. С. 22.

чувствовать красоту природы, умением переживать эстетический восторг от встречи с ней. Герой мечтает о творческом воплощении всего увиденного, всего, что так волнует его душу: «Увидев, что дождь прекратился, Ахмад-ака вышел на улицу и замер: прямо над его магазином повисла необыкновенная радуга. Ошеломлённый, он начал живо прорисовывать эту картину в своём воображении. Вот карандаш бегло прорисовал неровные контуры стены магазина с обвалившейся по углам штукатуркой. Вот под лёгким взмахом кисточки появилась дуга. Закинув голову, Ахмад-ака улыбнулся. Так улыбаются дети, впервые увидевшие яркую игрушку. Он был уверен, что ещё чуть-чуть – и он сможет нарисовать запах воздуха после весеннего дождя, даже пририсует звон редких капель, срывающихся с листьев чинар и рассыпающихся в мельчайшие брызги от удара о землю. Ему казалось, что он способен передать даже пение перепёлок, доносившееся из близлежащей чайханы». Автор сознательно не говорит читателю, наделен ли его герой талантом живописца. И вряд ли детский рисунок «собаки-пегасуса» можно с полным основанием назвать художественной картиной. Но это и не столь важно. Гораздо важнее, что герой обладает чувством Прекрасного, и его картины, созданные в «воображаемой мастерской», – это часть мифологического пространства Мечты, идеального мира гармонии Человека и Природы, в котором холстом и кистью для художника служит его собственная душа.

Интересно, что тот же феномен природы – радуга – служит символом изобразительного искусства в повести признанного мастера лирической прозы Юрия Куранова «Озарение радугой». Герой повести Куранова – художник, способный тонко чувствовать окружающий мир, и все его творчество озарено радугой, являющейся своеобразной квинтэссенцией красоты и совершенства природы. Он так же, как и герой Марата Байзакова, замирает, пораженный красотой семицветной дуги, раскинувшейся на весеннем небе, так же, как и Ахмад-ака, он старается вобрать в себя совершенство этого образа и воплотить его в своем творчестве.

Описывая эмоциональное состояние своего героя, Марат Байзаков прибегает к сравнению: «Так улыбаются дети, впервые увидевшие яркую игрушку». В этом сравнении отражена не только непосредственность и яркая эмоциональность реакции героя. Образ ребенка характерен для лирической прозы. Зачастую писатели отводят роль повествователя именно детям, добиваясь тем самым нового ракурса в изображении привычного мира. Таковы, например, трактовка с точки зрения ребенка тайны природы в рассказе Ю. Казакова «Никишкины тайны» и новый взгляд на философию счастья в рассказе Ю. Куранова «Мишино счастье».

Не менее характерно для лирической прозы совмещение в повествовании взгляда на одни и те же явления взрослого человека и ребенка. Так строится повествование в романе Абдуллы Каххара «Сказки о былом», романе Дины Рубиной «На солнечной стороне улицы», рассказе современной корейской писательницы Син Кёнсук «Там, где стояла фисгармония». Такой «бинокулярный» взгляд на мир позволяет писателям выйти на новый уровень лирико-философского обобщения, выявив в мире повседневности вечные ценности, которые со временем теряют свою значимость для взрослого человека, но очень ярко и живо воспринимаются ребенком.

Однако основное философское ядро рассказа «Зрячий» строится даже не на особой чистоте «детского», не замутненного рутинной повседневности, взгляда на окружающий мир главного героя Ахмада-аки. Хотя в пользу этой особой чистоты и «детскости» героя говорит его неспособность успешно вести торговые дела: «Он женился, обзавёлся детьми, но быт и работа, словно чёрная дыра, поглотили

всё его свободное время, не оставив возможности заниматься чем-либо ещё. Ахмад-ака давно уже потерял надежду когда-нибудь вернуть отцовский жигуль». Эта неспособность к стяжательству, отсутствие практической, деловой сметки являются здесь положительной характеристикой героя, объясняя его чуткость восприятия мира природы. Антитеза «слепой – зрячий» является философской доминантой рассказа. Эта понятийная пара также рассмотрена в двух параллельных плоскостях: в реальном мире это слепой старик и зрячий лирический герой, который старается словами описать радугу, а в ирреальном мире слепой наделен зоркостью души. Ведь именно он подсказывает Ахмаду-аке, как же можно передать на словах человеку, никогда не видевшему дневного света, что такое радуга: «Сынок, – произнёс старик, – окружающий мир я представляю совсем по-иному. Да, я не вижу, но душа-то моя не ослепла! Я рисую и создаю свой мир у себя в голове, и кто знает, чья радуга волшебнее, красивее, – улыбнулся он. – Ваш мир, который вы видите, но не можете даже изобразить, или мой, который я не вижу глазами, но могу сотворить сотни раз благодаря неограниченным возможностям ума!» Этот небольшой диалог между лирическим героем и слепым стариком, кажется, происходит в пространстве реального мира. Автор даже намеренно вводит особый звуковой образ, сигнализирующий читателю о приближении нового действующего лица рассказа и возвращающий лирического героя из пространства мечты в реальный мир: «Вдруг эту красочную музыку нарушило тихое постукивание по асфальту. Слепой старик в белом холщовом костюме с тростью в руке остановился рядом с магазином». Но эта вещественность появления слепого старца ставится под сомнение финалом рассказа: «В это время зашедший в лавку покупатель потребовал внимания. Торопливо обслужив его, Ахмад-ака вышел на улицу. Слепого уже не было. Только на чистом, словно вымытом, небе плыло одинокое белое облачко. Радуга исчезла». И финал создает впечатление, что весь диалог на самом деле разворачивался в пространстве ирреального места и времени, пространстве, где значение имеет не зрячий взгляд, а зоркость души, открытой для восприятия Прекрасного.

Открытый финал рассказа заставляет читателя задуматься о значении философской и эстетической категории Прекрасного в жизни каждого человека, задаться вопросом о собственной способности сотворить в душе свой мир «благодаря неограниченным возможностям» ума и сердца.

переводы

Хабиб СИДДИК

Родился в 1951 г. Окончил факультет журналистики ТашГУ (ныне НУУз). Автор романа «Преследование» («Таъкиб»), нескольких повестей и множества рассказов. Печатался в журналах «Шарк Юлдузи», «Ёшлик», «Ёш куч», «Гулхан», еженедельнике «Узбекистон адабиёти ва санъати».

НЕОЖИДАННЫЕ ИТОГИ

Рассказы

СОБСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Весть о прибывающей на днях комиссии распространилась мгновенно: будут проверять способность сотрудников самостоятельно мыслить, умение высказывать собственное мнение. Мы, видите ли, должны свое мнение о состоянии дел на предприятии сначала представить в письменной форме, а на втором этапе – каждому предстоит выступить с этим мнением с трибуны, так сказать, публично.

Вы не представляете, как я обрадовался! Есть, оказывается, еще люди, организации, где интересуются нашим мнением! Я тотчас же закрылся в своём кабинете и начал излагать на бумаге давно мучившие меня мысли. Закончив писать, перечитал – хорошо получилось! Любая комиссия воздаст должное моей способности самостоятельно мыслить! Наше предприятие на изнанку вывернул! Отлично вышло! Однако...

Однако нести такое с трибуны... Нет, лучше сначала покажу начальнику отдела. Не зря же он начальник, понимает лучше нас что к чему. Посоветует что и как.

С этими мыслями папку с собственным мнением сунул под мышку и направился к начальнику. Убедившись, что он один в кабинете, постучал и вошёл. Видимо, он тоже, не теряя времени, как и я, излагал своё мнение и быстро сгрёб со стола бумаги.

– Недурно, – одобрительно отозвался начальник, внимательно ознакомившись с моим творчеством. – Правда, местами есть... ну, скажем, отдельные места выпирают, на мой взгляд, их желательнее сгладить, отутюжить немножко. Негоже свой родной коллектив вот так... Всё-таки посторонние люди, не поймут.

Стоило поступить, как посоветовал мой начальник, умный он человек, спасибо ему, а то...

Вечером своим мнением похвастался перед женой. Однако восторга не было, она пришла в ужас:

– Да вы в своём уме!? Кто же так делает? Родной коллектив так чернить! Вы семью кормите благодаря этому предприятию! Зачем вам совать голову в улей? Не лучше ли тихомирно дожить свой век?

– Нет, жена, на этот раз иначе нельзя – требуется высказать всё, что ты думаешь. Компетентная комиссия будет аттестовать всех на предмет умения высказывать собственное мнение.

– Тем более нужно быть вам осторожным, знай сверчок свой шесток, – дальше заботливая моя супружница подробно изложила, как и о чём можно самостоятельно мыслить, какое должно быть оно – «собственное мнение». Такая умница

у меня жена! Ангел-хранитель!

На следующий день спозаранку я поспешил на работу. Проходя мимо кабинета председателя профкома, я невольно замедлил шаг: из кабинета доносились необычные звуки, осторожно приоткрыв дверь, просунул голову в щель и увидел хозяина кабинета в необычной позе за непривычным для него занятием. Он, против обыкновения, без тюбетейки, при галстукке стоял у зеркала. В левой руке держал лист бумаги, правой широко жестикулировал... репетировал. Заметив меня, он спешно сложил четверолисток и сунул в карман брюк, затем взял со стола тюбетейку и надел на лысую голову.

Я мысленно крепко выругался в адрес комиссии, которая даже такого степенного человека заставила так неблагоприятно выглядеть. Ладно мы, молодые. Но наш председатель профкома, как и многие, в жизни никогда не высказывал собственного мнения, ему даже в голову никогда не приходило такое. Как бы с сердцем ничего не случилось, бедняжка.

Увидев меня в коридоре, начальник планового отдела почтительно взял меня под локоть и потянул в сторонку:

– Ука, вы бы составили нам с главбухом наше собственное мнение!

– С удовольствием бы, но я же не знаю вашего мнения.

– Э-э, подумаешь, какая важность! Разве мы не одинаково все думаем?! А мы бы вам квартальную премию сделали, а? Выручайте, не пожалеете, премиальные получите наличными.

Ну как тут быть! Только ненормальный откажется от премиальных, да ещё наличными. Нельзя обижать уважаемых людей...

Однако нужно сначала окончательно согласовать своё мнение с кем следует. С этой мыслью я направился к замначальника управления. Тот искренне удивился, прочитав моё мнение:

– Как, вы уже написали? Ну и ну! Молодец! Мы с управляющим думали, что нашему коллективу это дело не под силу, собирались даже специалиста пригласить из «Центра изучения общественного мнения», чтобы подготовили всех к выполнению такого необычного задания. А тут, оказывается, наши молодые кадры уже успели настроичить. Ну и ну! Однако давайте-ка ознакомимся, что вы написали, что... и как... думаете...

Его чтение прерывалось неоднократно «Ий-е!», а по окончании он многозначительно посмотрел на меня и молвил:

– Разве не прав наш мудрый народ: «Правду скажешь – даже родной матери не угодишь». Подумайте, прежде чем показывать написанное комиссии. Помните о народной мудрости.

Как не задуматься после такого замечания! «Воистину, – подумал я, – народ не зря говорит, наверное. Не следует высовываться, не зря говорят: «Не выноси сор из избы!» Ради выпавшей невесты откуда возможности высказать собственное мнение единожды не стоит рисковать!

Я ещё раз взвесил собственное мнение, пропустил его через сито, на этот раз через мелкое. То, что осталось, подверг тщательной стилистической обработке, в результате чего грубость, самодурство начальника превратились в требовательность, принципиальность дальновидного руководителя, процветание на предприятии семейственности благополучно преобразовалось в заботу о ближнем. Любовные связи бухгалтера с незамужней завканцелярией приравнял к милосердию в отношении обездоленных. Хищение госимущества завхозом объяснил заботой о семье, а охранников, которые пытались ему препятствовать, подверг резкой критике.

После таких поправок «собственное мнение» стало казаться мне куда приличнее. Теперь-то никто в нём ничего предосудительного не найдёт! Всё гладко. Тем не менее я решил показать и его первому заму. Всё-таки учесть мнение руководящих лиц не помешает.

Первый зам, по обыкновению своему ничего не говоря, не спеша водрузил на нос свои очки, взял красную ручку и начал проверять моё мнение, как дотошный учитель сочинение своего ученика. Читал внимательно, ошибки исправлял тщательно. В результате листы оказались испещрены красным. Поначалу я, конечно, был расстроен, потом подумал: «Оно

к лучшему, так спокойней будет. Ему виднее, неспроста ведь первый зам – знает больше моего. Все перипетии наших трудовых будней у него как на ладони, все зигзаги известны ему». Приложив руку к сердцу, я искренне поблагодарил первого зама, а тот отечески посетовал:

– Перепечатайте с учётом моих замечаний, потом обязательно покажите Самому, – и добавил многозначительно: – Вы – наша опора. У вас прекрасное будущее, мы возлагаем на вас большие надежды.

После таких окрыляющих слов я значительно вырос в собственных глазах. Здесь же в приёмной, пообещав секретарше плитку шоколада, с ее помощью я перепечатал текст.

– Покупайте сразу две плитки, – заметила она, вытаскивая из принтера распечатку «собственного мнения». – После проверки шефа мы ещё раз перепечатаем. Все так делают.

Я оглянулся. В приемной было многолюдно. Наверняка это те, кто принёс своё мнение управляющему на утверждение и ждет аудиенции. «После утверждения управляющим желательнее будет в отделе кадров поставить печать, тогда то, что я написал, обретёт статус документа. И пусть потом комиссия попробует доказать неподлинность моего “собственного мнения!”» – подумал я.

ТРАДИЦИОННЫЙ ВОПРОС

– Большинство уже на месте, можно, пожалуй, начинать, да? Вы, конечно, догадываетесь, по какому поводу я вас собрал сегодня? А!? Вот именно, по поводу ремонта! У нас исключительно умные, догадливые родители, не правда ли!? Что вы сказали? Традиционный вопрос? Ну конечно это традиционный вопрос, который ежегодно стоит в повестке дня последнего родительского собрания! Что поделаешь, жизнь такова. Одним словом, школе нужно помочь. Вы все хорошо понимаете, насколько это важно и актуально сегодня! Кто из вас работает на стройке? В первую очередь между вами и распределим. Понадобятся известь, песок, цемент, пиломатериалы, краска... Что вы сказали? Ну, я думаю, ничего страшного не случится, если с вашего рабочего места пропадёт баночка краски, как-нибудь придётся вынести с объекта. Хи-хи! Недавно срочно понадобилось немного цемента и извести: четверых мальчишек послал на ближайшую стройку – молодцы ребята, сторож даже не заметил их! Перед всем классом объявил им благодарность!

В прошлом году Нуманов-ака один обеспечил нас всем необходимым, для директора тоже (тот строил дом) достал все необходимые материалы. Вот какие бывают родители! Ради детей ничего не жалеют, на всё готовы! Досадно, что посадили его за хищение общественной собственности, иначе бы опять всё сделал, не пришлось бы вас беспокоить.

Извините, мамаша Саидовой, вы, если не ошибаюсь, работаете на трикотажной фабрике? Несите хоть тряпьё, бракованная продукция наверняка есть. У нас всё найдёт применение, полы будем мыть, стёкла.

А отец Ахмедовой, чем поможете? Ничем? То есть как ничем? Так не пойдет! Неужели на кондитерской фабрике ничего полезного не найдётся для класса? Вы хорошенько подумайте. Сладости тоже могут пригодиться. Чем богаты... Хотя бы килограмм муки! «С миру по нитке – голому рубаха!» – гласит народная мудрость.

Что? Собирает деньги? Не знаю, нехорошо это как-то... Каждый год собираем? Да, конечно, но вы знаете, что я не могу этим заниматься лично, а родительский комитет, который вы в начале года выбирали... в глаза никто не видел, вот уж год прошёл. Пора бы ему заняться делом. Значит, пускай родком и собирает деньги, да?

А вы, извините, где работаете? В редакции газеты? Простите, вы, собственно, чей отец? Я что-то не припомню. Не наш, говорите? Как это понимать? Что вы тогда здесь делаете? Кто вас приглашал? У нас сегодня не торжественное мероприятие... Вам захотелось написать статью о том, как завершаем учебный год? Ну, знаете!.. Вам надо было к директору или завучу обратиться, или хотя бы к заму по духовности... Они бы вас снабдили нужной информацией. А тут, сами видите, будни, всё

обыденно, неинтересно. Это не материал для газетной статьи...

Я и сам это понял, потому и написал рассказик...

СОВЕТЫ ТРЕТЬЕЙ

– Алло, это приёмная гендиректора?

– Да.

– А вы кто?

– Я его секретарь.

– Новенькая?

– Да, недавно...

– Я так и поняла. Поздравляю вас! Искренне поздравляю и желаю успехов! В наше время не просто устроиться на работу, так что я вас поздравляю от чистого сердца!

– Спасибо, большое спасибо!

– А хозяин, как он вам? Нравится?

– Замечательный человек! Я ему... очень обязана, замечательный, добродетельный человек.

– Но-но! Не очень увлекайтесь!.. Будьте осторожнее и серьезнее, а то пожалеете.

– Не понимаю, почему вы так говорите?

– И юбку подлиннее надевайте.

– Да что это такое!? Кто вы, почему со мной так говорите?

– Глазки ему не стройте...

– Без вас знаю! Нечего меня учить!

– Все начинают с этого. Если самка не строит глазки, самец с поводка не срывается. Народ мудро говорит.

– Хватит меня учить! Кто вы такая? И вообще, по какому поводу вы звоните?

– Я хотела предостеречь вас от последствий. Ваш хозяин – старый, опытный ловелас.

– ???!

– Вмиг вас окрутит.

– Да кто вы такая, в конце концов?

– Я жена вашего хозяина.

– Ой, так бы сразу и сказали, опажон! Но почему вы так плохо обо мне думаете? Собит Шакирович мне в отцы годится! К тому же вы совсем не знаете меня!

– Зато хорошо знаю своего мужа.

– И-и...

– И не зря ходят анекдоты про начальников и их секретарш. Вы совсем молоденькая, не замужем ещё, я просто предостерегаю, чтоб не стали героиней очередного анекдота...

– Ах, оставьте! Я не такая, как вы думаете...

– У меня есть осведомители, о каждом вашем шаге будут докладывать...

– Ой, вы очень ревнивая. Но я не дам вам никакого повода...

– Смотрите, как бы вас не постигла участь предшественницы.

– Интересно, кто же была моя предшественница? И какая участь её постигла?

– Как кто? Я была вашей предшественницей! И стала его третьей женой... А с вами и того хуже может случиться!

Перевод с узбекского Кадиржана НАСИРОВА

Кадиржан НАСИРОВ

Доцент Наманганского государственного университета,
кандидат филологических наук.

караван истории

**Николай
КРАСИЛЬНИКОВ**

Родился в 1948 г. в Ташкенте. Поэт, прозаик, переводчик. Автор книг «Глиняный соловей» (1993), «Тайна охотничьего домика» (1994), «Аистиный снег» (1996) и других. Публиковался в журналах «Звезда Востока», «Арион», «Нева», «Костер», «Сельская молодежь». В 1996 – 2001 возглавлял журнал «Звезда Востока».

КОРАБЛИК ТАЛГАТА

*Жизнь как пьеса в театре:
важно не то, сколько она длится,
а насколько хорошо сыграна.
Сенека Луций Анней*

1

Писать об известном актёре, о котором вышли сотни статей, показаны десятки фильмов, трактующих факты, события и детали его жизни, всегда ответственно и трудно. Тут главное – не повториться. Вспомнить только «своё»...

2

Март. Время весеннего равноденствия. По восточному календарю Новый год. В Средней Азии он называется Навруз, когда ещё не жарко, но уже не холодно. О празднике напоминает и цветущая веточка урюка, кем-то из редакторов любовно выставленная на обозрение в кефирной бутылке с водой на подоконнике.

Дверь в редакцию с шумом распаивается и на пороге появляется с радж-капуровской раскованностью колготной и весёлый писатель Исфандияр, следом за ним – робко, с едва заметной улыбкой на смуглом лице – молодой незнакомец в лёгком югославском костюме светлого тона и в тёмно-каштановых туфлях. Должно быть, тоже импортных. Тогда такие детали одежды и обуви надолго запоминались.

– Здорово, братан! – подходит ко мне Исфандияр, распахивая руки для объятия, поприветствовав, оглядывается по сторонам: – А где остальные?

– На обеде.

– А ты что один кукуешь?

– Закончил срочную работу.

– Вот и прекрасно! Пойдём пообедаем вместе. Да, – спохватывается Исфандияр. – Познакомься, – и кивает на незнакомца: – Мой друг Талгат Нигматулин!

Мы обменялись крепким рукопожатием. Да, я слышал, что в Ташкенте живёт такой киноактёр, что он недавно снялся в известном фильме «Пираты XX века», сделавшем его имя широко известным, узнаваемым.

Куда пойти обедать? Решили – в уже привычную лагманную, что находилась за торцом издательства, а слева был продуктовый магазин, в котором Исфандияр, когда мы спустились вниз, «отоварился» бутылкой марочного сухого вина, напомнив, что оно скрепляет знакомство.

Обеденное время подходило к концу. В столовой было

полупусто. Мы взяли по кафе¹ лагмана с бесконечно длинной лапшой ручного изготовления, щедро посыпанного душистой зеленью и «огоньками» стручкового горького перца. При этом повар в засаленном халате косолазно стрельнул в нас и угостил шуткой: «Остри, как перви лубоф!» Мы устроились за отдельным столиком во дворике под виноградником.

Исфандияр между тем сходил к чайханшику за чаем, принёс чайник и три пиалы. Торжественно открыл бутылку с вином и для начала наполнил их напитком, воспетым великим Хайямом. Выпили за знакомство. Правда, Талгат только пригубил, сказав, что к спиртному равнодушен, и отодвинул пиалу с вином в сторону, при этом по-аксакальски констатировал:

– Чай пейшь – орлом летаешь, водка пейшь – землём ползёшь!

– Но это же не водка, «сухое», – попробовал возразить Исфандияр, однако его аргумент в пользу лозы, материализованной в божественный напиток, всё равно не возымел действия.

Позже я узнал от близко знавших людей Талгата, что он всё же выпивал с коллегами, часто возвращался домой подшофе – а кто из нас не грешил этим? – но я лично никогда не встречал актёра пьяным.

А тогда, при первой встрече, нам с Исфандияром так и пришлось «уговорить» бутылку вина вдвоём. За неспешным лагманом и зелёным чаем выяснилось, что Исфандияр и Талгат однокурсники: оба учатся в Москве на высших сценарных курсах ВГИКа. С недавних пор Талгат стал писать рассказы, стихи.

– Приноси, посмотрим, – предложил я. – Может, что опубликуем.

– По поводу этого мы и пришли, ха-ха-ха! – гоготнул Исфандияр.

Талгат поначалу показался мне не очень разговорчивым, больше слушал нашу окололитературную болтовню, а на скабрзные шутки Исфандияра только улыбался... Пожалуй, эта самая улыбка,

Талгат Нигматулин

чисто нигматулинская, застенчиво-ироничная, как невидимый шит, «оберег» от всего наносного, врезалась тогда мне в память.

Талгат не пил и почти не ел такой вкусный лагман, при виде которого даже у искушённого гурмана могли бы потечь слюнки, на что Исфандияр попенял другу:

– Ну ты хотя бы закуси!

– Запад ест, чтобы жить, Восток живёт, чтобы есть, – отшутился Талгат поговоркой. – Считай, что сегодня для меня ни то и ни другое не подходит. Я просто отдыхаю!

Пообедав, мы вышли из лагманной, и я, случайно обернувшись, заметил, как неопрятный мужичок, сидевший от нас неподалёку, подбежал к нашему столику и одним махом осушил пиалу с оставшимся вином Талгата, а пустую бутылку затолкал в карман, потом сел на стул и стал уплетать за обе щеки недоеденный лагман.

На центральной улице Навои по бетонному лотку возле тротуара бежала пенная мутная вода. Мальчишки с ранцами, видно, после школы, пускали бумажные кораблики. Нигматулин остановился, наблюдая за ними.

– Вот так и я, – вспомнил он, – когда-то пускал свой кораблик. Всё думал, доплывёт ли он до моря?

Попрошались. Условились встретиться с Талгатом на будущей неделе. Он обещал принести свои рассказы. В воздухе пахло весной и ириском². Видимо, недавно здесь прошла цыганка (по-местному люли) с ковшиком этой дымящейся пряной травы.

¹ Посуда для первых блюд, по форме напоминающая пиалу.

² Трава, по верованию, отпугивающая демонов.

3

Послевоенный маленький городок, больше похожий на крупный посёлок, Кызыл-Кия смутно запомнился Талгату высоченными тополями и звонкоголосыми арыками, пёстрым базарчиком, где торговали овощами и фруктами с огородов и садов сельчан и поджаристыми чебуреками. Остался в мальчишечьей памяти и магазин – полукирпичный-полудошатый, который становился особенно оживлённым два раза в месяц, когда шахтёры получали аванс и зарплату. Оттуда так и валило винными парами, гасившими все другие желанные запахи – лепёшек, склеившихся конфет-пудушечек с повидлом.

Городок был многонациональный, здесь бок о бок жили русские, татары, украинцы, казахи, киргизы, турки, ингуши... В семье все говорили на своём языке, не забывая родной веры, традиций и праздников, а на улице, в школе, на работе и в общественных местах общались по-русски. Не было никаких крупных ссор и драк, будораживших жизнь и быт местного населения, жившего тогда, как и вся страна, честно и небогато. Была тогда одна национальность – хороший человек!

В такой обстановке 5 марта 1949 года на окраине Кызыл-Кия в низком кирпичном доме с небольшим садом родился сын татарина и узбечки Талгат Нигматулин.

– Жили бедно, – вспоминал уже взрослым Талгат. – Мама работала в школе. Зарплату получала маленькую. Часто выкраивала из старых отцовских обносков для меня одежду – штаны, рубашки. Швейей она была отменной. И я ей как мог помогал: в старинный чугунный уют насыпал мелкий уголь, а чтобы он быстрее нагревался, размахивал им из стороны в сторону. И готовить мама умела отлично буквально из ничего. Из картошки могла, например, придумать с десятков разных блюд. Отца не помню, знаю только, что он был шахтёром, погиб на работе, когда мне не было и двух лет. В доме постоянно не хватало денег, даже на хлеб. И чтобы как-то облегчить мамин труд, я подростком стал подрабатывать на сахарозаводе, в сапожной мастерской. Мать с большим трудом (у неё на руках был ещё мой братишка) определила меня в детский дом, и, хотя там через день на обед давали макароны – «шланги» и вермишель – «шнурки» с котлетами подмёточной жёсткости, жизнь мне показалась если не раем, то вполне сносной.

4

В назначенный день и час Талгат пришёл в издательство. Неуверенно постучал в приоткрытую дверь.

– Заходи смелее, у нас не кусаются! – сказал я.

– А вдруг?! – улыбнулся гость и спортивной походкой подошёл к моему столу. Поздоровался. Сел на предложенный стул.

– Показывай, что принёс.

Талгат протянул мне свёрнутые в трубочку листы с почему-то через копирку отпечатанными на них рассказами через полтора машинописных интервала.

– А где первые экземпляры? – поинтересовался я.

– Отправил почтой в журнал «Юность» полгода назад.

– Ну и как, ответили?

– Молчат или потеряли...

Рассказы оказались короткими, каждый по пять-шесть страниц, и я тут же прочитал их. О чём они были? Первый о послевоенном детстве, второй – о студенческой жизни, ну а третий – об актёрской среде. В общем, о том, что, видимо, было близко сердцу и пережито лично.

Меня как редактора всегда интересовало в рукописи автора не только то, что он написал, но и то значимое, что могло остаться за её пределами. Это, пожалуй, даже в большей степени. В начале нашей беседы вышла маленькая заминка: Талгат почему-то стал обращаться ко мне по-местному – с приставкой «ака»: «Николай-ака» или

просто «ака», старший брат. Нет, не в понимании «старшего русского брата», а просто «брата» по возрасту.

– Брось ты это «ака», – попробовал я выровнять наше общение. – Ведь мы с тобой почти одногодки: я с 48-го, а ты с 49-го года.

– Вы всё равно старше меня на год, поэтому будете «ака», – тепло настоял на своём Талгат.

Нет, первые рассказы Нигматулина не были ученическими. По ним было видно, что Талгат уверенно владеет словом, умело лепит образы героев, сюжет... Умеет разглядеть в обычной примелькавшейся картинке что-то новое, заставляющее обратить внимание, задуматься, улыбнуться или загрузить.

Именно на таком поле проходит незримая межа, которая отделяет холодного ремесленника от будущего мастера. Всё это искренне подкупало меня. Я чувствовал нутром, как трудно Нигматулин уходит в своих рассказах от излишней кинематографичности, не присущей настоящей литературе, сценарной сухости и тривиальных концовок. Конечно, встречались в тексте и отдельные стиливые погрешности, но они легко были устранимы, что и было сделано по ходу чтения.

Заметив, что мы слишком заработались, младший редактор Матлюба Рустамова поставила нам на стол чайничек с чаем и угостила двумя конфетами «Кара-Кум».

Талгат долго вертел в руках конфету ташкентской фабрики «Уртак» с этикеткой, на которой по пустыне мчались две машины.

– Ака, – обратился ко мне Нигматулин, вспомнив давнее. – Такую конфету я попробовал первый раз на дне рождения моей одноклассницы. До сих пор ощущаю этот необычный вкус – хруст на зубах будто бы песчинок... – И, повернувшись к Матлюбе, поблагодарил: – Рахмат, ханум! – что в переводе с узбекского означало «спасибо, лунная принцесса».

– Видишь, какую ассоциацию вызвала в тебе конфета, – заметил я.

– И не только это, – продолжил Талгат. – Сладкого в детстве было мало, к тому же постоянно хотелось есть. Вот мы и ели с пацанами смолу с деревьев, особенно с вишен, зелёные абрикосы («довча»), виноградные усики... Словно вчера всё это было!

Угостившись чаем и пролистав рассказы ещё раз, мы отправились в соседний кабинет к главному редактору по русской части, прекрасному поэту, критику, стилисту и, что немаловажно, честнейшему человеку Вадиму Давыдовичу Новопрудскому – от него в итоге зависела судьба публикации рукописи в альманахе «Молодость», который он курировал.

Отложив в сторону срочные дела, Вадим Давыдович при нас бегло прочитал рассказы, задумался и произнёс: «Здесь что-то есть».

Корневое «что-то есть» оставило надежду, и она не обманула. Вскоре рассказы Нигматулина увидели свет.

5

Публикация, а тем более первая, как и всякого начинающего автора, Талгата вдохновила. Когда не было съёмок и случались свободные дни, он нередко заглядывал в издательство «Ёш гвардия», где нашёл себе если не друзей, то единомышленников по литературному цеху – точно! Приходил просто так поговорить о прочитанном, поделиться своими творческими задумками, показать новый рассказ.

Нигматулину было уже за тридцать. Несмотря на молодость, за плечами у него был богатый жизненный опыт: учёба в московском цирковом училище и во ВГИКе. Съёмки в небольших или эпизодических ролях на киностудиях в Свердловске, в Душанбе и у себя на родном «Узбекфильме». «Седьмая пуля», «Встречи и расставания», «Сказание о Сиявуше»... Это только три названия, взятые навскидку, из более сорока фильмографических работ Нигматулина. Ни от какой актёрской работы он не отказывался – и всё делал с «полной выкладкой и открытостью души». Это слова самого Талгата.

Настоящую же всесоюзную известность актёру принёс фильм «Пираты XX века» (1979), в котором он сыграл роль отрицательного героя Салеха.

Не знаю, какое воздействие Салех оказывал на «правильных» взрослых, но для мальчишек и подростков он, бесспорно, стал неким эталоном благодаря своим экзотическим единоборствам. Его узнавали во всех общественных местах: на улице, в транспорте, в магазине, – как узнавали в те годы известных людей: космонавтов, спортсменов, певцов...

Многие хотели познакомиться с известным актёром лично. А мой сын-подросток, узнав, что я общаюсь по работе с его кумиром, даже попросил меня сфотографироваться с ним.

В личных беседах Талгат никогда не рассказывал о своих однокурсниках по ВГИКу, набиравших широкую популярность, – Сергее Никоненко, Николае Ерёменко-младшем, Наталье Аринбасаровой, Наталье Белохвостиковой, Ирине Шевчук, режиссёрах. А ведь мог, наверное, рассказать... Например, о своём близком друге Николае Ерёменко-младшем, об «охоте за барышнями» и других студенческих и более поздних приключениях в многоликой и суетливой столице нашей Родины.

Может, не рассказывал из-за своей излишней скромности, не хотел показывать: «Вот, мол, с какими звёздами я общаюсь!» А может, попросту считал всё это лишним и неуместным? Теперь не узнать.

Даже тогда, когда в просторном кабинете на четыре письменных стола нас находилось трое: Новопрудский, Шуф и я кто-то попросил Нигматулина показать несколько приёмов карате, так сказать, преподать «мастер-класс», он грустно оглядел стены, шкафы, зачем-то потолок и многозначительно улыбнулся: «А зачем?»

И о семье Талгат ничего не рассказывал. Я знал только, что он был уже несколько раз женат, что у него растут сын и две дочери.

Зато защитная реакция памяти на всё, что существенно и необычно, особенно из детской поры, так нужное для творческого человека, в Нигматулине была отменной. Помню, с каким восхищением он вспоминал о своём первом приезде с матерью к её родственникам в Ташкент. Было это, кажется, в 60-е годы. Как в первый раз в жизни ходил к новому другу смотреть телевизор с линзой, заполненной глицерином для большего увеличения. Как гулял у фонтана возле театра имени Навои, ел фруктовое мороженое за семь копеек, и малиновый его запах, затерявшийся между пальцев, долго напоминал о праздничном настроении. Как потом вместе с другом подошёл к новой, недавно построенной гостинице «Ташкент» и там на асфальтовой площадке с интересом рассматривал фантастические машины: «ЗИМы», «Победы», «Москвичи». Первые в большинстве своём обслуживали тогдашнюю партийную номенклатуру, вторые – директоров заводов, совхозов, третьи – подпольных «цеховиков»...

Воистину: поговоришь с одним – и радостно станет, поговоришь с другим – и сразу загрузишь. Второе к Нигматулину не относилось.

6

Если о молодой «бурнокипящей» поре Талгат старался умалчивать в беседах, хранить в тайниках своего сердца, может, для будущего сценария, рассказа, повести или даже романа (а такие задумки жили в нём!), то воспоминания о детстве и отрочестве иногда всё же выплывали из Нигматулина, пусть порой грустными, но неизменно светлыми нотами.

Об одной такой истории, рассказанной Талгатом, я и хочу вспомнить. Сейчас её бы отнесли к жанру «про это». Но с кем не случалось на рассвете нашей жизни подобное хотя бы однажды? Вот и с Талгатом тоже. Произошло это в пятом или шестом классе в детдоме. Талгат впервые влюбился до отчаяния, до безумия, как Меджнун, как Ромео! Нет, не в свою одноклассницу с тугой смоляной косой и длинными ресницами, прикрывающими большие, полные тайн глаза, а в свою... учительницу

по русскому языку и литературе Майю Каримовну. (Имя и отчество не настоящие – Н. К). Высокую, стройную, похожую на итальянскую актрису Софи Лорен. Майя Каримовна, зная это, старалась быть похожей на любимицу публики – одеждой, причёской и даже «волнообразной» походкой.

Когда она проходила по тротуару, щедро обрызганному весенним солнцем и скачущими пятнами зелени вишен, яблонь, Талгату всегда вспоминалась девчачья ситалка, которую они тараторили на волейбольном пятчке:

Море волнуется – раз,
Море волнуется – два,
Море волнуется – три,
На месте, красивая
Фигура, замри!

Последние две строки Талгату от переполняющих его непонятных и смутных чувств хотелось выкрикнуть во весь свой голос. Но не только, чтобы замерла «на месте красивая фигура», но и солнце в небе, перистые облака, птицы в соседнем парке, люди... Весь мир! Такими глубокими и чистыми оказались чувства юного Меджнуна.

Что было известно о личной жизни Майи Каримовны? Немного. Окончила с отличием ташкентский педагогический институт имени Низами. Преподавала в начальной школе. Вышла замуж за крупного начальника. Родила дочку. Потом разошлась. Уехала в соседнюю республику. Предмет свой – русский язык и литературу – Майя Каримовна прекрасно знала и преданно любила, что и старалась передать своим ученикам. В общении была строгой, но великодушной. Поведение и одежда подчёркивали гордость, но не гордыню, цену которой знала только Майя Каримовна.

От любопытных глаз учеников ничего не утаишь. И малейшие попытки ухаживаний за их учительницей, например, «препода» по физкультуре – невысокого средних лет мужчины атлетического сложения, в прошлом чемпиона-штангиста, улыбочивого, с усиками по моде «шёткой». Когда рядом никого не было, он постоянно старался приобнять Майю Каримовну, оказать какое-то внимание. Талгату страшно не нравилось это. Он по-взрослому ревновал, и всякий раз ему хотелось вклеить чемпиону звонкую оплеуху, но всё не удавалось. За Талгата это вскоре сделала Майя Каримовна на виду у учеников. Физкультурник, кажется, отстал, Талгат мысленно ликовал. В его воображении Майя Каримовна стала ещё красивее и... недоступнее. Пока...

Был предпраздничный субботник. Детдомовцы занимались генеральной уборкой своих помещений – спален, классов, спортзала, столовой. Когда стали мыть окна, девчатам срочно понадобилось ещё одно ведро. Классный руководитель, ответственный за субботник, послал Талгата к садовнику Латипу за ведром. Латип, узбек ниже среднего роста, носатый, прозванный за свой физический недуг Коньком-Горбунком, жил рядом с детдомом на противоположной стороне улицы в саманной кибитке. Тихого и почти незаметного Латипа, вежливого и услужливого, дети и взрослые уважали, сочувствовали его одиночеству.

Сбитая из досок сикось-накось калитка Конька-Горбунка была приоткрыта. Талгат махом пролетел через дворик и остановился возле двери кибитки. Перевёл дыхание. Осторожно постучал. Тишина. Дернул за кривую ручку. Не открывается, но чувствуется, что изнутри заперта на крючок. Садовник раньше никогда не запирался. Талгат иногда бывал у него: то просто поговорить, то чаю выпить. Здесь что-то не так, подсадало сердце.

Талгат обошёл домик и остановился у единственного окошка. Прислушался. Из комнатки раздавался оглушительный скрип полурассохшейся тахты, заменявшей Латипу кровать. К скрипу примешивались непривычные стоны. Талгат привстал на цыпочки, и обмер от удивления и негодования: Майя Каримовна, ещё недавно такая гордая и неприступная, полуголая сидела на Коньке-Горбунке в позе наездницы-амазонки...

Талгат на ватных ногах опустился на землю. Слёзы обиды и боли давили его, застилали глаза. Он встал и побрёл прочь от внезапно ставших ненавистными Майи Каримовны и Конька-Горбунка. Однако возле калитки минутное оцепенение прошло. Талгат огляделся по сторонам и увидел у куста благоухающей розы осколок кирпича.

Он поднял осколок, вернулся, запустил им в окошко Латипа и убежал.

Дослушав до конца грустную историю Талгата, я сказал:

– Почему бы тебе не написать об этом рассказ?

– Э-э, Николай-ака... Это не моя тема. Я сейчас ишу смысл жизни. Меня больше интересуют сверхвозможности человека, – ответил Талгат.

– Как же тогда литература, киношные планы? – спросил я.

– А куда они денутся? Они здесь, со мной! – и Талгат постучал пальцем по левой стороне груди.

В китайской письменности иероглиф, означающий «неприятность, трудность» рисуется как две женщины под одной крышей. На тот момент этими «женщинами» у Талгата был некий мучительный выбор...

7

Именно тогда, в первой половине 80-х, Талгат познакомился с сектой, во главе которой стояли уроженец города Фрунзе (ныне Бишкек) псевдоучёный Абай Борубаев и народный «целитель» из Каракалпакии экстрасенс Мирза Кымбатбаев. Обоих считали «людьми с уникальными парапсихологическими способностями, представляющими интерес для большой науки».

Нет, они не прятались по явочным квартирам, свободно разъезжали по городам, выступали перед различной аудиторией, находили среди них поклонников и учеников мифического «четвёртого пути», заключавшего в себе различные верования, базирующиеся на восточной философии. С этой темой, не совсем внятной, Борубаев даже выступил в ЦДЛ (Центральном доме литераторов) в Москве. Как он туда отыскал дорогу и кто ему помог, никому неизвестно. Правда, много позже мой друг и замечательный писатель Рауль Мир-Хайдаров открыл сию тайну: «А я знаю, кто помог Борубаеву, – сказал он, – тогдашний министр культуры СССР Сидоров! Поклонник Рериха и Блаватской, он водил этих шарлатанов, будущих убийц по всем “великосветским” салонам Москвы».

Но самое занятное, что немногочисленная группка не совсем адекватных писателей и таких же поэтов слушала речь гостя с огромным вниманием, выражая восторг жидкими хлопками.

Талгат же, как многие творческие личности, зачастую наивные, также, к сожалению, оказался легковнушаемым: он стал считать Борубаева неким воплощением Христа на земле. Приезжая в Ташкент, тот останавливался в его доме на Чиланзаре. Но о своём новом друге и кумире, заглядывая на «пиалу чая» в издательство, Талгат ничего не рассказывал, только многозначительно намекал, что у него живёт какой-то о-о-очень высокий гость.

– Ну, а как рассказы, пишешь? – поинтересовался я.

– Куда там... Времени не хватает братья за сюжеты. Пишу новую песню.

В те годы песня на стихи Нигматулина «Русские берёзы» в исполнении певца Мансура Ташматова часто звучала по Всесоюзному радио. Похожие на гимн слова, написанные сыном татарско-узбекского народа, о снежно сверкающих берёзах, являющихся символом России, полюбили слушателей.

Нет, Талгат не был пассивным оптимистом, верящим в эффект Емели и свою судьбоносную шуку. Он упорным трудом ещё до знакомства с сектой, как искусный ювелир, шлифовал свой талант, иногда ошибался, но уверенно шёл к своей цели. Совершенствовал свой интеллектуальный, духовный и физический опыт. О будущем не любил загадывать и однажды в разговоре выдал мне такую сентенцию:

– Вы видели когда-нибудь будущее? Нет. И я не видел. Я боюсь будущего – это... смерть. Я хочу жить настоящим. Плохое оно или хорошее – оно моё. Я в нём живу.

8

В те времена Талгат зачастил в Каракалпакию. Познакомился с тамошними единомышленниками Борубаева: с народным целителем и по совместительству сторожем кладбища Мирзой Кымбатбаевым, работницей местного музея... Примеряя на себя образ дервиша, стал побираться по местным базарам, людным местам. Но за пыльным драным «шепотным» прикидом, за чертами правильного смуглого лица всё равно проглядывало чистое, ранимое сердце благородного молодого человека. Проницательные асакалы-торговцы видели это, отгоняли от своих прилавков с фруктами полурусскими словами:

– Не надо шалтай-болтай... Работай надо. Пошт-пошт!

Мол, не шатайся без дела, проходи-проходи.

Талгат не обижался на такие выпады. Наоборот, близким ему людям признавался: «В песках Приаралья я был самым счастливым человеком!» Парадокс, да и только, тебя гонят, а ты – счастливый!

Ничего подобного из уст Талгата я лично не слышал. Об этом мне рассказал каракалпакский журналист Сапаров. Новое увлечение Нигматулина многие считали временной блажью. Увы, блажь превращалась в сущность. Талгат на глазах становился «другим Талгатом». Стал постепенно впадать в эскапизм, то есть уходить от действительности в мир иллюзий. Я думал, это временное явление, как детская болезнь, надо только переждать, и скоро всё пройдёт. Ан, вышло наоборот. Талгат всё глубже и глубже, как загипнотизированный злым дэвом, каким и был его духовный наставник, как выяснится позже, погружался в его секту.

Перед очередной своей поездкой к Борубаеву Нигматулин заглянул в издательство. Как всегда, я поинтересовался его делами.

– Надо съездить в Каракалпакию к Учителю, – сказал Талгат.

В его голосе слово «учитель» прозвучало уважительно, с большой буквы. Так, наверное, и должно быть, если учитель настоящий.

Я уже был хорошо наслышан от Исфандияра о «выдуманном божке» Талгата, который якобы обладает сверхчеловеческими способностями и возможностями. Но я всегда оставался в таких вопросах твёрдым материалистом, как в притче про одно селение, где все люди были верующими, только поделёнными на две группы, и отличались друг от друга одним: первые верили в то, что Бог создал человека, а вторые в то, что Человек создал Бога... Для меня второе было ближе.

Не скрывая своей досады, я сказал:

– Дался тебе какой-то Борубаев! Лучше бы ты за это время написал новый рассказ или что-нибудь другое.

– Э-э, Николай-ака... Не говорите так. Ничего вы не понимаете. Скоро о Борубаеве будет знать весь мир! – произнёс Талгат с обидой в голосе.

– Что, он новый мессия, Христос?! – съязвил я.

– Может быть...

В те дни я составлял для издательства сборник сказок писателей мира.

На столе у меня лежала раскрытая книга Ганса Христиана Андерсена с подчёркнутыми кем-то строками. Я пододвинул её Талгату:

– Прочти!

Великий сказочник совсем не по-сказочному писал: «Думающий атеист, живущий по совести, сам не понимает, насколько он близок к Богу. Потому что творит добро, не ожидая награды, в отличие от верующих лицемеров».

Талгат прочитал и покраснел:

– Это не обо мне!

– А я и не говорю, что о тебе. Просто мне показалась интересной эта мысль.

Такой компромисс примирил нас. Я даже пожалел, что показал Талгату книгу, потому что не далее как вчера приходил Исфандияр и сказал мне по секрету, что Нигматулин недавно крестился.

Потом мы говорили о кино, о книжных новинках. Среди прочего я передал Талгату и давнюю просьбу моего сына сфотографироваться с ним, просил назначить день и час. Нигматулин подумал и сказал, что скоро уезжает в командировку, а когда вернётся в Ташкент, то позвонит мне, и тогда мы все решим о дне встречи. Когда Талгат засобирался домой, я всё же напрямую решил узнать у него:

– Талгат, можно у тебя спросить об одной вещи?

– Что за вопрос, ака, спрашивайте!

– Не обидишься?

– На обиженных сами знаете, что возят...

– Ладно. Верно, что ты принял христианство?

Талгат неестественно встрепетнулся, загадочная улыбка скользнула по его лицу, но он ничего не ответил и, попросившись, ушёл. Однако вскоре вернулся, приоткрыл дверь и, не входя в комнату, с порога поинтересовался:

– А кто это сказал?

– Земля полна слухами, – по-восточному ответил я, не выдавая нашего общего друга.

– А-а, тогда понятно, – засмеялся он и скрылся.

9

Увы, эта наша встреча оказалась последней. Жизненный и творческий путь актёра Талгата Нигматулина оборвался в Вильнюсе 11 февраля 1985 года на 36-м году жизни. О горькой вести я не сразу решил сообщить своему сыну, а когда сказал, что вот, мол, теперь ему никогда не придётся сфотографироваться с его кумиром, Андрей вздохнул, очень расстроился и долго переживал.

О трагедии, приведшей к гибели Талгата, его убийцах не буду рассказывать. Эта тема широко освещалась в печати и по телевизору. Был показан посвящённый памяти Талгата фильм «К вам пришёл ангел», прошедший по телеэкранам России и Европы. Николай Глинский, соавтор сценария и режиссёр фильма, в одном из своих интервью вспоминал: «Вера человека часто становится его судьбой. Талгат совершил смертельную ошибку, нарушив заповедь: “Не создавай себе кумира”».

А я подумал о другом: о мальчишке послевоенного времени из малоизвестного киргизского городка Кызыл-Кия, что своим исключительным трудолюбием и талантом смог, как говорят европейцы, «сделать себя». Прошёл, словно детский бумажный кораблик, через многочисленные жизненные рифы и всё же достиг желанного моря признания. Возмужал, окреп, многого добился, стал известным, любимым миллионами зрителей... Вдали открывались новые горизонты: не снятые фильмы, не написанные книги... Но, увы, море имеет свойство неожиданно штормить. А человек иногда забывает об этом.

НОВЫЕ ИМЕНА

ЗАГОВОР

Рассказ

Муха упорно билась об оконное стекло, то сползая вниз, то поднимаясь, с нарастающим жужжанием повторяя свои бессмысленные попытки удержаться на скользкой поверхности. Недоучка опыта, жужжащее стремление к свету...

Вздыхнув, Таня перевела усталый взгляд на улицу, уже нагретую ранним летним всепоглощающим зноем. Она сидела напротив сестры у себя на пустой кухне. Холодные голые стены шетинились намертво вбитыми в них гвоздями от снятых давеча со своих мест шкафов и полок, навевая уныние и тоску.

Сестра Тани, простая шупленькая женщина, рассказывала об утреннем богослужении в городской церквушке, куда она неизменно ходила два раза в неделю, щедро делясь потом впечатлениями. Иногда Тане очень хотелось быть похожей на неё или хотя бы почувствовать, что сестра ощущает сейчас.

– Как же я расстанусь с тобой, Танюша?! – прервала вдруг свой рассказ сестра, еле сдерживаясь, чтобы не броситься в объятия Тани и не открыть душу. Но, зная, что та не выносит подобных изъятий, лишь добавила: – Какие мы с тобой разные, Танюша, но как я тебя люблю, родная!

– Галина! – с мольбой в голосе произнесла Таня, называя сестру по имени, как уже давно не делала, наверное, со времени смерти матери. – Галина, сестра, не рви сердце, ты же знаешь, сильные чувства мне противопоказаны – медицина запрещает. Или ты забыла? – Таня улыбнулась, пытаясь смягчить впечатление от своих слов, хотя сказаны они были и так сердечно.

Галине стало не по себе. Ведь сейчас она вынужденно обрекала её на эти сильные чувства и выжидала удобного момента.

– Нет, милая, не забыла. Какая ты сегодня красивая в этом платье, как идёт тебе этот цвет! – Галина помнила, что это последний мамин подарок Тане, и оттого ей самой было приятно видеть её в этом платье. В ответ Таня улыбнулась. – Прощу тебя, не забывай себя, помни нас, помни Господа нашего Животворящего, милая. Не забывай взывать к Нему из глубины души, Господь поможет, и у тебя всё будет хорошо, ведь всё в Его руках.

Последние слова сестра произнесла, как показалось Тане, подражая местному священнику, и Таня попыталась представить его себе, основываясь на рассказах сестры и собственном воображении. Вырисовывалось нечто рослое, сухое, бородатое и непременно с большим носом.

**Шухрат
БАТЫРОВ**

Родился в 1961 г. в Самаркандской области. Окончил Ташкентский институт народного хозяйства (ныне ТГЭУ). Работал экономистом на Ташкентском моторном заводе, Навоийском заводе «Узбекэлектрремонт», ведущим преподавателем Навоийского промышленного техникума. Награжден медалью «Шухрат». Живет в г. Акташе. В «Звезде Востока» публикуется впервые.

Из глубин души... Глубина... Таня невольно удивилась. Да, у неё теперь будет своя глубина, точнее, глубинка. Русская глубинка. В самом центре России, в небольшом городке, где муж работает на спичечной фабрике и где её ждут в местной школе, предлагая хорошие условия. В общем, это было не так уж далеко от мест, откуда они были родом, но Таня никогда этих мест не знала. А пока она сидит здесь, и ей кажутся бессмысленными все попытки цепляться за жизнь, которую годами любовно и бережно строишь, облагораживаешь, вращаешь в неё, и всё вдруг почему-то рушится, ускользает, сводится к нелепым попыткам по обмену родины, виз, прописок, чеков, частных и общих декораций... Кто испытал эту неумолимую необходимость, знает настоящую цену всего этого.

– Что-то не видно ребят, – задумчиво произнесла Таня. – Они, что, за опилками в тайгу ушли или ещё дальше? Этот контейнер стоит на глазах вот уже почти целый день – неудобно перед соседями, хотя как будто и всё равно уже. Да и Ира устала сторожить этот проклятый железнодорожный сундук. К чаю её позвать, что ли, сестра?

Проклятый коричневый пятитонный контейнер громоздился у подъезда, всем своим видом словно вопрошая, хорошо ли он вписался в это узкое пространство? Оба его нижних угла были ободранными, и кто-то на месте отшелушившейся заводской краски небрежно мазнул пару раз суриком, чтобы замазать плешь, но она готова была в любой момент открыться вновь. В контейнер было уложено всё или почти всё, что окружало Таню долгие годы. И теперь он, казалось, проглотил Танино прошлое и медленно переваривает свою добычу, пока все чего-то ждут.

Возле контейнера на скамейке сидела рыжеволосая девушка Ира, чуточку полная, но в целом довольно милая. Вблизи оказалось, что у неё живое симпатичное лицо, изумительно выразительные карие глаза, говорящие о любви к жизни. Тут же, на скамьях, размещалась целая оранжерея комнатных цветов, опекаемых раньше матерью Тани, теперь же, после её смерти, заботу о них делили между собой сёстры. Цветы должны были найти новое пристанище у Галины. Меж цветами лениво-надменно прохаживался, знакомясь с новыми соседями, кот Маркиз, вечная забота и отрада Галины. Время от времени кот льнул к девушке, прося очередной дозы ласки и, получив её, тут же укладывался на её коленях.

Всем сегодня как будто заведовала Галина, и Таня старалась не вмешиваться, чтобы «не напрягаться и поберечь нервы», как выразилась сестра, обещая ей устроить всё вместе с Сашей, младшим братом Тани. Саша же и сын Тани Витя пошли раздобыть немного опилок, с помощью которых они решили надёжно упаковать Танин сервиз, подаренный в день свадьбы родителями.

– Не волнуйся, Танюша, – отвечала Галина на вопрос Тани о долгом отсутствии детей, стараясь держаться как можно уверенней, – ребята у нас толковые, дельные. Непременно найдут и будут вовремя, – она порывисто встала и в который раз за этот день заварила чай, возмешая пропущенный из-за раннего богослужения завтрак. – Всё уложим и отправим твои вещи как надо. А вслед за ними скоро поедешь и сама. У меня просто сердце не на месте, как представляю наше расставание...

После смерти матери Таня ещё больше привязалась к простодушной и говорливой старшей сестре. И теперь ей казалось, что она теряет мать во второй раз. Несмотря на предложение Тани поехать вместе, Галина отказалась; Таня хотела оставить ей свою более просторную квартиру – снова отказ: доживать деньки Галина решила в своем домишке в черте города, несмотря на регулярные перебои с электричеством, газом и водой. В конце концов Таня опустила руки. «Не совсем же одна она остаётся: брат Саша живёт здесь с семьёй. В случае чего, не оставит её без помощи», – успокаивала себя она.

– Ты права, сестра, – проговорила Таня, продолжая прерванный разговор, – ребята у нас дельные. Хотя я и не боюсь за Витю, когда он с Сашей, но почему-то мне неспокойно сегодня, как будто я что-то забыла, пропустила. Как будто уже никогда мне не будет спокойно, – Таня пристально посмотрела на сестру. – Понимаешь, Галина, я... я не могу его понять... Вот скажи, Витя тебе ничего не говорил, а?

– Господь с тобой, Танюша, что ты всё волнуешься? – поспешила успокоить её Галина, улизнув в очередной раз от прямого ответа и давая тем самым себе отсрочку ещё раз. Таня продолжила:

– Витю я знаю, как может знать своего сына мать, и вижу, что он не такой, как прежде: что-то скрывает от меня, а другие будто помогают ему в этом. Вот и сегодня недаром пропадает. Не хочет он ехать со мной, сестра, не хочет. Думаю, не сумела втолковать ему, что необходимо быть вместе. Понимая многое, он всё же ещё не осознаёт, что ему надо быть со мной. Словно силой его увожу. Что из этого выйдет? Не станет ли он когда-нибудь упрекать меня, если его жизнь там не сложится? Но разве можно оставить его здесь одного в таком возрасте? Пропадёт же! Он настолько самостоятелен, что мне бывает страшно. Ну что ты молчишь? Тебе он ничего не говорил?

Казалось, настало время открыться наконец и выложить всё, о чём Галина знала и молчала. Но на подоконнике красноречиво стоял флакон валокордина, и она не сумела признаться в семейном заговоре, главную роль в котором выпало играть ей. Она знала, что все ждут её сигнала, что и дети – Витя и Ира, и брат Саша сидят в контейнере, и ни за какими опилками они не уходили, поскольку опилки принесла с соседней стройки она сама. Так и не отважившись открыться, она изменила направление разговора.

– Сынок твой хозяйственный стал: он у меня на прошлой неделе и в сарае, и в доме, и в огороде столько переделал – никакой мастер не нужен! Хоть деньги плати!

– Это он в отца такой хозяйственный. Тот тоже всё умел, всему подъезду помогал...

– А теперь он у Саши учеником. Вот и пропадает с ним где-то. Всем готов помогать. Соседу вон моему стремянку сделал, так он...

– Он готов помогать всему свету, – перебила Галину Таня, – такой уж он. А мне кто поможет, сестра? В иные дни сижу одна-одинёшенька. Ладно, хоть мои из школы забегают. Да Тамара Фёдоровна заходит, спасибо ей. А своего сына я вижу реже почтальона. Чую, и сегодня он удрал, чтобы не видеться со мной. И Ира необычно странно себя ведёт: поздороваться как следует со мной не может, в глаза не смотрит... Битый час вот глядела на неё из окна, и чем больше глядела – тем меньше узнавала её. Ведь она мне как дочь родная. А что-то не так...

На самом деле «странное» поведение близких было вполне объяснимо: три недели назад Таня пережила микроинфаркт, скорая увезла её прямо из школы. Мелкие приступы сердечной ишемии случались и раньше, но серьёзных последствий не было. Ухаживали за ней то Галина, то Ира, то даже мать Иры, добрая соседка по прежнему адресу и друг семьи. Участковый врач, посоветовавшись с кардиологом, рекомендовал Тане отменить отъезд, о котором знало, пожалуй, полгорода: как-никак лучший в городе учитель химии. Но Таня лишь сменила поезд на самолёт. Билеты ходил оформлять Саша. Тогда же, после долгих совещаний и колебаний, он вступил-таки в сговор с остальными и билет купил только для Тани, для Вити же во избежание подозрений состряпал поддельный билет на самолёт, заплатив своему знакомому в аэропорту. Поглощённая выпускными экзаменами и своим больным сердцем, Таня не стала ничего проверять, просто отложила билеты, уточнив дату.

– Послушай, Таня, – постаралась сказать как можно мягче Галина, – может, не хочет он ехать к отцу, ведь всё же они давно не виделись. – Галина понимала, что говорит совсем не то и совсем не так.

Таня как будто ждала этого и с плохо сдерживаемым раздражением произнесла:

– И это говоришь ты? При чём здесь «давно»? Он отец ему! Звонит нам, скучает, к себе зовёт, деньги вот прислал на дорогу, контейнер оплатил. Разве не так? Договорился там о работе, учёбе... Нельзя же быть неблагодарными! Да ты просто не можешь его простить за то, что нас оставил, женился там. Ну не сложилось у него! И слава Богу! Ты просто не любишь его, не так ли? Если хочешь знать, я всегда только его любила! И я не могу, как ты, любить одного только Бога. Я человек! Как же ты не можешь понять: он же мыкался, мы вместе мыкались. И дома как будто всё есть, но всё-таки не хватает чего-то, что придаёт смысл жизни, что ли... Он спился бы. Я сама тогда посоветовала ему ехать. И это спасло его, – выпалила Таня на одном дыхании, едва не задохнувшись от горечи. Затем, уже сникнув, добавила: – Ты должна понять и простить нас, сестра. А иначе я не смогу понять твоего верования (она чуть было не сказала «твоего Господа Бога», но испугалась своего безотчётного гнева на всё и вся). Затем тихонько заплакала, совсем беззвучно, опустив голову и спрятав лицо. Галина бросилась к ней.

Галина крепко держала голову сестры в своих руках, шершавые ладони гладили волосы Тани у висков, простой дачный запах от её одежды напомнил Тане родной запах матери.

Дав сестре успокоительных капель, Галина медленно, по-матерински, словно убаюкивая, рассказывала о счастливых днях их детства, юности, молодости, о родителях и друзьях.

Она так и не выпустила Таню из рук, пока не рассказала о своих переживаниях и переживаниях детей за последний месяц, когда узнала, что Витя и Ира, сдав тайком документы в старый техникум, в котором учились ещё Таня с мужем, успешно сдали вступительные экзамены. Витя твёрдо решил остаться, закончить учёбу и жить у них вместе с Ирой. Что дети намерены... пожениться, потому что... Ира уже в положении... И что Галина и Саша берут молодую пару под надёжное крыло, так что Тане не надо волноваться за детей. Жить будут они у них, мать Иры всё знает и готова на всё, только бы Таня не возражала. И хорошо бы Тане простить детей ради Бога, ради святых.

Находясь под действием валокордина, чуть живая от усталости и неизвестности и словно погруженная в тягостный сон, Таня слушала, убаюканная материнским запахом сестры. Был момент, когда она чуть не сорвалась, чтобы посмотреть в глаза сестры-разлучницы, сказать несколько слов, как она умела, чтобы сестра навсегда запомнила, но ей почему-то стало мучительно и совестно одновременно, ноги внезапно ослабли, и она только заплакала в голос.

Галина уложила её на походное одеяло прямо на полу. Позвала детей. Когда те пришли, то нашли её лежащей на полу с закрытыми глазами и не решились потревожить.

Своя туман Таня слышала, как они вполголоса переговариваются. Затем всё стихло, и она уснула коротким, но спасительным сном.

Вскоре приехали за контейнером. Опечатали. Но тут выяснилось, что нет кота Маркиза. Второпях контейнер опечатали вместе с котом. Недовольно бурча, водитель открыл контейнер, и кота, всего в опилках (что вызвало дружный смех), вызволили. Услышав смех, вышла и Таня. Все гурьбой бросились к ней. Оказавшись в объятиях, она чуть не упала от слабости. Снова засмеялись и обнялись. Попросив водителя подождать, Таня сказала Саше, чтобы он достал из контейнера подарочный сервиз: решила оставить его детям на память. Спустя некоторое время машина с контейнером уехала, а на ней и Галина с цветами. Саша отправился с ней помогать. Витя проводил Иру и вернулся домой один, ожидая скрепя сердце продолжения разговора. Но Таню он застал закрывшейся у себя в комнате. Она тихо плакала, держа в руке старое фото, на котором она была с мамой. Снимок был сделан вскоре после её поступления в техникум, когда она впервые пришла домой с сыном под сердцем, чтобы обо всём рассказать маме.

ПОЭЗИЯ

Петербургские сны

Безликость дней сближалась с мимолетством,
Морозный сумрак растворял вдали
Глухие арки, шпиди мореходства,
К которым не спешили корабли.

Плащей шуршащих встречное скольженье
Теснило Невский серую волной,
Холодных бликов лунное свеченье
Хрустело льдинкой под слепой ногой.

Оград чугунных стылое стоянье,
Морозный пар полустывших рек,
Ветров промозглых жесткое дыханье
Выдавливало слезы из-под век.

Я знал о том, что сбросить невозможно
Из сердца все, что виделось тогда,
Что слышалось туманно и тревожно,
Что сумраком коснулось навсегда.

Но знал и то, что этот тусклый вечер
В его свинцово-серых пеленах,
И этот мрак, и этот острый ветер
Уводят к бесконечному впотьмах.

Что в ночь иды, как к самой высшей точке,
И мрак вдохнув в озябшее нутро,
Я не останусь затвердевшей почвой,
Я не останусь тем, чем был той ночью,
Что выбью тромб и растоплю сугроб.

Что вняв настолько холоду и мраку,
Познав настолько полюс мерзлоты,
Я обращусь к иному – к тайным знакам
Рассвета,

что забрезжил алым маком
В безбрежии небесной пустоты.

Николай ИЛЬИН

Поэт, литературовед, переводчик. Окончил ТашГУ (ныне НУУз). Доцент, автор множества научных публикаций, поэтических сборников: «Первая тетрадь», «По клавишам души», «На кочевьях времен», «Обетованная память», «По стопам листопада».

Ночное окно

Столпы Казанского собора...
И площадь перед ним видна.
Ночных прохожих разговоры,
Движенья дальнего волна.

Опять бессонница проспекта,
Привычный ритм, знакомый слог:
Ночь. Улица. Фонарь. Аптека.
Негаснущая лампа, –

Блок!

На краюшке ночных времен,
Где все казалось столь серьезным,
Я бросился спасать мой сон,
Но оказалось слишком поздно:

В словах запутался суфлер,
Включило свет дневное «рацио»,
Кричал «Не верю!» режиссер –
И я очнулся, как актер
Среди фальшивых декораций.

*Тихими, тяжелыми шагами
В дом вступает командор...
А. Блок «Шаги командора»*

Полночный час. Глухие стены.
Оконных рам угрюмый створ.
Звенящей тишины минор.
Холодный неприют постели.

Вновь безысходность старой темы
И самому себе укор,
И с прошлым вечный разговор –
Загадки старой теоремы,
И чей-то неотступный взор...

Что ждать?

Я сам приближусь к тени:
«О дай мне руку, командор!»

Под утро сон так властно и упруго
Меня держал, как будто бы рукой:
Я словно шел из замкнутого круга
К свободе за незримую чертой.

Я шел на ошупь, вытянувши руки,
Боясь не обнаружить выход свой.
Моих шагов чуть слышимые ступи
Немедля зарастали тишиной.

Я ждал тепла, каких-то вспышек света,
Открытых настежь окон и дверей,
Но все молчало, не было ответа,
Все как всегда: опять, сейчас, теперь!

Зачем же плач и сожаленья друга,
И этот сон о том, что я живой? –
Я не проснулся от земного звука –
И Санчо Панса плакал надо мной.

Страшнее смерти пустота
И суета скольженья мимо,
Где сокрушается мечта
Небытием неотвратимо.

Так властно страшное ничто
И несвершаемость событий,
К нулю сведенное число
Преодолений силы быта.

Как вызвать бурю средь листвы,
Как ветер кликнуть на подмогу?
Какие жертвы принести
В ничто ввергающему Богу?

Уж лучше виснуть на кресте,
Уж лучше сдохнуть или спянуть,
Чем сознавать свое изъятье,
Чем это горькое распятые –
Быть пригвожденным к пустоте!

философия искусства

КРАСКИ НОВОГО МИРА

Эссе

В ПОИСКАХ ИДЕАЛЬНОГО ГРАДА

...В этом старом, типичном для Ташкента, дворике как будто всё создано для неспешной, рассудительной беседы с умными собеседниками, которые, как и ты, никуда не торопятся, знают цену слову и доброй пиале чая. Это истинный сад отдохновения, который не скукоживается от окружения железобетонных жилых монстров. Только деревья вокруг, красочные кустарники с цветами среди камней, журчание воды в импровизированном роднике, напоминающем мне источник у горного кишлака Она-Зиарат в Кашкадарьинской области Узбекистана.

Этот рукотворный микро-Эдем создан семьей Тиора. Удивительно творческая собралась в этот день компания. Изумительная художница Любовь Тиора хлопочет с пучками свежей зелени и разбирает стопку лепёшек; фантастически талантливый художник Хикмат Джалилов священнодействует у раскалённого котла; музыкант и искусствовед Юрий Тиора пытается унять завораживающий звон разнокалиберных «вместилищ соков земных и солнечных», и я, пилигрим-созерцатель, теребя бархатистую короткую шерсть большушей псины с физиономией философа, с самозабвенным упоением наслаждаюсь окружающей меня красотой, но не бездельничаю, как может кто-то подумать. Нет. Я слушаю завораживающие звуки саксофона из какой-то проникновенной композиции, которыми потчевал юный Михаил Тиора, чем-то напоминавший мне совсем молодого джазиста Гилёва.

В предвкушении праздничного плова, добрых застольных слов откуда-то выше ко мне спустились в сознание строки великого философа Востока – любимого мной Омара Хайяма:

...Пока с тобой весна, здоровье
и любовь,
Пусть нам дадут вина –
багряной грозди кровь.
Ведь ты не золото! Тебя,
глупец беспечный,
Однажды закопав, не откопают
вновь...

Сегодня можно пока ещё вот так спокойно в кругу друзей поговорить об «Идеальном Граде» и о выработке и реализации в XXI веке эффективной модели мировых взаимоотношений.

Кто, как не художник, чувствует происходящее особенно остро? В модели (воплощённой в «Идеальном Граде», о котором

Владимир
КАРАСЕВ

Родился в 1949 г. в Ташкенте. Окончил факультет журналистики Ленинградского университета, исторический факультет ТашГУ (ныне НУУз). Искусствовед, историк, автор многочисленных статей о современной живописи.

мы говорим сейчас) будет сконцентрировано и практически применено «идейно-духовное конструирование основ справедливого мироустройства в XXI веке и глобальная трансформация мирового порядка».

Разве эта идея нова? Вот мы обсуждаем сейчас серию живописных работ (более двадцати полотен, посвященных этой злободневной теме – созданию G-GLOBAL – «Великого Мира»), которые ташкентская художница Любовь Тиора показала в преддверии наступающего Навруза – Нового Дня, времени обновления планетарного (можно сказать – космического) характера. Времени, когда человечество старается найти Откровение, в котором заключено реальное, а не эфемерное представление о Новом Мире. Идею Тиора воплотить в картинах виденье «Идеального Града» поддержал и художник Хикмат Джалилов, изобразив иное представление о том самом идеальном Мире, основанном на системных концепциях лучших гуманистических умов человечества, среди которых аль-Фараби, Абу-Али Ибн-Сино, Платон, Ибн-Рушд, Кампанелла, Фурье, Кабе, Мор и другие. Модель, которая базировалась бы на ключевых принципиальных структурах «Идеального Града» из Авесты, Ветхого Завета, Корана, Дао-Дэ-Цзина и иных выдающихся духовных руководствах человечества.

...Идея «Идеального Града» как основополагающая база создания «Великого Мира» в расширении понятия, согласно которому, достижение счастья как цели человеческого существования возможно только при условии реализации в социуме (проще говоря – в народе) принципов космической гармонии, что воплощено в полотнах моих друзей Хикмата Джалилова и Любви Тиора. Подобными идеальными общественными образованиями и становились Добродетельный Град аль-Фараби, Духовный Град (аль-Мадина ар-Руханийя) Чистых Братьев, Справедливый Град (аль-Мадина аль-Камиля) Ибн-Баджи, добродетельный Град (аль-Мадина аль-Фадилля) Ибн-Рушда.

Разумеется, эти философы, провозглашавшие построение Идеальных Градов, достаточно точно представляли проблемы современного им общества. Так «философ арабов» аль-Кинди провёл жизнь при дворах халифов аль-Ма'муна и аль-Мутасима. Ученик аль-Кинди Ахмад Ибн-ат-Тайиб (ум. в 896 г.) был учителем халифа аль-Мутаиды, а позже – его доверенным лицом и советником. Аль-Фараби был приближён ко двору халебского султана Сайф-ад-Дауля. В качестве визиря и советника султанов Шамс-ад-Дауля и Аля-ад-Дауля пробовал себя Ибн-Сина. Ибн-Баджа был визирем альморавидского наместника Гранады и Сарагосы. Абу-Бакр Ибн-Туфейль (ок. 1110–1184 гг.) был секретарём при наместнике Гранады, а в дальнейшем – личным врачом и советником альмохадского халифа Абу-Якуба Юсуфа. На этом посту его сменил Ибн-Рушд (Аверроэс) (1126–1198 гг.), который к тому же занимал в последующем должность кадия (судьи) Севильи и Кордовы.¹

Правда, арабо-исламские философы никогда не ассимилировались с правящим классом, о чём свидетельствуют нередкие переходы к положению опального изгнанника. Например, Ибн-Сина был вынужден значительную часть своей жизни скрываться от преследований Махмуда Газневида, а также военачальников Шамс-ад-Дауда, требовавших его казни. Ибн-Баджа в конце жизни был, как сообщают письменные источники, отравлен. Ибн-Рушд был проклят, его труды сожжены, а сам он сослан...

...Два художника объединились в творческом содружестве для достижения совершенно необычайного эффекта – просвещения через Красоту, откровения через Духовность, совершенствования через Познание! Свобода творческого интеллектуала, свобода каждого в осмыслении сущности Бытия и строительства Нового мира – не это ли смыслы Жизни?

Процессы «озвучивания» идей создания идеального общества на примере хотя бы одного Града происходили с разным успехом и в разное время во всем мире.

Полотна, о которых мы сегодня говорим в этом саду, создавались художниками

в каком-то самозабвенном порыве, на одном дыхании. Такое случается только тогда, когда на творческую натуру нисходит Откровение. Не каждому художнику выпадает в жизни счастье столкнуться с таким явлением, когда руки начинают дрожать в нетерпении, краска не поспевает за движением кисти, а мысль уже на каком-то автомате воплощает образы. И неважно, висит или лежит полотно перед художником, потёки живительной краски как будто питают материализацию эмоционального нисхождения. Ирреальное становится реальным.

Вот и полотно-мандала «Движение во Времени» Хикмата Джалилова, как мне думается, восходит к временам средневековой истории Средней Азии, где, как известно, особое место принадлежало династии Саманидов, многочисленные представители которой в течение IX – X вв. правили в столичной Бухаре и других городах и областях Хорасана и Мавераннахра.

Основатель династии Саман-Худат впервые возник на политической сцене Центральной Азии в первой четверти VIII в., когда прибыл из Балха в Мерв к арабскому наместнику Хорасана Асаду ибн Абд Аллаху аль-Кушайри с просьбой оказать помощь в борьбе с врагами. Получив искомую помощь, Саман-худат принял ислам и назвал своего сына Асадом в знак лояльности к покровителю. Позднее со своим сыном он принимал участие в движении Абу Муслима в Хорасане, а уже потом его сын Асад служил при дворе халифа аль-Ма'муна во время его пребывания в Мерве. Внуки Саман-худата, сыновья Асада – Нух, Ахмад, Йахья и Ильяс – принимали участие в подавлении восстания под руководством Рафи ибн аль-Лайса (190 – 195/806 – 810 гг.). За все эти заслуги аль-Ма'мун в 204/819 г. назначил их наместниками в городах Мавераннахра: Нуха – в Самарканде, Ахмада – в Фергане, Йахью – в Шаше и Уструшане, а Ильяса – в Герате.

Исторические факты указывают на то, что Саманиды хранили память о буддийско-манихейском прошлом своих предков и с симпатией относились как к буддизму, так и к зороастризму. Серебряные дирхемы, выпускавшиеся Саманидами в 300 – 351/912 – 962 гг. в районе Кабула и Газны, содержат изображение быка и всадника (Av), а также индийские надписи на *кхарошти* (Rv), которые читаются как «во имя (бога) Sri Khudavayaka». Другой тип этих монет содержит изображение быка, сидящего бога Sri Khudavayaka (Av) и всадника (Rv).

В музее Института археологии АН Республики Узбекистан в Самарканде хранится медный фельс, чеканенный в 359/969-70 г. в Фергане от имени Саманида аль-Мансура ибн Нуха и его сына Ахмада ибн аль-Мансура саманидским наместником Кылыч аль-Хаджибом Ахмадом ибн Али. На лицевой стороне этого фельса имеется изображение классической буддийской мандалы (8-лепестковая розетка, вписанная в круг, затем в квадрат и еще один круг), являющейся символом Солнца и Космоса, принятым в северных школах буддизма, таких как Махаяна, Ваджраяна и Тантризм, широко распространенных в средние века в Китае, Тибете, Центральной Азии и Восточном Туркестане. Классическая мандала (санскрит. *mandala*) с 8-лепестковой розеткой в середине являлась также символом Будды, и ее возникновение приходится на VIII – IX вв., т. е. период формирования буддийской школы Тантризма.

Еще одним памятником, указывающим на связи Саманидов с буддизмом, являются символы, изображенные на внешних стенах мавзолея Саманидов в Бухаре. Эти символы представляют собой сложную геометрическую композицию, состоящую из встроженных друг в друга квадратов и круга в середине, и олицетворяет *космограмму* уменьшающейся и увеличивающейся Вселенной. Точно такие символы изображены в настенных росписях с сюжетными изображениями буддийских преданий в пещерном комплексе Дуньхуан, который был одним из крупнейших буддийских культовых центров Центральной и Восточной Азии эпохи раннего средневековья.

Планировочная структура самого здания мавзолея Саманидов в Бухаре, которая представляет собой кубический объем, увенчанный полушаром (куполом) и имеющий центрическую композицию – 4 входа с совершенно одинаковыми фасадами.

¹ Фролова Е. А. Проблемы веры и знания в арабской философии. – М., 1985. С. 34.

Архитектурный образ его является воплощением космограммы: Квадрат – Круг.

При одном из последних саманидских эмиров Нухе Ибн-Мансуре ар-Риде (правил в 365 – 387/976 – 997 гг.), который был вторым сыном и наследником вышеупомянутого Мансура Ибн-Нуха, известный саманидский сановник Амид ад-Даула Фа'ик аль-Хасса выпустил в 368/978-79 г. в Балхе медный фельс, на лицевой стороне которого в поле изображена шестиконечная звезда – гексаграмма, составленная из двух противоположных треугольников в сочетании с арабскими письменами. Шестиконечная звезда, вписанная в круг, изображена также на резных панелях из дворца Саманидов на городище Афрасиаб.

Шестиконечная звезда (гексаграмма), известная также как «печать Соломона» или «звезда Давида», широко использовалась в средние века в иудаизме, христианстве и исламе. Происхождение гексаграммы связывается с буддизмом и Индией, где этот символ впервые был зафиксирован задолго до нашей эры. Здесь она является символом классической мандалы, олицетворяющей бога Нару-Нарайану. Углы верхнего и нижнего треугольников, составляющих гексаграмму, олицетворяют шесть лиц бога Шивы и бога Шакти. Можно без всякого сомнения предположить, что этот символ был заимствован религиями Ближнего Востока именно из Индии, где он имел более глубокие корни. Изображения шестиконечных звезд встречаются во фрагментах резного ганча из парадного зала дворца правителей Термеза, относящегося к VII – VIII вв. н. э.

На другом фельсе, выпущенном Фа'иком аль-Хасса в 368/978-79 г. в Балхе, в поле изображена пятиконечная звезда – пентаграмма, построенная из пересекающихся линий. Пятиконечная звезда (пентаграмма) с глубокой древности использовалась различными народами и была, пожалуй, самым распространенным магическим символом. В учении Таоизма она символизирует пять элементов восточной космологии: дерево, металл, землю, огонь и воду.

Хикмат Джалилов только изображает знак мандалы в виде колеса Времени, от оси которого в пространство устремлены двенадцать спиц, к коим и крепится весь круговорот Зодиака. Две птицы солнечного божества будто сами вращают колесо Времени и, прикрывая его собой, оберегают от вселенских невзгод. Сдержанная цветовая гамма только подчёркивает ирреальность изображаемого. Движение по кругу наиболее полно выражало идею жизненного круговорота. Вероятно, поэтому оно было сакрализовано и являлось основным видом движения в ритуале.

Находки отдельных колес в погребениях народов индоиранского пространства позволяют уверенно предположить, что символ колеса имел самостоятельное значение в заупокойном ритуале. В индоиранских источниках (в «Ригведе») содержится знаменитый «Гимн-загадка», который представляет собой собрание так называемых брахмодья (brahmodya) – аллегорий и загадок о происхождении Вселенной, о Времени, о Богах, о человеческой жизни. Учёные-исследователи древних религиозных представлений Т. Я. Елизаренкова и В. Н. Топоров считают, что brahmodya по своему происхождению связаны с ритуалами, приуроченными к стыку старого и нового годов, началу нового солнечного цикла и т. д. В этом гимне содержится ряд загадок о времени как о годе, причем год загадывается через образ колеса: «О двенадцати спицах – ведь оно не изнашивается! – Вращается колесо Закона по небу. На нём, о, Агни, парами сыновья стоят, семь сотен и двадцать». В примечании к гимну сказано, что в виде колеса изображается год с двенадцатью месяцами и 720 днями и ночами.¹ О пятиноглом, двенадцатичастном говорят: «На этом вращающемся по кругу колесе о пяти спицах пребывают все существа» – здесь продолжается изображение года, так как индийский год состоит из пяти сезонов.² Особенно выразительна одна из загадок: «Косяков двенадцать, колесо одно, три ступицы – кто же это постигнет? В нем укреплены вместе колышки, словно триста шестьдесят

¹ РВ, I, 646, 11.

² РВ, I, 164, 12-13.

подвижных и (одновременно) неподвижных».¹ Здесь подразумевается год в виде колеса с 12 месяцами, тремя двойными временами года и 360 днями.²

Колесо активно использовалось в древнеиндийских ритуалах, связанных с переходом к новому временному циклу. Обряд обновления царской власти, ваджапея, представлял собой воинский ритуал с состязаниями, гонками на колесницах и т. п. Центральной процедурой ритуала было восхождение царя по ступенькам на жертвенный столп-юпа. Рукой он должен был коснуться его наверху в форме колеса и провозгласить: «Мы достигли неба», а поднявшись еще выше, сказать: «Мы стали бессмертными». Жрецы, стоящие на земле с четырех сторон вокруг столпа, подавали ему на длинных шестах мешочки с пищей. Этот обряд должен был обеспечить поданным благоденствие в течение следующего временного цикла.

В нартовском эпосе осетин одним из центральных образов выступает Колесо Бальсага – одушевленное орудие, наделенное речью и разумом, которое имеет отношение ко дню летнего солнцестояния. Скатившись с неба на землю, это колесо перерезало ноги герою Сослану. По одной из версий мифа оно было помещено в могилу Сослана: одна половина была установлена в ногах, другая – в изголовье.

Таким образом, колесо в ритуале могло символизировать годовое круговое движение солнца, круговращение времени, круговорот жизни и смерти. Колесо в погребальном обряде, вероятно, выступало символом обновления жизни: «Колесо вместе с ободом вращается, нестарееющее».³ Для периода мифологического мышления с его циклическим восприятием времени характерны представления о том, что жизнь человека, Вселенной движется по замкнутому кругу, только пройдя свой путь до конца (до смерти), можно достигнуть начала (возрождения).

В период раннего железного века в погребальном обряде индоиранского населения представления, связанные с круговым движением, получили дальнейшее развитие. В кургане сарматской эпохи из урочища Соколовская балка около квадратной погребальной ямы были обнаружены два колеса большого диаметра от двухколесной повозки. Яма погребения была перекрыта деревянными тонкими плахами, по видимому, частями кузова повозки. На слое выкида из ямы (материковой глине) тщательная расчистка позволила выявить части колеи, оставленной колесами повозки, и следы лошадиных копыт. Полевые наблюдения позволили прийти к выводу о том, что повозка, запряженная лошадьми, совершила вокруг погребальной камеры полный круг.

Любовь Тиора, подхватив эту тему, предложенную уже Хикматом, изображает мандалу с двумя жрицами, стоящими по обеим сторонам сакрального знака. И в этом полотне я тоже увидел соответствие историческим аналогам из археологических памятников. Так, на панелях из дворца Саманидов на городище Афрасиаб изображены 4-х, 6- и 8-лепестковые розетки, вписанные в круг или восьмиугольник. В орнаменте панелей этого дворца встречается также изображение восьмиконечной звезды в форме цветка, вписанного в круг. Изображения таких же розеток, многоугольников и звезд обнаружены в декоре стены западной пещеры буддийского комплекса Каратапа в Старом Термезе (I в. н. э.) и во фрагментах резного ганча из парадного зала дворца правителей Термеза VII – VIII вв. н. э.

Но в своём полотне «Мандала "Время Единое"» Тиора использует более насыщенные цвета, как бы играя на контрастах. И у обоих художников Вселенная бесконечна. Но вот откуда приходит эта идея обращения в такой знаковой системе к далёкому и многим совершенно незнакомому наследию? Что им подсказывало, как и какими средствами надо передать свое представление об Идеальном Граде?

В беседе с художниками выясняется, что не было каких-то твёрдых установок. И всё, о чём мы говорим сегодня с ними, было как бы внове; что-то неведомое подсказывало

¹ РВ, I, 164, 48.

² РВ, I, 649, 48.

³ РВ, I, 164, 14.

то или иное решение изобразительного пространства. Однако это Нечто как будто бы присутствовало постоянно. Ответ можно определить в некоторой степени, если взглянуть на картину из этого опозитизированного цикла Джалилова «Вселенское согласие». Это полотно стало истинным торжеством живописности в цикле, над которым трудился художник.

Автор пишет на картине, как над планетой в поднебесье (но в разных сферах) летят два чудесных белоснежных ангела. И если художник нашёл именно такой способ изображения ниспосланного ему Откровения, то у меня несколько иное объяснение этого состояния. С природой исторического совпадения более или менее понятно, если учитывать генетическую память человека. Используя жанр *романтического символизма* с изрядной технической долей *импрессионизма* (а только так можно было передать эфемерность состояния, к которому стремится художник), Хикмат Джалилов стремится превратить свою философскую живопись в «прикладную» науку, но прикладную не в обычном, утилитарном, а в космическом понимании.

Эти картины не что иное, как материализация мысли. Точнее, способ передачи её изначального, базисного состояния.

Вероятнее всего, Джалилова беспокоит вопрос, как сделать нашу ничтожно малую в бесконечном мироздании планету более пригодной для человеческого житья? Как психологически охватить пугающие пространства макрокосмоса? Как совместить конечность и бесконечность индивидуального бытия с бесконечностью общечеловеческого Идеала? И, чтобы ответить на эти вопросы, Хикмат берёт в руки кисть. Нечто Непознаваемое, сверхчувственное ведёт его мысль, его абстрагированное восприятие макрокосмоса диктует сюжет.

Перед нами произведение творческого интеллекта, как бы рвущегося за жёсткие рамки уготованного ему судьбой хронологического отрезка времени, преодолевающего противоречие между конечностью отдельного человека и всего человечества, с одной стороны, и бесконечностью разума как атрибута материи – с другой. В этом, на мой взгляд, основное значение этой работы.

ОЗАРЕНИЕ НЕПОЗНАВАЕМЫМ

...Неторопливая беседа в саду только-только стала приоткрывать понимание смыслов. Шебет по-весеннему громкоголосых птиц как бы направлял и подсказывал движение мысли.

...Вне всякого сомнения, новые картины ташкентской художницы Любви Тиора, запоминаемы, потому что они подчас парадоксально неожиданны. Они, как грёзы из раннего детства, абсолютно узнаваемы и тем самым кажутся душевно с нами сроднившимися. Почему и откуда рождаются эти ощущения? Не потому ли, что в сознании каждого человека заложен нераспознаваемый пока существенный код? Ведь иногда в ночной тишине или на пространствах благостной природы вдруг возникает у людей чувство чего-то незавершённого, чего-то невыполненного, недосказанного.

Когда я начинаю говорить об этом моим друзьям – эскулапам психологии, те с хохотом сразу ставят диагноз: «Синдром тревожного беспокойства!» Вот «умники!» Потом, правда, каждый из них в отдельности сознается, что нечто подобное они сами частенько переживают. Всё это оттого, что сегодня окружающий мир стал неожиданно огромным для одного человека и существенно небольшим для всего человечества.

...В пик системного кризиса начала XXI века можно, конечно, если захотеть, осуществить воплощение искомого образа нового целостного мироустройства, в основе которого будет находиться интеграционное мировоззрение «Великий Мир» как практически действующий и созидающий объект единства человечества. В этом мире будут заложены лучшие эпические произведения национальных культур, жемчужины философской мысли как основы нового миропорядка.

Некоторые художники (не только нашей страны) довольно активно берутся за воплощение тем дастанов, легенд, мифов, древних преданий. Скажу откровенно, часто у них получается совсем неплохо, только вот все эти художественные работы есть плоды прямого цитирования. Ассоциативность либо вообще отсутствует на полотнах, листах, либо опосредованно следует за содержанием. Трудно, невероятно трудно создавать собственную легенду!

Но в полотнах Любви Тиора я вижу Озарение! То самое редкое событие в творчестве каждого художника, которое является непостижимой загадкой для зрителя. Вполне вероятно, что её искания имеют «стародавние» корни – ещё с серии графических работ Любви «Космические легенды Востока». Но там художница творила образы одной графической линией! Откуда они, эти сказания, темы, образы, исходили, в те времена оставалось неразгаданным и для самой Любви. Может быть, предчувствия будущих полотен начали складываться в серии «Структурная графика», где работы больше напоминают кубофутуризм в его развившемся образе.

Только невежественному человеку может показаться, будто мудрые идеи возникают сами по себе, выходят из головы человека сотворённые разом, в парадном облачении. Людям собственные мысли представляются оригинальными чаще всего из-за недостатка знаний, иначе они почти всегда могли бы найти сходные идеи в прошлом. Аналогичная ситуация со словами. Пользуясь одним и тем же словарным запасом, можно создавать и литературные шедевры, и многословную чепуху. Да и краски, кисти и холсты практически у всех художников одинаковы. Но как редко мы видим Озарения!

Давно я надеялся, что наконец-то в художественном пространстве Республики объявится художник с истинным видением романтического символизма с обязательными элементами классического сюрреализма.

Картины Тиора – это не игры в футурологию. Это откровение собственного видения сути и смыслов разумного существования, идейно-духовное конструирование основ справедливого мироустройства в XXI веке и глобальная трансформация мирового порядка, которая сегодня так необходима всему(!) человечеству. Условные коды символического характера давно уже разработаны цивилизацией. Понять бы только их!

Вот, например, её полотно «Древо Мира», буквально олицетворяющее всю Вселенную, населённую не эпическими героями, а Великими Учителями человечества: тут и Будда созерцающий, и Заратуштра, возжигающий алтарь Огня, и Индра – «царь богов», а может быть, и «наставник богов» – Брихаспати, и решительный вооружённый защитник буддийской веры – докшит Чойджалом. Но следует помнить, что Древо Мира есть не что иное, как «Древо жизни». В разных этносах это Древо и выглядит по-разному, но вот что существенно: в данном контексте Древо жизни это полюс духовного Знания, это объединяющая субстанция формирования гармоничного мироустройства.

Как бы продолжая эту тему, Любовь пишет картину «Ангелы Древнего мира, или Ангелы Мира», стараясь в сине-голубой гамме с розовыми оттенками передать ирреальность мира, в котором ангелы сохраняют наше, цивилизационное, Древо жизни. А что же сам человек? Художница смотрит на него оптимистично, передавая силуэт человека, который в сохранении Природы, Бытия сам становится ангелом.

Так, например, её полотна «Соединение Миров Тонких, или Ядро Мира» и «Он возвращает надежду, или Источник Мира», в которых художница говорит о глобальной толерантности и доверии, о том, что должно существовать только межэтническое, межрелигиозное и межкультурное взаимоуважение и добрые отношения между государствами – вне зависимости от их геополитического веса и влияния, исторического опыта, уровня экономики. Лучшие здания и храмы, возведённые человечеством, как объединяющая идея, при этом полотна подаются именно в синем или голубом цвете, через который, по мнению художницы, как нельзя объёмнее передаётся пространственность Мира.

Яркие колористические произведения «Хранитель Огня предков, или Книга Мира» и «Встреча Величия и Мудрости, или Мудрость Мира» проработаны в желто-зелёных тонах с радикальными всплесками красного. В таком сочетании эти цвета рожают теплоту. В «Хранителе Огня...» художница показала каменные столпы как древние изваяния балбалов, каменных идолов, в которых заключена душа предков. Они как стражи того первородного огня, которым был опалён миллиарды лет назад каждый из нас, живущих сегодня, а через века души ушедших в Вечность превращаются в скалы, сохраняющие эту теплоту. Каменными скрижалями пишется Книга Мира. Эти вырисовывающиеся образы – те, кто был до нас, это мы с вами и те, кто придёт после нас.

Разумеется, здесь просто невозможно не вспомнить слова Владимира Соловьёва: «...Обладание истиной не может составлять привилегии народа так же, как оно не может быть привилегией отдельной личности. Истина может быть только вселенской, и от народа требуется подвиг служения этой вселенской истине, хотя бы, и даже непременно, с пожертвованием своего национального эгоизма. И народ должен оправдать себя перед вселенской правдой, и народ должен положить душу свою, если хочет спасти её»¹.

За каждым полотном Л. Тиора стоит проблема переосмысления Бытия. Я считаю, что именно Восток дал человечеству все крупнейшие религии мира. Под знамёнами этих религий у громадного количества этносов рождалась идея, способная объединить и сохранить историческую память. Без этого невозможно развитие самосознания любого народа. А какой же это народ без самосознания?

Нет на нашей планете ни одной нации, которая была бы интеллектуально и духовно выше другой, как нет и не должно быть того, чтобы какая-то нация была ниже другой.

Нет в живописных работах Любви Тиора никакого намёка на разочарование обывателя, замороженного потоком околонучных фактов, псевдокультурных ценностей, квазиплодотворных идей или политических лжетеорий, в изобилии поставляемых средствами массовой информации и не только ими. Мир на её полотнах только кажется эфемерным, но на самом деле он реальнее реальности. Работа «Мама, подарь мне крылья» как будто показывает миллионлетний мир, проросший сталактитами и сталагмитами, необыкновенными кристаллами, рождающими крылатых оленей, идеалами древнейших культур Горного Алтая – той страны, откуда и выросла цивилизация Центральной Азии. Одно из древнейших азиатских преданий, услышанных мной на Енисее, гласит, что в незапамятные времена все люди, благородные и гуманные, обладали способностью летать. Стоило только захотеть – и Олениха-Мать одаривала этой возможностью любого человека. Может быть, об этом рассказывает полотно Тиора? А может быть, о том, что умением летать обладает каждый человек от рождения, но об этом с годами мы забываем...

Художник, поэт или скульптор – посредник между сиюминутностью и Вечностью. Возможно, живописец – та самая «чёрная дыра», в которую утекают миры и галактики, чтобы затем возродиться в какой-то другой Вселенной. Когда он с головой уходит в работу, стоя перед мольбертом, Время течет для него стремительно. И думается мне, что перетекает оно – это самое Время – в сотворённое полотно, концентрируется и конденсируется в нём в сгущенном, законсервированном виде. В самом деле, когда смотришь на полотна Любви, определённо ощущаешь: заключённое в произведение спрессованное Время живо в его первозданной свежести – никаким другим способом и иначе как в искусстве сохранить и сберечь его нельзя.

«Фантазмагория!» – скажет, возможно, иной зритель, посмотрев эту серию работ Любви Тиора. Но разве реальная жизнь менее фантазмагорична? Да и эти картины совсем не рассчитаны на то, чтобы просто на них смотреть. Художница пытается

¹ Соловьёв В. С. Философия искусства и литературная критика. Три речи в память Достоевского. – М., 1991. С. 240.

вести нас в мир своих образов, позволяет нам самим задуматься над смыслами, вникнуть в её пространство и понять, что есть Истина! Именно в этой серии живописных работ Любовь собралась в сгусток разумной воли. Эта мысль чётко прослеживается в полотне «Гимн Светилам, или Время Мира».

Слава Богу, эйджизм, активно набирающий обороты в нашей стране, Любви Тиора не грозит. Но всё равно она торопится творить – писать полотна, воплощать свои неординарные замыслы. Она, как потерявшийся в огромном мегаполисе ребёнок, пытается структурировать свои представления о бескрайности и разнообразии жизни.

В совершенно иной манере написана картина «Молчание воина». На пространстве холста мы видим уже широкие, смелые мазки, портрет воина, находящегося в трансовой медитации. О чём его помыслы? О любимой женщине, о детях, оставшихся дома где-то в горах? А может быть, о душах соратников, уже ушедших с полей сражения в Небытие? Но мне чудится, что в этом ярком цветовом вихре – тихая, неприметная песня Покаяния.

Великолепно смотрится полотно «И в тебе будущее, или камень Мира». Красота цвета и умение владеть колористическими тайнами в картинах «О чём думают корни» и «Провозвестник Души Единой, или Душа Мира» довольно объёмно характеризуют мастерство художницы. Умение в вихрь эмоциональных штрихов вписать конкретные образы наблюдаются в её произведениях «Город-зеркало» и «Грёза моего сердца». И кто бы что ни говорил об этих работах Тиора, во всех них чувствуется какая-то русскость, но с привкусом византийства.

Всмотритесь внимательно и вдумайтесь в эти изумительные живописные создания, и вы почувствуете, как вместе с художницей непроизвольно начнёте медитировать, сочувствовать каждому удару своего сердца, и просветление наполнит разум... По этому поводу Любовь рассуждает спокойно и вдумчиво: «Мы создаем, порой не ведая, что нам даётся. Но в определенные моменты само творчество становится ведомым. И открывая для себя хотя бы одну из нескончаемого количества граней познаваемого, осознаём, что прикасаемся к великой тайне человечества, вскрывая замки и печати сакральной книги жизни, ища ответы на извечные вопросы: «Кто мы?», «Откуда?» и «Зачем живем?». Мы учимся читать, слышать и понимать книги, данные нам мудрецами, философами, пророками, учителями, научными мыслителями, так как источник этих знаний един. И нам даётся всё, чтобы мы ответили для себя на все возникающие вопросы. И если существует вопрос, на него обязательно есть ответ, и каждому из нас он будет дан в определённое время...»

О каждой работе этой своеобразной художницы можно говорить долго, существенно и с большим трепетным удовольствием. Именно это ассоциативное Озарение и следует изведать нам, зрителям, в её нескончаемом цикле, потому как подобную работу человеку завершить невозможно. Она будет тревожить память художницы, жечь неуспокоенное сердце и никогда не будет завершена. Надеюсь...

Многие мыслители пытались постичь сущность человека и человечества в настоящем, прошлом и будущем. Что есть человек с его достоинствами и недостатками? Какую тайную цель природы призван он осуществить? Каково его предназначение? Какие функции выполняет человечество на планете, каково его положение в природе?

Думаю, что саморазвитие материи привело к появлению жизни, трепетной и чувствующей нервной ткани головного мозга. Наконец, человек, обретающий самознание, становится особой формой организации вещества, осознающей самоё себя. Человек есть не что иное, как самосознание материи.

Художников-символистов, как и учёных-теоретиков, увлечённых решением головоломных проблем, витающих в туманных областях научных абстракций или утонувших в своих живописных мирах, принято было считать чудаками, отрешёнными от жизни, невпопад предлагающими наивные экономические, политические, интеллектуальные преобразования, превращающимися в беспомощных и недалёковидных детей, когда речь заходит о государственных делах.

И всё-таки надо бороться за свои идеалы, если они направлены на совершенствование нравственности каждого человека, доказывать лояльными средствами свою правоту, убеждать в необходимости постоянного обновления идей и образов!

Осуществится ли эта, так долго вынашиваемая лучшими умами Истории, Великая Идея об «Идеальном Граде», где мир современной цивилизации будет наполнен гармонией, духовным совершенством, эстетической наукой и простой, но понятной человеческой Истиной? Увы, не при моей жизни... И мне понятен современный «град», каким он предстаёт на картине «Кардиограмма ночного города»: резкий и вялый, нервно издёрганный и сонливо апатичный, чуткий и абсолютно безразличный к требованиям души, где можно быть совершенно одиноким в толпе. Город со своим характером-кардиограммой, такой же изменчивой, как и у человека в разное время и при различных состояниях. Но важно, что сегодня зритель, увидевший, понявший этот цикл работ Любви Тиора, станет уже чуточку другим.

ПРАИЗВЕСТИЕ ХИКМАТА

...Здесь, в уютном и каком-то по-домашнему обыденном небольшом саду семьи Тиора, мы спокойно, без панического надрыва говорим о сущности мифологии. Малограмотными домыслами сама История оказалась запутанной настолько, что смекать, где истина, а где ложь, становится практически невозможно: всяк норовит оттянуть одеяльце на свою сторону. Так думалось мне в процессе созерцания журчащего потока кристальной воды в импровизированном дворовом водоёмчике.

Ну а как же «палов», который сочиняет Хикмат? Разумеется, плов должен созреть и возмужать, а потом, очаровав нас своим интригующим вкусом, поработить всё сознание. Но пока этого не случилось, ещё немного порассуждаю.

Когда-то А. Франс высказался, что История слишком серьёзное дело, чтобы доверять её историкам. Правда, добавил бы я, – смотря каким историкам.

– Поскольку История всё же одна на всё человечество, – включилась в разговор Любовь Тиора, – а людей сейчас на планете семь миллиардов, то, естественно, на эту одинокую суть жития любого человека смотрят с такого количества разных сторон, что дух захватывает от разнообразия. Сейчас эти многоликие «правдивые истории» заставляют учёных ломать голову.

...Художник Хикмат Джалилов живёт не в изолированном мире выдуманной Истории. Он в гуще той жизни, которая его как бы обтекает, но в то же время и не отпускает от себя в «свободное плавание». Он жизнелюб, но подчас идеалистичен.

Созданные им портреты Ангелов – это не ответный демарш жесткому реализму жизни. Это воплощение его раздумий именно об этой Жизни. И пусть кого-то не пугает, что он изображает их каждый раз в ином цветовом ключе, ведь в Истории развития религиозного мировоззрения именно цвет определял суть верования.

Провидение водило его кистью, иначе я не могу это объяснить. Только оно дало колористический образ изображению. И как ни пытался российский археолог академик Рыбаков растолковать нам религиозные воззрения древних славян, ему не удалось показать больше того, что и так лежало на поверхности и было знакомо российским исследователям религиозных капиш со времён графини Дашковой. Ибо есть такое понятие, как *генетическая память*, а если к ней присовокупить информационное пространство, окружающее нашу планету со времён её сотворения, то тогда и приоткроется дверь в Непознанное.

Философия исламского Востока начиналась с полемической христианской литературы на арабском языке и переводов философских сочинений, которые инициировал аль-Ма'мун.

Создав в 832 г. в Багдаде знаменитый «Дом мудрости», где осуществлялись переводы античных произведений на арабский язык, халиф аль-Ма'мун сразу нашёл переводчиков-профессионалов, одинаково хорошо владевших сирийским, греческим

и арабским языками. Поэтому мощное «переводческое движение», начавшееся при халифе аль-Ма'муне в начале III в. Хиджры (1-я четверть IX в. н. э.), являлось «не столько нововведением, сколько более широким и методическим продолжением той работы, которая уже делалась раньше и с теми же целями»¹. Думается, это был первый конкретный реалистический шаг к созданию Идеального града. Но для этого надо было ещё обучить, воспитать, генетически застолбить в людях понятия нравственности, добродетельности, гуманизма, веротерпимости.

Перевод трактатов и писаний осуществлялся в «Доме мудрости» либо с использованием сирийского языка как вспомогательного, промежуточного между языками греческим и арабским, либо непосредственно – с греческого на арабский. Однако в обязанности служителей «Дома мудрости» входили и другие задачи: розыск и приобретение манускриптов; выверка оригинального текста, что имело особое значение в условиях, когда тексты переписывались от руки; критическое сравнение некоторых манускриптов, если это было возможно; перевод и редактирование текстов.

И кто бы мог подумать, что решающую роль в становлении «Дома мудрости» сыграли христиане! Первым главой этого «Дома мудрости» стал христианин Абу-Закария Юханна Ибн-Масавейх (777 – 858). Его сменил Хунайн Ибн-Исхак (ок. 809 – 873). Среди прославленных переводчиков были такие, как Джурджус (Георгий) Бахт-Ешуа (Бохтишо), Гавриил бен-Бахт-Ешуа, Юханна Ибн-аль-Батрик, Истафан Ибн-Басиль, Исхак Ибн-Хунейн, Коста Ибн-Лука (ок. 820 – 912), Сабит Ибн-Курра, Настас аль-Мисри, Абд-аль-Масих Ибн-Абдаллах Ибн-Наима аль-Химси. Переводчики философских произведений на арабский язык хорошо знали своё дело! Были среди них и философы, писавшие по-арабски. Так, Коста Ибн-Лука был автором популярного произведения «О различиях между душой и духом». Эти христианские мыслители занимались исключительно философией. Среди них был учитель аль-Фараби Матта (Матвей) Ибн-Юнис (ум. в 940 г.), ещё один его учитель – Юханна (Иоанн) Ибн-Хайлян (умер при халифе аль-Муктадире между 908 и 932 гг.), ученик Матты и аль-Фараби Абу-Закария Яхйя Ибн-Ади (895 – 974). Они обосновались в Багдаде, чтобы работать в «Доме мудрости». Некоторые исследователи утверждают, что в собрании библиотеки «Дома мудрости» в отдельные периоды насчитывалось более четырёхсот тысяч книг на разных языках.

...Несколько лет тому назад Юрий Тиора выдвинул любопытную гипотезу о двенадцати Учителях человечества. Это была не просто его надумка, а результат бессонных увлекательных и трудных раздумий, осмысления Истории опыта человечества, изучения древних письменных источников. Идею, воплощённую в инсталляционную скульптурную композицию, он и его супруга выставили на всенародное обсуждение. Зрители поахали, поцокали по-восточному языками и благополучно забыли. Но тут Судьба подарила ещё один шанс для привлечения внимания и воплощения этой идеи в жизнь.

Как нельзя кстати оказался очередной юбилей города Ташкента. К юбилею города Юрий Тиора совместно с Любовью Тиора и Хикматом Джалиловым предложили расширить идею исторического бытия двенадцати учителей Востока, восстановить древние ворота Ташкента и назвать их «Врата Мира», олицетворяющие двенадцать полюсов многополярного мира – древних и современных мировых культур и историко-этнографических областей. Эти Врата Мира, представленные в виде архитектурных строений и синтеза всех наилучших достижений данных культур, как бы законсервированных в этих объектах, сохранят и передадут будущим поколениям лучшие образцы культуры прошлой и современной цивилизации. В центральной части всех ворот предлагалось создать объёмные модули, сохраняющие наиболее выдающиеся примеры наследия определённого полюса многополярного мира (12 полуправильных Архимедовых тел). Авторы проекта подразумевали, что каждые ворота города обозначались одним из созвездий солнечной эклиптики и принадлежали определённой цивилизации.

¹ Carbin H. Histoire de la philosophie. – P., 1964. Vol. I. 33.

Хикмата озарила мысль о том, что у всех ворот города обязательно есть свой ангел-хранитель, ведь у каждого культурного пространства всегда существует своё Праизвестие. Вестники воли Бога и есть ангелы.

Надо заметить, ещё в 1993 году Ташкентский городской хокимият инициировал в СМИ конкурс на лучшее предложение по возрождению двенадцати древних ворот города с «учётом современных потребностей общества, создав новые опорные объекты на местах прежних ворот!»! Потом сменили хокима города, а новая команда городских властей решила «...не торопиться, взвесить все “за” и “против”, обсудить этот вопрос с общественностью с помощью средств массовой информации и лишь потом принять решение». Вскоре сменилось и это руководство города, затем другое и так далее. «Общественность», так и не обсудив ничего, благополучно забыла, что такое предложение возникало. Идея, предложенная инициативной группой, созданной Юрием Тиора, незаметно и основательно была похоронена под ворохом бюрократических бумаг.

Однако «неугомонные инициативщики» продолжали настоятельно предлагать осуществить проект «Врата Мира», поскольку понимали, что это не только символическое визуальное представление многообразия культур мира, но и знания разных народов о космогонических законах развития цивилизаций.

...Предложение было доведено до сведения ответственных исполнителей мероприятий юбилейного праздника, но проект «Двенадцать Врат Ташкента» остался нереализованным. Однако ангелы, оберегающие эти городские ворота, терпеливы. Они почти полторы тысячи лет наблюдали городскую суету людскую и знают, что всё равно рано или поздно люди обратятся к ним за помощью.

САБЕЙСТИЧЕСКИЕ ВИДЕНИЯ

...Конечно, разговор в весеннем саду мог идти только о тех ассоциациях, которые породили феноменальные картины Хикмата Джалилова и Любови Тиора. И опять задаюсь вопросом: «Что это – явление влияния какого-то там неведомого мне Высшего Разума или талант художественного самоотречения?» Для того чтобы понять ожидающее нас будущее, несомненно, следует очень внимательно посмотреть в прошлое.

Совершенно феноменально по сложности, на мой взгляд, полотно Тиора «И в тебе прошлое, или Храмы Мира». Что за мистика заключена в нём? Как будто из тумана столетий, в изломанном пространстве появляются храмы Лхасы и Цзонха, Мингойя и Чжюда, но, может быть, это пещерные храмы Бамиана и Каратепе, Подша-Ата и Парпи-Ата? Хотя мне больше всего хотелось бы, чтобы это была та самая – воспетая в легендах – Шамбала.

Я будто увидел давно забытое верование. О нём сегодня практически не говорят историки и мало кто вообще слышал об этом религиозном течении, хотя оно в своё время охватывало десятки и десятки государств Востока и Центральной Азии. Я увидел храмы сабеев (или широко принятое сейчас – *сабейцев*)!

Откуда-то сверху на них взирают странствующие пилигримы и божества Манджушри, Яматаки, Махакалы и, разумеется, Майтреи, но вот за ними в вихре вселенского вращения вырисовывается силуэт Божественного воина, которого мы видели на полотне «Молчание воина». Разумеется (и это вовсе не упрёк!), что ни Любовь Тиора, ни Хикмат Джалилов не читали труды Абу-л-Хасана Али ибн ал-Хусейна ибн Али ал-Мас'уди, интереснейшего арабского историка, географа, написавшего трактат «Мурук-аль-Джеб», в котором есть глава «О храмах сабейцев в Харране». Не читало этот трактат и большинство археологов и историков нашей страны, иначе бы во время раскопок многие неясные архитектурные построения были бы поняты, иными были бы выводы. Но что же тогда подсказало Любови Тиора формы и конфигурации храмов, давно канувших в Лету и практически нигде не сохранившихся?

Но именно такие храмы, как на этом полотне Любови Тиора, описывает ал-Мас'уди¹:

«...Что касается храмов, которые сабейцы сооружают во имя духовной субстанции небесных светил, то они имеют храм Первопричины, а под ним – храм Разума, храм Миропорядка, храм Необходимости и храм Души круглой формы; храм Сатурна – шестиугольный, храм Юпитера – треугольный, храм Марса – продолговатый четырёхугольный, храм Солнца – квадрат, храм Венеры – треугольник внутри четырёхугольника, храм Меркурия – треугольник внутри продолговатого четырёхугольника, а храм Луны – восьмиугольный. Первым, кто воздвиг храмы идолам, был Амр-ибн-Мухадж в Мекке. Он был владыкой и своей властью решил вопрос о храмах: отправился в Ал-Бахи (Сирия) и познакомился с людьми этой религии, которые представляли светила в человеческом образе и молились им, чтобы получить помощь.

Владыка попросил от них одного идола. Они дали идола Хобаль, и владыка, привезя его в Мекку, поставил в Каабе...»²

Вглядитесь внимательнее в полотна художницы, сравните с записями Шемс-Ал-Дина Ибн-Талеба Димишки в «Нухбат ад-дахр фи аджаиб – ал-барр ва-ал-бахр», и вы увидите на ее полотнах и картины Хикмата Джалилова.

Так что же это на живописных и, кажется, ирреальных картинах этих художников? Видения из непроницаемого прошлого или беззвучная песня Истории, которую слышат избранные? Как разобраться в этом феноменальном творческом наваждении? А может, это только выплеск эмоционального видения Нового Мира, и этими полотнами, как ширмами, следует отгородиться от нелицеприятной реальности окружающего пространства и просто медитировать для самоуспокоения?

Простота, скромность, человечность и пронизательность составляют характерные черты Любови Тиора. В то же время у Хикмата Джалилова я увидел редкое для культурного пространства Узбекистана явление: развитие, истинную культуру и цельный характер.

Действительно, надо быть готовым к тому, что восприятие этих работ соратниками по корпоративному цеху будет неадекватным. Послышатся еле заметное шипение и неопределённое покашливание. Но авторам этих работ надо быть готовым к этому, поскольку пророчествующих (и этому История неоднократно была свидетельницей!) во все времена побивали камнями. Но в нашем «цивилизованном» обществе подобные необыкновенные явления попросту обходят молчанием.

Работа над серией, о которой я размышлял, требует от художников огромного напряжения сил, беспримерной трудоспособности и новаторства. Какой бы утопичной ни казалась мысль живописцев о преобразовании современного общества в условиях острых социальных противоречий, о желании предложить мировому сообществу привлекательную и эффективную модель мировых взаимоотношений в XXI веке, они, несомненно, превосходят события, которые, надеюсь, обязательно произойдут на нашей планете.

ИРРЕАЛЬНОСТЬ РЕАЛИЗМА

...Всё! Всё-всё! Поэтому доморощенному Эдему разносится истинно райский запах. Это же запах уже почти готового плова! Священнодействия Хикмата у котла приближаются к кульминации.

Хрустальный перезвон и глухое бормотание пиал в руках Юрия Тиора возвестили о приближении мгновения старой пловной традиции. Юрий, как истинный поэт, не прерываясь на что-то второстепенное, по ходу своего движения стал декламировать:

¹ Ал-Мас'уди. Мурук ал-Джеб. Извлечение из главы 64 «О высокочтимых домах богов и знаменитых храмах сабейцев и других; о многом другом имеющем отношение к этому предмету. С. 366–371.

² Шахристан. Китаб ал-Милалва ал-Нихал. Пр. 6. С.444–447.

– Вино – прозрачный рубин, а кувшин рудник.
 Фиал – это плоть, а вино в нём – души родник,
 В хрустальной чаше искрится вино огневое –
 То ливень слёз, что из крови гроздий возник!

Строки Хайяма прозвучали в устах гостеприимного хозяина как-то вдохновляюще.
 – Друзья мои, – вступил Джалилов, – очень скоро вода вся выпарится. Я закрыл казан и укутал его льняным и хлопковым полотенцами вместе с крышкой минут на двадцать. Потом неспешно открою плов, томящийся в казане, и внимательно осматриваю окружающих. Если никто из вас не бросится к казану с готовым чудом, то это не земляне, а пришельцы из далеких космических глубин. Хотя, может быть, и инопланетяне прилетят к нам, привлеченные ароматом вашей реалистической поэмы. Да и Бог с ними! Нам не жалко, плова хватит в доме Любви Тиора на всех.

– Сейчас давайте пока посмотрим совершенно реалистические работы Любаши, – предложил Юрий. – Вам, несомненно, понравятся эти полотна!

– А давай! – согласился с ним я. – Но только после плова, а иначе мы выдадим себя, и все узнают, что мы с тобой, старик, – инопланетяне...

...Горный ручей, взбухший после осеннего дождя, с порывами ветра, который сбивает с разноцветных деревьев остатки прощального наряда, пронесется мимо летней кухоньки, расположенной на небольшом уступчике и, кажется, вот-вот захлестнёт добрый уютный мирок человеческого семейного счастья. Натруженный тандыр, в котором рождался душистый хлеб, отвернулся от своенравного потока. Дошатое ветхое покрытие, еле удерживаемое неуклюжими и тонкими стойками, уже не спасает от пронизывающего ветра, а он уже сдул платок. Остатки хвороста возле очага и женщина, покидающая место, где испекла лепёшки, которые стопкой держит в руках.

Выше по ручью в зарослях ветвей деревьев – неясные силуэты людей, возможно отдыхающих. Вероятнее всего, свежеспечённый хлеб предназначен для них. А может быть, в полотне «Серебристое дыхание осени» этого всего и нет, мне это только привиделось, а художница имела в виду нечто иное? Однако, вторя названию, на полотне действительно видно как некий серебристый изломанный поток врывается откуда-то из-за вершин гор и пронизывает середину картины, ниспадая вдоль ручья и мимо этой кухонной пристройки. Короткими мазками кисти Тиора как будто играет цветовой гаммой, но грамотно и чётко строит колористическую композицию. Цвета не диссонируют, а гармонично ложатся в симфоническую прелюдию ожидаемой трагедии – зимнего противостояния красочному месту, в котором обычно обитают сказочные весенние персонажи. А может быть, это бессознательное предчувствие чего-то тяжёлого, но преодолеваемого временем самой художницы? Ведь пейзаж в живописи, на мой взгляд, в отличие от натюрморта – это диагноз!

В подобной манере живописи сегодня у нас работают, пожалуй, только две художницы – Дилором Мамедова и Римма Гаглоева. Но, в отличие от Любви Тиора, Мамедова не пускается в фантазирование, безудержное противостояние действительности. Реализм Дилором по-настоящему безжалостен и революционен в сравнении с большинством творцов искусства живописи современного Узбекистана, в то время как пейзажи Риммы Ильиничны Гаглоевой, мягко говоря, надуманны. При этом её полотна, в отличие от красочно-оптимистических цветов Любви Тиора, насыщены мрачноватыми оттенками, от которых веет какой-то безнадегой.

Или вот абсолютно сюрреалистическое полотно «По изумрудному ущелью». На первый взгляд изображение идеально бесхитростно. Художник как будто опускает свой взор на уровень водного потока, спешащего по ущелью. Да и само ущелье не так велико. Красивые камни, обточенные водой, разбросаны как попало. В цветовом отношении художница словно бы злоупотребляет сине-зелёными тонами. Где-то вдали ущелье словно перекрывается заснеженными хребтами. И ставка делается

на несоответствие цветового решения естественным состояниям в природе. Но всё это только на первый взгляд. Давайте присмотримся к полотну.

На переднем плане видны травинки, кустики. Если присмотреться, то оказывается, что это не травинки и сухие сучки, а настоящие крупные деревья! И вот тут-то возникает преломление взгляда. Ущелье вдруг становится просто грандиозным по размеру. А глаз продолжает выхватывать всё новые и новые подробности сюжета. В середине полотна, справа, как будто изображены фигурки людей. Пovyше – телящиеся в зелени домики горного кишлака. И уже исполинское ущелье поглощает хрупкий человеческий мирок, где, возможно, кипит своя невидимая жизнь.

Что это? Отчаяние маленького человека из-за бессилия перед колоссальностью Природы, или всё это мне только привиделось?

Как отголосок моих размышлений – полотно Тиора «Приближение осени». Неказистый кишлак словно затерян в горах. В оранжево-золотистом отсвете осеннего солнца стоят хрупкие тополя. Домики большие и маленькие, бессистемно разбросанные по склону, образуют какой-то замкнутый анклав, забытый Богом. Без дорог и троп это горное селенье кажется отрезанным от всей внешней цивилизации. Жители заняты повседневными хлопотами; два ослика переключаются между собой, но, может быть, это не они, а их хозяева беседуют, перекинувшись через несколько домов; мужчина, спешащий к своей лошадке; лестница, ведущая на крышу, где сушится сено или хворост...

И нет дела людям до всего мира, кроме заботы побыстрее подготовиться к приближающейся зиме.

Как объяснить эту трактовку жизни простого человека, увиденную сквозь призму деятельности художницы? Стремясь найти истолкование едва ли не всех вопросов жизни человека в его подсознании (особенно патологических проявлений подсознания), Зигмунд Фрейд и его последователи выискивали здесь критерий ценности и трактовки художественных явлений. При этом их внимание было направлено «в сторону алогичного и иррационального», – замечают видные историки эстетики Катарин Гильберт и Гельмут Кун. Нельзя не согласиться с ними в том, что теория Фрейда «завоевала большую популярность благодаря той притягательной силе, которой обладает всё, что связано с болезненным и оккультным»¹ – в нашем уже от всего независимом, но разлагающемся обществе, следовало бы добавить.

Появление такой работы Тиора, как «Верная подруга», сначала вызвало у меня недоумение: никаких ассоциаций, кроме футуристичности изображения, одекарированного линейными орнаментами в красочном обрамлении парящих электро-голубоватых световых сфер. Странник, бредущий по эфемерному лесу, над которым сияет не то луна, не то иная (но уже не электрическая) сфера, якобы освещающая путь, подчеркивая таинственность происходящего. Он держит не то посох дервиша, не то трансформированную змею, которая возникает за спиной идущего и заканчивается на его плече. Кулах на голове и модифицированное одеяние как бы символическая одежда, якобы открывающая зрителю принадлежность этого человека к суфийскому ордену. Зачем и для чего это? Что художница хочет сказать своими красками и что неизведанное открывает нам, где смыслы нового или уже известного?

Увы, прожив около десятка счастливых лет, футуризм скончался под грохот революционных громыханий, уступив место имажинизму в лице его активистов Бориса Эрдмана и Георгия Якулова, которые провозглашали: «Имажинизм борется за отмену крепостного права сознания и чувства»². Но и сегодня на наших выставочных площадках нет-нет да и появляются творения отечественных «реаниматоров», пытающихся воскресить уже порядком истлевший авангард XX столетия.

Любовь Тиора, конечно, тшится нас убедить, что свободолюбивому дервишу подходит в качестве подруги разве что стройная лань, хотя изображённое на полотне одекарированное животное может быть и детёнышем жирафа.

¹ К. Гильберт и Г. Кун. История эстетики. Перевод с английского. – М. 1960. С. 595.

² Коллектив. Восемь пунктов. //Гостиница для путешественников в прекрасном. – М., 1924. № 1 (3).

Но шутки в сторону! При всём этом закрадывается мысль, что и цветовой колорит, и тематика, и чувственная аура напоминают творение на бумаге темперой Микалюса Чюрлёниса (1907 год) «Сказка королей». Возможно, это только показалось, но вот полотно Тиора «Соната» 2014 года – точно «перепев» Чюрлёниса (цикл «Знаки Зодиака» или «Соната звёзд»). Хотя мало ли что мне может привидеться!

Совершенно иного плана и характера произведение Любви Ивановны «Вера, Надежда, Любовь». Тема, конечно, вековечная и оттого сложная до умопомрачения.

Увидев впервые «Красного ангела» ещё в выставочном зале Академии художеств, я подумал, что это нечто родственное рисункам Ж. Вербестеля. Но, подойдя поближе и присмотревшись, я понял, что у Любви Тиора это эмоциональное полотно иного, я бы даже сказал, апокалипсического, уровня.

Картина выполнена в красно-зелёно-синих тонах с подсветкой золотистых колеоров. Огромный ангел поглощает практически всё пространство. Но почему он красный? Почему его перьевое одеяние буквально ошетинилось безжалостными иглами? В классике существуют только «белые» и «чёрные» ангелы, и мы знаем, что они собой олицетворяют. Так откуда же появилось это красное видение? Возможно ли, что имя ему Эфирид? Исполин, поглощая обитаемое пространство, губит Землю, на которой разламываются горы, вскипают океаны, гибнут, как мелкие крохи, народы.

Именно такая его характеристика представлена у самобытного русского писателя Владимира Фёдоровича Одоевского. Когда-то, вероятнее всего в 1826 году, князь писал: «...Есть другие духи, их имя Эфириды. Сих жилище – мечтания человека. Они не определены как призраки; нет им ни особенного образа, ни свойств; нет для них ни времени, ни пространства. Они разнообразны, бесконечны, деятельны, как природа, им подчинённая.

Нет в природе пылинки, нет мгновения, нет выражения, нет звука, которые не были бы подчинены кому-либо из Эфиридов. Одно царство – Живопись, другого – смелые порывы ума, измеряющего Солнцы Солнцев, третьего – одно какое-либо произведение Искусства, одна картина, один напев; есть такие, которых всё царство – черта, невзначай проведённая беспечной рукою живописца, звук, незаметно сорвавшийся с лиры Поэта, призрак, на миг явившийся при слиянии света с тьмою...»¹

«Сии духи... то прелестны, то безобразны: иногда в счастливом соединении они создают Храмы... иногда – огромные чертоги ...иногда со всех концов вселенной сносят все прелести мира и сотворяют человека, богам равного. Но иногда – увы! – Эфирид Поэзии сливается с Эфиридом конского бега; мечтания о борьбе стихий до мироздания, о силе исполина, повергнувшего Землю – с мыслию о войне лилипутов».²

Молниеносные вспышки света, вихри титанических ветров, разломы, в которых гибнут города, храмы и весь подлунный мир. Но «Красный ангел» непреклонен. Он уже взирает на подошедшего к полотну зрителя! И нет такой вселенской силы, которая в состоянии остановить движение этого Эфирида.

Несмотря на восточный небосвод, раскинувшийся над головой Любви Тиора, художницу не заботит так популярная у нас проблема национальной идентичности и разрушения её стереотипов. Она просто знает, что сегодня, пожалуй, единственная действенная позиция для художника – это противопоставить достоинство интеллектуала хамодержавию. При этом у Тиора есть все шансы стать хедлайнером нового для Республики живописного движения – мистического романтизма.

¹ Одоевский В. Ф. По рукописи в Российской Публичной библиотеке.

² Одоевский В. Ф. Российская Публичная библиотека. Ф. 539, оп. 1, ед., хр. № 4, лл. 57 – 58.

НОВЫЕ ИМЕНА

ВСТРЕЧА

Рассказ

В жизни много проблем и людей, от которых хочется бежать на край света. Но ведь не убежишь!

Сегодня Оля поняла, что все проблемы, заботы – это часть ее жизни. Часть, по сути, решаемая и не такая уж и значительная, так как, преодолевая трудности, добавляешь еще одну монету в копилку мудрости.

Сегодня Оля убедилась, что ее жизнь имеет смысл. Поняла она это, встретив на улице родного города подругу молодости, с которой не виделась лет двадцать. Поначалу они даже не узнали друг друга. Оля и раньше-то считала, что выглядит старше своих лет, а сейчас, в свои 48, она изменилась еще более заметно: расплнела, бледное лицо выглядело измученным, седеющие волосы приходилось подкрашивать.

С подругой Эммой, которая была моложе на пять лет, она познакомилась в роддоме, когда обе рожали первенцев. И родили их в один день. С тех пор и стали общаться: ходили друг другу в гости, вместе гуляли с детьми, тем более что дети посещали один детский сад. Дружили, несмотря на то что характерами и взглядами на жизнь отличались кардинально.

Внешне они были абсолютно разные. Высокая длинноволосая брюнетка Эмма всегда притягивала взгляды мужчин, в отличие от миловидной невысокого роста Оли. Повезло Эмме и с мужем. Любящий, заботливый, внимательный. Брак был счастливым, но недолгим. Вокруг нее постоянно вились поклонники, и все пять лет муж досаждал своей ревностью, но это не мешало Эмме беззастенчиво пользоваться своей привлекательностью.

Многое за это время пришлось пережить Оле, особенно после развода. Жизнь изрядно потрепала ее, то опуская на самое дно, то поднимая на Эверест. Но Эмме она всё равно не завидовала. Встречались изредка, разговаривали о том о сем, смеялись и плакали. Они бы дружили так же крепко и по сей день, да жизнь раскидала их в разные концы города: не нашлось времени не то что встретиться, но даже созвониться.

Так и растворилась постепенно их крепкая дружба, оставив на память лишь фото.

Женщины смотрели друг на друга несколько минут и не могли поверить, что наконец-то встретились. Узнали друг друга не по внешности, которая претерпела изменения, а скорее по знакомым обеим едва уловимым чертам: что-то узнаваемое осталось, особенно в глазах.

– Оля?! – удивилась Эмма и подошла ближе. – Не может быть! Как ты изменилась!

– Время меняет людей, и ты не осталась прежней. Как все

Галина ШВЕДОВА

Родилась в 1988 г. Окончила факультет иностранных языков отделение русского языка и литературы Ташкентского областного государственного педагогического института. Преподаватель. В журнале «Звезда Востока» публикуется впервые.

это время жила? Что произошло?

– Да дура я была, Олечка, дура. Пойдем ко мне, я здесь недалеко живу, ты же помнишь, чаю поьем, поговорим. Идем!

Изумленная неожиданной встречей, Оля без энтузиазма пошла за подругой.

За двадцать лет в квартире Эммы практически ничего не изменилось. Разве что пианино и старинный комод исчезли. Обои двадцатилетней давности пожелтели и вышвели. Чистенько, но неуютно как-то. Нахлынувшие было воспоминания сменились жалостью к хозяйке.

– Знаешь, а дети ведь меня бросили. Возились со мной долго, все пытались вытащить из пьянства. Но когда я тяжело заболела от пьянки этой проклятой – сама пить бросила. Ага... Но, оказалось, уже поздно. Посмотри, что она со мной сделала! – не говорила, а шипела беззубым ртом Эмма. Зубы, кое-где еще оставшиеся, были черными, изломанными. – Пить мне больше нельзя. Ага... Врачи сказали, что, если хоть рюмку выпью, умру. Стыдно стало детям, бросили меня, уехали за границу. Только деньги высылают и фото. Вот, мол, какие мы хорошие да пригожие. А я одна теперь. Совсем одна. Помнишь, какие парни возле меня крутились? Я хоть и с двумя детьми, а красавица: они так и вьются, так и вьются вокруг! Гордая была, на мужа наплевала, все лучшего выбирала. Довыбиралась! И красоты былой как не бывало, – перебирая пальцами, Эмма смотрела на стену, будто изучая узор на обоях. – Помнишь Сашку-то, который цветами меня осыпал и ноги целовал?

– Помню, – ответила Оля, не понимая, зачем она здесь. – А я ведь так и думала, что ты с ним осталась.

– Ага, как же! Ты чаю-то будешь?

– Нет, спасибо, – сгорбившись на стареньком табурете, Оля изучала рисунок на потертом ковре, только бы не смотреть на Эмму.

– Ну как хочешь, – вздохнула Эмма. – Дура я, Олечка, дура. Локти теперь кусаю. Правда, и кусать-то нечем уже. Ты не представляешь, как одной-то худо. Ага... По дому справляюсь, денег дети высылают. Только на кой они мне?! Одна я, Оля, понимаешь, одна! Никого возле меня не осталось: ни мужа, ни детей, ни толпы поклонников, ни подруг. Сашу-то я прогнала от нечего делать. Ага... Думала, всё равно приползет. А он не приполз. Слыхала, что страдал, запил даже, но ко мне, Оля, не вернулся. А через год примерно оклемался и уехал. Только вот не знаю куда. А я всё красовалась, крутила-вертела мужиками. И на свою голову связалась с одним. Он меня и споил. Потом сбежал, прихватив семейные сбережения и золотые украшения. Стала пить не просыхая. А мама с горя померла. Поздно очнулась я, Оля, поздно. Как будто и жизни-то нормальной не было. И вокруг – пустота. Никому я не нужна. Никому! – глаза Эммы увлажнились, по сероватой щеке скатилась скупая слеза. – Честно говоря, я всегда думала, пока мы дружили, что тебя ждет такая старость. Ты ведь какой была невезучей! Проблем, неприятностей сколько было! А ты сильной оказалась, выдержала все, выстояла, и сейчас, смотрю, не одна, судя по кольцу на безымянном пальце, – Эмма криво усмехнулась.

Тишина, заполнившая комнату, давила ещё больше, чем шипение подруги. Две женщины молча смотрели в пространство, и каждая думала о своем.

– Не одна я, не одна, – прервала молчание Оля. – Помыкалась, нахлебалась вдоволь, но потом всё как-то само собой устроилось. Замуж вышла еще раз, детей подняла на ноги. Они у меня устроены в жизни. И внуки всюю уже бегают, – по щекам Оли заструились слезы. Слезы, которые никакого отношения к ее подружке не имели. – Ты знаешь, Эмма, я лучше пойду. Идти мне надо. Ждут меня.

– Ну ты хоть заходи, подруга, – прошипела вслед Эмма, трясая седой головой. – Ага?

– Да. Наверное, зайду. Может быть. Прощай!

Оля не шла, а летела по улице родного города навстречу уходящему солнцу. В голове все перемешалось.

Вечером, как всегда, отзвонились дети, рассказали о событиях дня. У них все хорошо, но на душе неспокойно как-то. Не выходит из головы встреча с подругой.

Оля лежала на плече спящего мужа и прокручивала, как магнитофонную ленту, сегодняшний вечер. Уже засыпая, она поблагодарила Бога за подаренную ей жизнь – нелегкую, полную забот и проблем, но, как оказалось, по-настоящему счастливую.

литературоведение. литературная критика

ПЕРЕВОДЫ БАБУРА НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК

Захириддин Мухаммад Бабур – одна из наиболее значительных личностей XVI века, внесших огромный вклад в развитие литературы и науки.

Бабур был человеком деятельным, обладал талантом организатора, непоколебимой волей. Джавахарлал Неру писал о Бабуре: «Бабур был обаятельной личностью, типичным государем эпохи Возрождения, смелым и предприимчивым человеком, он любил искусство, литературу, любил наслаждаться жизнью»¹.

Начиная с XVII века, появляется множество трудов, посвященных исследованию жизни и литературного наследия Бабура. Его произведения переводятся на многие языки мира, и изучение творчества Бабура, истории переводов его произведения «Бабур-наме» на западноевропейские языки, их анализ, оценка мастерства становятся одной из важнейших задач сегодняшнего литературоведения.²

Прозаическое произведение XVI века «Бабур-наме» привлекло внимание также и французских востоковедов. Впервые в западноевропейском востоковедении в энциклопедии д'Ербело в статье «Бабур или Бобар» даны сведения о жизни Бабура, его склонности к литературе и искусству.

Соотечественник д'Ербело А. де Лонгперье спустя век, в 1773 г., в своей книге «Сочинения», изданной в Париже, в статье «Хатт-и Бабур хакинда» (об алфавите Бабура) отмечает, что Бабур занимался вопросами письменности, и приходит к выводу, что «Хатт-и бабури» отличается от сложного арабского алфавита своей простотой и удобством.

В 1811 г. в Париже издательство «Братья Мишо» выпускает в свет книгу «Библиография нынешних и древних исторических личностей», которая включает статью французского ученого Лангле «Бабур». Автор описывает жизнь и государственную деятельность Бабура в хронологическом порядке. «С большими политическими и военными знаниями, – пишет он, – Бабур совместил литературный талант. Он сам составил и сочинил свое жизнеописание на тюркском языке. Эти «Записки» были переведены Абдурахимханом на персидский язык и были известны в мусульманском мире».

¹ Дж. Неру. Открытие Индии. М.: Иностранная литература, 1955. С. 272.

² Н. Атаджанов. Художественный перевод и научное комментирование / на материале английских переводов «Бабур-наме»: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1978. 24 с.; Г. Ходжаев. Воссоздание художественно-стилистического своеобразия произведений узбекской литературы в переводе на немецкий язык: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1985. 19 с.

Мухаммаджон ХОЛБЕКОВ

Доктор филологических наук, профессор, переводчик, автор многочисленных статей и монографий: «Узбекская классическая литература во французской культуре XVII–XX вв.», «Переводоведение и переводческая критика», «Структурное литературоведение», «Панорама модернистической литературы XX века» и др.

Впервые во французском востоковедении исследовал творчество Бабура профессор азиатских языков и литературы, член «Азиатского общества» А. Жюль Клапрот (1783–1835). В 1824 г. он опубликовал статью «Заметки о “Бабур-наме”, или История султана Бабура, написанная им на восточнотюркском языке». Большой знаток истории, культуры и литературы народов Средней Азии, Клапрот более подробно охарактеризовал историческую роль книги и предложил свои переводы из разных глав «Бабур-наме».

Автор подчеркивает, что это произведение представляет большой интерес, хотя оно почти неизвестно во Франции.

О том, как было написано данное произведение, автор статьи говорит следующее: «Неизвестно, когда у Бабура появилось намерение написать “Бабур-наме”, не сказано об этом и в самой книге. По нашему мнению, Бабур написал свое произведение, когда он правил в Индии». Действительно, до сих пор нет никаких сведений о дате написания «Бабур-наме». Английские ученые и переводчики Дж. Лейден, У. Эрскин указывают, что Бабур писал «Записки» в конце жизни, поэтому произведение осталось незавершенным. Такого же мнения придерживается и профессор Н. Маллаев, изучавший литературу периода Бабура¹.

В словаре Пьера Ларусса отмечается: «В стилевом отношении первая часть и начало второй части написаны более интересно, события насыщены деталями, соблюдается хронологическая последовательность событий, особое внимание уделено простоте и ясности изложения мыслей».

Венгерский ученый-востоковед Г. Вамбери в «Истории Бухары и Трансоксании», изданной в 1873 г. в Петербурге, назвал «Бабур-наме» «Записками восточного Цезаря». Оба автора – и Цезарь, и Бабур – одинаково подходят к изложению событий, к вопросам тактики войны, имеются некоторые сходства в описании географических местностей. И все-таки Бабур с большей силой художественного проникновения описывает настроение героев, их внутренний мир, чем это мы видим у римского полководца. Бабур с большим мастерством художественно оформляет свое произведение. В нем есть шутки, народный юмор, пословицы и поговорки.

Французские востоковеды обратились к переводу в 1870-е годы. В этом большая заслуга известного французского ориенталиста, лексикографа и переводчика профессора Анри Паве де Куртейля (1821–1889). Большой его заслугой явилось чтение в учебном заведении курса староузбекского языка. В процессе преподавательской деятельности молодой ученый и педагог все более утверждался в мнении о необходимости перевода на французский язык памятников староузбекского языка и издания их в учебных и научных целях. Особого внимания заслуживает «Восточно-тюркский словарь», составленный Паве де Куртейлем и изданный в 1870 г.

В 1882 г. Паве де Куртейль издает и перевод «Мераж-наме» – повествование о вознесении Мухаммеда на небо и о посещении им потустороннего мира – памятник, переписанный в 1436 г. уйгурским письмом. Рукопись хранится в Парижской Национальной библиотеке и состоит из 69 листов. В 1889 г. ученый издает другое произведение теологического характера «Тазкира-и авлиё» («Рассказы о праведниках») (также по уйгурской рукописи из той же библиотеки).

В 1871 г. перевод «Бабур-наме» профессора Паве де Куртейля был издан в двух томах. В основу перевода положен текст «Бабур-наме», подготовленный русским тюркологом Н. И. Ильминским. Перевод П. де Куртейля представляет труд объемом в 930 страниц. В предисловии автора приводятся сведения об истории создания «Бабур-наме», о времени, описанном в произведении, даются сведения о походах Бабура, характеризуется само произведение.

Известно, что реалистическое описание событий и человека характерно для языка Бабура, ему свойственны простота стиля, содержательность, лаконичность

и яркость красок. Язык произведений Бабура близок языку народа, языку крупных поэтов и писателей того времени. Говоря о языке «Бабур-наме», Паве де Куртейль замечает, что Бабур усвоил чистый тюркский язык, язык Средней Азии, тот язык, которым владели поэты Навои, Мир-хайдар, Султан Хусейн и т. п., притом простой и удобопонятный, самый подходящий для задушевных повествований.

Как было упомянуто выше, ряд ученых связывают создание «Бабур-наме» с периодом правления Бабура в Индии, на то же указывает и французский переводчик.

То, что «Тузук-и Бабури», или «Бабур-наме», очевидно, написана в Индии, отмечает и английский ученый А. Беверидж. Другой исследователь, Лейн Пуул, считает, что мемуары Бабура, видимо, написаны в разное время. Если часть о Фергане появилась на основе воспоминаний и отредактирована после завоевания Индии, то остальные части созданы на основе предварительных записей. На самом деле в тексте «Бабур-наме» выделяется две части. В первой рассказывается о двенадцати годах жизни Бабура (с момента, когда он, потерпев поражение от Шейбанихана и потеряв ферганский престол, отправился в Афганистан), во второй части описываются последующие двадцать два года жизни Бабура, в течение которых он, завоевав Индию, основал огромную империю. Кроме того, в эту же часть вошло повествование о последних пяти годах жизни Бабура.

Две части различаются между собой тем, что события первого периода изложены без каких-либо деталей, причем в ходе повествования изредка упоминались события последних лет. Во второй части события датируются точно, даже указано время дня (особенно в индийской части записок). Все это подтверждает предположение, что произведение написано в 1525–1530 гг., а события ферганской и кабульской частей изложены по предварительным записям или по памяти.

Так, говоря об афганских событиях, Бабур упоминает 909 г. хиджры (1503–1504 гг.), т. е. время похода в Индию, рассказывает о своей победе над Ибрахимом Луди. Это подтверждает, что события 909 г. хиджры (1503–1504 гг.) написаны Бабуром в Индии, причем, по памяти, либо они являются редакцией ранних записей.

В предисловии профессор Паве де Куртейль рассказывает о двух знаменитых переводах «Бабур-наме». Это перевод на персидский язык, сделанный в 1585 г. Мирзой Абдурахимханом ибн Байрамханом, выполненный по велению Акбаршаха, а также перевод на английский язык учеными-востоковедами Дж. Лейденом и В. Эрскином, опубликованный в 1826 г. Несомненно, перевод Абдурахимхана открыл широкий путь для распространения «Бабур-наме» на Востоке и привлек внимание европейских востоковедов.

Для своего перевода П. де Куртейль выбрал, как мы уже отмечали, издание русского востоковеда Н. Ильминского и указывает и на ту большую роль, которую сыграл для его перевода словарь, составленный им самим, поскольку он поясняет многие трудные слова.

Ученый, проникшись любовью к «Бабур-наме», не только перевел это сочинение на французский язык, но и проанализировал переводы на английский и немецкий языки, сделанные Дж. Лейденом, В. Эрскином и А. Кайзером, отмечая, что они не довели перевод до той степени, как это было сделано в персидском языке (имеется в виду перевод Абдурахимхана). Действительно, английский и немецкий переводы несколько отличаются от оригинала, в частности, во многих случаях географические названия даны не так точно, как в персидском переводе. Эти недостатки бросаются в глаза в тех частях перевода «Записок», где речь идет о доходах, получаемых из различных районов Индии, подчиненных правителям империи, в английском и немецком переводах имеются неточности, о чем говорится в литературе по анализу переводов.

Паве де Куртейль способствовал популяризации творчества Бабура во Франции. Доброе начало, положенное Паве де Куртейлем, в последующие годы продолжили его соотечественники. Большой вклад во французское востоковедение внёс

¹ Н. Маллаев. Ўзбек адабиёти тарихи. 3-нашри. – Тошкент: Ўқитувчи, 1976. Б. 593.

Дж. Дармстетер. В 1888 г. в «Journalasiatique» («Азиатском журнале») он опубликовал статью «Памятники письменности Кабула, надписи на могилах Бабуршаха и других монгольских принцев». Эта статья содержит обширную информацию о надписях на могилах Бабура и Бабуридов.

Автор данной статьи указывает, что, кроме «Бабур-наме» и «Дивана», Бабур написал «Трактат об арузе», имеющий большое значение для изучения теории узбекской и других тюркоязычных поэзий. Рукопись трактата долгое время считалась утерянной. В 1923 г. турецкий ученый М. Ф. Купрули-заде обнаружил в Парижской Национальной библиотеке рукопись без заглавия и без имени автора. Ознакомившись с ней, М. Ф. Купрули-заде заключил, что найденная им рукопись принадлежит перу Бабура и является его «Трактатом об арузе». О том, что копия рукописи хранится в фонде Парижской Национальной библиотеки, сообщил в 1933 г. французский востоковед Э. Блоше в своем «Каталоге Тюркских рукописей Национальной библиотеки Парижа».

В XX в. во французской ориенталистике наблюдается активизация интереса к творчеству Бабура.

Так, в 1930 г. в Париже был выпущен трактат Ф. Гренарда «Бабур». Книга Гренарда состоит из десяти глав. В ней поэтапно освещаются все периоды событий жизни Бабура – от детства до его смерти. Гренард построил сюжет своей книги в соответствии с сюжетом «Бабур-наме», т. е. в нем биографические очерки следуют параллельно событиям книги Бабура, но автор брошюры строит свои очерки более научно и ближе к воображению современного французского читателя. В главе книги «Обобранный правитель» Гренард описывает тот критический период, когда летом 1502 г. Бабур был вынужден покинуть Самарканд и искать помощи у своего дяди, правителя Ташкента хана Султана Махмуда, надеясь склонить его к совместной борьбе против Шейбани-хана. Этот момент Гренард описывает так: «Считая такую жизнь бессмысленной, весной Бабур отправляется к своему дяде, после того как он пережил большое несчастье, унижение; покинутый своими слугами, он в сопровождении двух-трех кортежей пустился в путь. Чтобы утешиться, он упражнялся в сочинении стихов и написал свою первую газель (лирическое стихотворение) на тюркском языке».

Гренард обращается к источнику «Бабур-наме» и приводит первый бейт (двустихие) газели Бабура:

*Кроме моей души, другой верной возлюбленной я не нашел.
Кроме моего сердца, другого поверенного тайн я не нашел.*

Гренард, следуя за текстом «Бабур-наме», приводит только первое двустихие газели. Этой газелью открываются два собрания стихотворений Бабура, известные по введенным в научный обиход рукописям: парижской (хранится в Национальной библиотеке) и стамбульской (находится в библиотеке Стамбульского университета). Парижская рукопись была издана в 1917 г. акад. А. Н. Самойловичем.

В книге Гренарда живо описана также литературная жизнь Бабура в Герате и Кабуле. Бабур изображен не как завоеватель, борющийся за трон, а как человек и поэт-лирик: «Пришла весна. Чтобы утешиться от людского вероломства, которое встречается на каждом шагу, Бабур отправился на склоны соседних гор, которые в это время особенно красивы для прогулки и охоты с соколом. Зелень там была несравненна, бесконечное количество разнообразных тюльпанов покрывало землю. Он собирал целые букеты и насчитал тридцать четыре вида тюльпанов. Тогда он, восхищаясь природой, и сочинил одну из своих газелей, которая начинается так:

*Как лепестки розы, полно сердце мое все кровью до дна,
Весны придут, весны пройдут, – сердце весны, увя, не видно!*
(пер. Л. Пеньковского)

В своей книге Гренард трактует «Бабур-наме» как историю жизненного пути самого Бабура. Обращают на себя внимание конкретные даты описанных событий. Ценность книги заключается в том, что в ней помещен ряд миниатюр, связанных с жизнью и деятельностью Бабура в Самарканде, Кабуле и Герате. В конце книги даны карты того времени государств Средней Азии и Индии. Книга Гренарда была переведена и на английский язык.

По поручению ЮНЕСКО Парижское издательство «Публикасион Ориенталист де Франс» опубликовало новый перевод «Бабур-наме», сделанный французским ученым-востоковедом, доктором Жан-Луи Бакье-Граммомом. На обложке «Бабур-наме» помещена миниатюра известного средневекового художника Санвалаха, изображающая разбивку садов вокруг Кабула. Обложка оформлена французским художником Рожье Пакье, причем миниатюра взята из рукописи «Бабур-наме», переписанной в 1539 г. во время правления Акбаршаха.

Перевод начинается предисловием известного французского востоковеда Луи Базена, которое состоит из двух разделов, где Луи Базен описывает борьбу за создание «Империи великих моголов» и историю написания «Бабур-наме». В предисловии автор рассказывает также о переводах «Бабур-наме» на европейские языки в прошлом веке, напоминает читателям о том, что книга была переведена на французский язык профессором Паве де Куртейлем, а на английский – А. Сусанн-Бевевериджем. В заключение автор предисловия отмечает, что Бакье-Граммон приступил к переводу «Бабур-наме» двадцать лет назад по просьбе ЮНЕСКО.

В 1981 г. перевод «Бабур-наме» доктора Бакье-Граммона получил главный приз Международной федерации переводчиков – приз имени бывшего президента МФП, известного переводчика и теоретика Пьера-Франсуа Кайе.

Перевод доктора Бакье-Граммона состоит из трех частей: «Бабур в Мавераннахре», «Бабур в Афганистане», «Бабур в Индии», причем каждая часть имеет предисловие, написанное виднейшими учеными-бабуроведами.

Предисловие к первой части написано узбекским ученым доктором исторических наук Сабохат Азимджановой, которая характеризует «Бабур-наме» как ценный источник по изучению истории народов Средней Азии. Приводящиеся в нем факты сравниваются с другими источниками, содержащими богатые сведения о культурной жизни того времени. В заключение охарактеризованы рукописные варианты «Бабур-наме», его переводы на персидский, английский и французский языки, исследования этого произведения в разных странах.

Автор предисловия «Бабур в Афганистане» – афганский ученый, профессор Абулхай Хабиби, который написал ряд научных трудов о жизни и деятельности Бабура, дает подробное описание периода пребывания поэта в Афганистане и приводит сведения о надписях на могилах самого Бабура и его наследников.

Предисловие к главе «Бабур в Индии» написал индийский ученый, профессор истории Кашмирского университета (Сиринагар) Мухиббул Хасан, в нем он подчеркивает роль Бабура в развитии просвещения и литературы в Индии. Говоря о самом произведении, профессор Мухиббул Хасан указывает, что оно не только содержит сведения о личности Бабура, но и является важным источником изучения истории Индии, ее географии, этнографии, истории культуры. Ученый обращает внимание на то, что «до Бабура ни один мусульманский ученый (за исключением Ал-Беруни) не описывал так подробно Индию».

В главе «Бабур на страницах «Бабур-наме»» обнаруживается глубокий и серьезный подход к личности Бабура, к оценке «Бабур-наме» и другим вопросам, связанным с произведением. Рассказывается о местопребывании правителя в последние годы его жизни, о том, как обнищала его собственная родина. До последних дней своей жизни Бабур жил мечтой вернуться в Мавераннахр и в ноябре 1527 г. пишет своему сыну Хумаюну, находившемуся в походе в Хисаре и Балхе, чтобы он приложил все усилия для захвата Самарканда.

переводы

**Озод
МУМИН ХОДЖА**

Родился в 1952 г. в Ташкенте. В 1975 г. окончил физический факультет ТашГУ (ныне НУУз). Кандидат физико-математических наук, изобретатель. Член СП Узбекистана. Автор фантастических, криминальных и исторических произведений. Публиковался в России, Казахстане и на Украине. Автор нескольких книг.

ИСЦЕЛЕННОЕ СЕРДЦЕ

Рассказ

*«Найдётся много ли на свете
неразбившихся сердец?..»*

Из узбекской народной песни.

Лил проливной дождь. Мерзкий ветер, демонстрируя свою жуткую силу, швырял в лицо колючие капли и обрушивал на меня водопады брызг. Моя одежда, мокрая насквозь, совершенно не защищала от холода... но мне было все нипочём. Я продолжал идти, не сбавляя шага, ибо знал, что это в данный момент мне необходимо. Только так я утихомирю бушующую обиду и злость. Скоро приду туда, куда стремлюсь. Там – тёплый дом, там ждут меня горячий чай и покой, и, самое главное, меня ждёт Она! Моё счастье! Бальзам души моей. Она однажды исцелила моё истерзанное сердце и, если понадобится, исцелит вновь...

* * *

Эта планета с самого начала была мне не по душе...

И зачем я согласился лететь в космос? Не очень-то и хотелось. Но сказали: обеспечишь себя на всю оставшуюся жизнь, больше не придется вкалывать, ходи-гуляй... и закружилась голова. На самом деле были люди из моего окружения, всего разок слетавшие в космос на какую-либо из исследуемых планет и по возвращении получившие солидные деньги. Порой я ими восхищался, порой завидовал. Вот бы и меня пригласили в экспедицию! Мечтал об этом. Верно говорят: мысль – субстанция материальная. Мечта моя обратилась в явь: меня пригласили принять участие в исследованиях на одну из планет. Мучили сомнения, но я все же решился...

Я был молодым ученым, исследователем-фармацевтом. Моей научной целью была разработка новых лекарств из неизвестных растений. Поэтому мне и было сделано предложение поработать в других мирах.

Атмосфера на планете имеется, чистый воздух годен для дыхания, живое представлено древесной растительностью... Но мир флоры загадочен и таинственен – полон неизвестных секретов как для меня, так и для моих товарищей. Никто не знал, какое дерево таит в себе опасность, какое целебно. Слышал как-то, в прошлом году одного из исследователей здешнее дерево притянуло к себе, крепко обхватив стеблями, и почти задушило в листовых объятиях. Бедняга-ботаник больше часа оставался пленником дерева. Всякого, кто

приближался к нему, дерево также пыталось охватить своими гибкими стеблями. Двоим ученым пришлось сходить к кораблю. Они вернулись с мощным лазерным лучёмётом и осторожно, чтобы не навредить ботанику, стали отрезать корни, связующие дерево с почвой. В конце концов им это удалось, но, и лишившись связи с почвой, ужасное растение не ослабило «объятий» и не выпустило ботаника. Правда, потеряло способность хватать стеблями-щупальцами других людей. Смело приблизившись к дереву, исследователи срезали стебли и, наконец, освободили пленника. Спасенный ботаник двое суток оставался нем, столько же длились судороги. После этого случая некоторые исследователи поклялись никогда больше не летать в космос.

С напарником Махсумом Назаром мы подготовились весьма основательно: кроме лазерного лучёмёта, у нас имелся специальный шуп, насаженный на длинную ручку и реагирующий на малейшее движение. Завидя странное растение, мы подносили к нему шуп, и только проверив на отсутствие реакции, смело подходили, чтобы добыть образцы для лаборатории, которые тщательно анализировались уже на борту корабля. Главное внимание уделялось фармацевтической ценности деревьев и их листья в условиях Земли. Все наблюдения отражались в отчетах, что и было основной целью порученных нам исследований.

Необходимо было создать эффективное лекарство для борьбы с новой страшной болезнью, стремительно распространявшейся с африканского континента и известной в мире как «расслабление и последующий распад позвоночного столба». В случае успеха медико-фармацевтическая компания, специализирующаяся на исследовательской деятельности и создании новых лекарств и оплатившая экспедицию, обещала каждому из нас весомое денежное вознаграждение и намеревалась включить в список кандидатов на Нобелевскую премию. Хе-хе, посмотрим, как они это сделают... На все готовы, лишь бы получить рабсилу для работы на опасных планетах... Я-то знаю точно: кандидатов на Нобелевку отбирает независимый комитет, члены которого имеют пожизненный статус... При чём здесь медико-фармацевтическая компания?

Организм больных такой болезнью перестает справляться с собственным весом, позвоночник не служит более опорой, искривляется, ломается... дело кончается летальным исходом. При первых же симптомах больному предписывается строгий постельный режим. Болезнь унесла четверть населения Африки. Европа и Америка закрыли все воздушные и морские порты, ввели в практику карантин всех прибывающих африканцев. В Азии первой страной, принявшей необходимые меры, стал Узбекистан, лидирующий в области фармакологии.

Учёные всего мира активно работали над созданием эффективного средства для излечения болезни, но заметных результатов пока не было.

Узбекские учёные, имеющие немалый опыт в производстве лекарственных средств, пришли к выводу: эффективное средство для излечения этой болезни может быть произведено лишь из космического сырья.

Так я и стал членом третьей по счету экспедиции, организованной для поиска панацеи от ужасной болезни...

Закончив забор образцов с очередного растения, Махсум Назар обратился ко мне:

– Пулат Камол, хватит на сегодня. У нас пять образцов, вполне достаточно для вечерних анализов.

– Согласен, – ответил я. – Только видишь вон того уродца в человеческий рост? Вылез как черт из табакерки... раздражает меня этот куст... давай сделаем забор образца.

– А чем он тебя раздражает?

– Не знаю. Интуиция. Срабатывает в нужный момент. Не сегодня, так завтра – всё равно придётся этим кустом заняться. Сделаем забор образца – завтра легче будет!

– Ладно! Что-то и меня мандраж пробираться начал, из-за тебя, наверное. Давай, осторожно...

Как я и ожидал, растение оказалось необычным – оно попыталось захватить протянутый к нему шуп своими колючими ветвями. С большим трудом отняв шуп, Махсум Назар вопросительно посмотрел на меня.

- Во избежание неприятностей срежем ствол под корень! – принял я решение.
- Как же мы к нему приблизимся? Если ветвями обовьёт, уже не вырваться!
- А луче́мёт на что?
- От хищников защищаться!
- Так перед тобой растение-хищник! – воскликнул я.

Стало ясно, что Махсум Назар ничего не слышал о прошлогоднем происшествии. Между тем уважающий себя космонавт-исследователь должен знать обо всех экстремальных происшествиях, должен делать выводы для себя. Но времени для лекции не было, нужно было срочно действовать.

Взяв на прицел луче́мёт основание ствола, я спустил триггер. Лишившееся корня растение повалилось.

– Ну вот и всё, подохло! – вскинулся Махсум Назар и скорым шагом двинулся в сторону куста.

– Стой! – крикнул я. – Надо проверить!

Но мой напарник уже склонился над кустом для забора образца. В этот момент срезанное растение, вцепившись в человека и выпустив многочисленные жала, стало высасывать из него кровь. Махсум Назар громко закричал:

– На помощь! Пулат Камол! Помогите...

Я не знал, что делать, что предпринять? Растение было живое! Валялось без ствола, но хищнические инстинкты были живы. На Земле есть такие, похожие на это растение, люди. Зло, которое они творят при жизни, каким-то образом продолжает жить и после их смерти.

Приблизюсь – сам могу превратиться в невольного донора, если промедлю – растение-кровосос убьёт Махсума Назара. Как быть?..

Я включил рацию и доложил о случившемся командиру корабля, попросил совета и помощи. Ничего толкового он не сказал, но пообещал прислать двух спасателей.

Но когда они придут? Когда обескровленный Махсум Назар покинет, как говорится, сей бранный мир? И кого обвинят в его смерти? Даже если признана будет «смерть по неосторожности» и семье будет выплачена компенсация, совесть моя не успокоится.

Нужно было срочно принимать решение. У меня три вида оружия: лазерный луче́мёт, шуп и чустинский нож. Нож в данном случае бесполезен. Необходимо использовать шуп и лазерный луче́мёт.

Приблизившись на безопасное расстояние, я протянул к растению шуп. Как и следовало ожидать, он тотчас был захвачен гибкими стеблями. Теперь оставалось одно: использовать лазерный луче́мёт. Взяв в прицел стебли, обвинившие шуп, я спустил триггер. Действовать нужно было хирургически точно, чтобы не навредить Махсуму Назару. Срезанные стебли бессильно поникли.

«Отлично!» – подумалось мне, и я освободил шуп из объятий растения. Настало время заняться напарником.

– Махсум Назар! Замри! Опасайся луча! – крикнул я.

Обессиленный от потери крови, тот не проронил ни слова, надо было рисковать, иначе напарник погибнет.

Взяв на прицел самый толстый стебель, обвинивший Махсума Назара, я спустил триггер.

Невольно вспомнился полигон для стрельбищ, на который во времена армейской службы нашу роту приводили для отработки навыков боя в полевых условиях. Тогда впервые дали мне в руки автомат Калашникова и приказали целиться в мишени, все мишени поразил тогда первым же выстрелом. Командир похвалил.

И в этот раз я попал точно в цель. Стебель был срезан. «Молодец, Пулат Камол!» – подумал я. Прицелился, выстрелил в следующий стебель. И опять мысленно похвалил себя.

После того как был срезан четвёртый стебель, Махсум Назар ожил и задвигался.

– Не двигайся! – крикнул я ему.

- Не стреляй! Ты убьёшь меня! – застонал он.
- Лежи тихо, всё будет в порядке. Я спасу тебя! – сказал я.
- Нет, нет... не стреляй... – едва слышно шептал он.

Он не понимал. Осталось срезать два стебля и хищник ослабит хватку, легче будет высвободиться. А он...

– Какой же ты растяпа! Лежи тихо! Молчи! – прикрикнул я на него. – Разве можно быть таким тупицей?!

Вроде понял, перестал дёргаться. Воспользовавшись этим, я перерезал еще два стебля. Руки Махсума Назара освободились, он вытащил из ножен чустинский нож и перерезал оставшиеся стебли-жала растения-кровососа. Освободив ноги и недобро взглянув на меня, он вдруг заорал:

– Подлец! Ты едва не застрелил меня! Что я тебе сделал плохого?!

Едва двигался, но орал внятно. Укорял меня в дурных намерениях, обличал в чём-то несусветном. Тело его было сплошь в синяках, кровоточили раны, нанесённые древесными жалами. Мне искренне было жаль его. Опоздай я на минуту, и он точно умер бы от кровопотери. Достав из походной аптечки бинт и лейкопластыри, я быстро обработал раны Махсума Назара йодом и перевязал их.

У меня одно на уме, у него другое! Странно...

Спустя полчаса прибыли, наконец, спасатели. Усадив Махсума Назара на вездеход, они умчались, сказав, что пострадавший нуждается в срочной госпитализации на борту корабля.

Немного успокоившись, я сделал забор образцов со ствола, листвы и стеблей «сдохшего» растения. Заснял куст на камеру. Затем, присев на бугорок, задумался. Я был доволен собой и проделанной работой. Спас товарища от смертельной опасности, от верной смерти. В этом мне помогло снайперское мастерство, приобретённое в армии. А что было бы, если бы я не был обучен меткой стрельбе в армии?..

Экстремальные ситуации требуют много сил, я чувствовал себя опустошённым. Несколько успокоившись и приведя нервы в порядок, я пошёл к кораблю.

Но на корабле ожидала меня вовсе не благодарность «за находчивость при исполнении служебных обязанностей и спасение от смертельной опасности напарника». Наоборот, на меня возвели поклёп, меня оклеветали.

Взгляд командира корабля был полон ненависти.

– Скажите-ка, Пулат Камол, скажите-ка правду. Почему вы, заведомо зная об опасности, толкнули вашего напарника прямо в объятия растения-хищника?!

Я онемел от изумления. Слова не мог вымолвить.

– Почему вы молчите? – снова задал мне вопрос командир.

Онемевшими губами я прошептал:

– Это клевета...

– Хотите сказать, что мы клеветники? То, что вы Махсума Назара обзывали растяпой и тупицей, это тоже клевета?

– Нет, это правда. Он очень нервничал, мешал мне перерезать стебли, я старался уберечь его от лазерного луча, пришлось прикрикнуть.

– Станете отрицать, что под видом спасения вы желали убить своего напарника?

– Это же поклёп и полная чушь! Наоборот, я спас его от верной гибели!

– Махсум Назар описал ваши действия и опротестовал их в своём официальном заявлении на моё имя. Мой долг рассмотреть поданную жалобу. А вы вот фактов, изложенных в заявлении, не признаёте. Как было всё на самом деле, предстоит ещё выяснить. Дознанием и расследованием этого дела займётся Особый Следственный Комитет на Земле. Я освобождаю вас от ваших обязанностей до возвращения на Землю. С этого момента вам запрещается покидать корабль. Выходить из каюты будете только с моего разрешения. Вам всё понятно?

– Как себя чувствует Махсум Назар? Он потерял много крови...

– О нём позаботится медицинский персонал корабля. Ему влили плазму. Он пришёл в себя и написал жалобу. В настоящее время спит.

– Нами было добыто пять образцов. Образцы листвы и жал растения-кровососа у меня в контейнере. Разрешите провести исследование?

Командир корабля провёл ладонью по голове. Затем, буравя меня взглядом, сказал:

– Нет, Пулат Камол. Отдайте образцы другим исследователям, пусть они сделают анализ. Вам запрещается покидать пределы вашей каюты. Можете идти.

Через две недели наш корабль приземлился в космопорту «Зарафшан». У трапа меня ждал дознаватель Особого Следственного Комитета. Посадил в машину и увез в своё учреждение.

Против выдвинутых Махсумом Назаром обвинений доказательств у меня не было. Личный диктофон, постоянно находившийся при мне во время работы, в тот день, как назло, был неисправен. Моим словам никто не поверил. В результате я был пожизненно отстранён от космических полётов. В ходе дознания и очных ставок следователи Особого Следственного Комитета и Махсум Назар надорвали мое сердце... Никогда не ожидал я, что добросовестный труд и искреннее желание помочь людям могут так обернуться.

Никакого вознаграждения мне не выплатили. О наградах смешно было даже думать. Ничего не поделаешь...

Лекарственные препараты, разработанные на основе вытяжки из растения-кровососа, оказались целебными: ими теперь успешно лечили расслабление позвоночного столба. Вся слава досталась Махсуму Назару, которого я спас от верной смерти.

СМИ всего мира пестрели его фотографиями. Писали, что, несмотря на козни своего напарника-злодея, Махсум Назар снискал себе всемирную славу, геройски высвободившись из смертельных объятий растения-кровососа при помощи простого чустского ножа. В результате по всему миру резко возрос спрос на ножи из Чуста.

Такое развитие событий удручило бы любого, выбило бы из колеи. Но только не меня. Я знал, что придёт день, и время всё расставит на свои места.

Я поменял профессию, сферу деятельности, но былого покоя сердце не знало. Терзало сознание собственного бессилия перед Злом.

Тогда-то и послала мне утешение благосклонная Судьба. Заново осветила моё сердце. Я влюбился. То была красота несравненная – самая нежная девушка во всей Вселенной... Думы о человеческой низости перестали меня терзать. Мир мой наполнила только она. Она мне снилась, проснувшись, я наслаждался её певучим голосом... Отныне я постоянно желал видеть рядом с собой это нежное создание. Редкие встречи больше не удовлетворяли меня, и я сделал ей предложение выйти за меня замуж. Избранница ответила согласием.

Судьба вручила мне подарок, в миллионы раз превосходящий по ценности Нобелевскую премию. Разбитое сердце исцелилось, ожило, вновь наполнилось надеждой. Открылись новые перспективы, явились новые жизненные планы.

И вдруг пришла повестка со срочным вызовом в Следственный Комитет. Не идти было нельзя.

Что только я не передумал! Чего на сей раз хотят от меня эти негодяи? И именно сейчас, когда я, едва успокоившись, стою на пороге счастливой жизни!

В назначенное время перед входом в здание меня ждал офицер, который проводил прямо в просторный кабинет Председателя Особого Следственного Комитета. Председатель встретил меня улыбкой. Вокруг плотной толпой стояли его заместители и начальники отделов. Тут же, стараясь не смотреть мне в глаза, стоял дознаватель, который особенно рьяно допрашивал меня в своё время, задавал двусмысленные вопросы, лил на меня потоки грязи. При моём появлении все продолжали стоять. Прочистив горло и встав прямо напротив меня, Председатель начал:

– Уважаемый Пулат Камол! От имени Следственного Комитета приношу вам наши извинения за допущенную ошибку! Геройский подвиг совершил вовсе не Махсум Назар, подвиг совершили вы. Мы в свое время не разобрались в его клеветнических заявлениях. Примите наши извинения.

Я оторопел, потерял дар речи. Теперь, когда восторжествовала правда, я пришел в замешательство.

– Как вам удалось установить... правду? – только и смог я спросить.

Глянув на сгрудившихся вокруг лизоблюдов, Председатель ответил:

– Как известно, в ходе дознания вы сообщили следствию о том, что диктофон, который по инструкции должен быть постоянно при вас включенным, в тот день был неисправен. Поэтому диктофон не был сдан вами следствию. А Махсум Назар не был допрошен дознавателем по поводу диктофона. На это упущение нам было указано со стороны надзорных органов нашей организации. Диктофон был найден, был восстановлен весь ход событий того дня. Дознавателю вынесено порицание. Вот и всё!

Я промолчал. Что мне оставалось? Очень хотелось бросить им в лицо: «Вы пиявки, присосавшиеся к государственному бюджету! Вам бы в навозе копать, петухи-охломоны, а не расследование вести!» Но что пользы в словах, если дознаватель, перевернувший мою жизнь, отделался просто порицанием и продолжает работать дальше.

Снова заговорил Председатель:

– Вам сполна будут компенсированы все денежные выплаты и премиальные, предусмотренные для исследователей, героически выполнивших свой долг в условиях космической экспедиции на особо опасные планеты. Махсум Назар будет лишён всех своих наград. Они будут переданы вам. Поздравляю!

Я снова промолчал. «Свою награду я уже получил!» – подумалось мне.

– Завтра запланировано ваше выступление по Центральному Телевидению Узбекистана. Будьте готовы! – сказал Председатель и обратился к присутствующим: – Давайте-ка поприветствуем Пулата Камола!

Раздался шквал аплодисментов.

– Мне можно идти? – спросил я.

– Идите! Надеемся, завтра вы честно расскажете обо всем, о чём мы говорили! Пусть все знают, что мы работаем честно. Не зря тратим государственные деньги.

Стоящему рядом офицеру Председатель приказал:

– Проводите героя! И передайте приказ моему водителю, пусть отвезёт его домой!

Покинув здание Следственного Комитета, я сказал сопровождающему меня офицеру, что желаю прогуляться и, несмотря на непогоду, пошёл домой пешком. Сообщение и слова Председателя не обрадовали меня, наоборот, сердце моё снова было разбито.

* * *

Лил проливной дождь. Мерзкий ветер, демонстрируя свою жуткую силу, швырял в лицо колючие капли и обрушивал на меня водопады брызг. Моя одежда, мокрая насквозь, совершенно не защищала от холода... но мне было все нипочём. Я продолжал идти, не сбавляя шага, ибо знал, что это в данный момент мне необходимо. Только так я утихомирю бушующую обиду и злость. Скоро приду туда, куда стремлюсь. Там – тёплый дом, там ждут меня горячий чай и покой, и, самое главное, меня ждёт Она! Моё счастье! Бальзам души моей. Она однажды исцелила моё истерзанное сердце и, если понадобится, исцелит вновь...

Перевод с узбекского Тимура ГУЛЯМОВА

Тимур ГУЛЯМОВ

Родился в Ташкенте. Специалист по международным отношениям. Писатель, переводчик с узбекского, английского, немецкого языков.

караван истории

**Михаил
ТАТАРНИКОВ**

Родился в 1943 г. Окончил факультет журналистики ТашГУ (ныне НУУз). Член Союза журналистов Узбекистана. Подполковник МВД. Автор нескольких книг, учебного пособия.

ГОРОДСКОЙ СКВЕР

«История о городском сквере» – так у А. Тюрикова¹ называется очередная глава его коротких рассказов об истории города Ташкента. Когда-то это место называли сквер Революции, сегодня это сквер Амира Темура или просто Сквер, хорошо знакомый старожилам города. Его название менялось много раз, а слово «сквер» неизменно присутствовало в течение многих десятилетий.

Нынешний сквер Амира Темура был заложен перед зданием штаба Туркестанского военного округа по инициативе второго генерал-губернатора края М. Г. Черняева в 1882 году и назывался Константиновский сквер. Первоначально он был проезжим.

Генерал-губернатор фон Кауфман был очень обеспокоен состоянием центральной площади города, находившейся неподалёку от его резиденции, но до того, чтобы увидеть её в надлежащем виде, увы, не дожил. Он умер в мае 1882 г. Шёл 1883 год, генерал-губернатором стал М. Г. Черняев, который издал указ о том, чтобы площадь обрела наконец-то вид, подобающий центральной. Архитектор Н. Ф. Ульянов создал проект, и в течение пятнадцати лет на деньги, собранные горожанами, пустырь благоустроивали и обихаживали, пока он не превратился в сквер. Сквер огородили невысокой фигурной решеткой, пролетки и арбы, а позже – трамваи стали объезжать его по кругу.

До 1918 года это место называлось Константиновский сквер. От него лучами расходились проспекты Московский (улица Энгельса), ныне Амира Темура, Лагерный (Пушкина), ныне проспект Мустакиллик, Кауфманский и его продолжение улица Соборная (Карла Маркса), ныне Сайилгох и улица М. Мусаханова, Куйлюкская (Куйбышева), ныне Кокандская, улица Духовского (Пролетарская), ныне Мовароуннахр. Вокруг Константиновского сквера со временем складывался определенный архитектурный комплекс. В 1875 году было построено здание банка, которое уцелело и до сих пор используется по своему назначению.

На противоположной стороне в 1881 году была построена Туркестанская учительская семинария. В советские годы здесь размещалось городское управление здравоохранения. Недавно оно было снесено. Рядом с Туркестанской учительской семинарией по проекту архитектора Алексея Бенуа в 1898 году была построена церковь святого Александра Невского. В советское время с церкви были сняты верхняя часть вместе с крестами и до недавнего времени там размещался один из офисов банка.

¹ А. В. Тюриков. Истории о Ташкенте. Т. Ёш гвардия. 1983 г.

Открытие памятника К. П. фон Кауфману, 4 мая 1913 г.

Немного позже в западной части Сквера были сооружены здания мужской и женской гимназий, в последующем здесь размещались факультеты Ташкентского государственного университета, а после перевода ТашГУ в вузгородок его место заняли Ташкентский автодорожный и Юридический институты. С этими зданиями связано одно важное историческое событие: здесь состоялась первая в мире телевизионная передача. Слушатель Ташкентского университета Борис Грабовский изобрел и тогда же запатентовал особый прибор, названный телефотом, в котором впервые был применен принцип передачи изображения по радио, используемый в наших телевизорах. Здесь в мужской гимназии учился и в 1900 году окончил ее в числе лучших учеников Александр Керенский, глава Временного правительства России в 1917 году.

17 ноября 1910 года перекресток Кауфманского и Московского проспектов был освящен и сделана закладка памятника Константину Петровичу Кауфману в присутствии всех высших властей, войск, учащихся и громадной толпы. Памятник Кауфману в центре Сквера был открыт 4 мая 1913 года. Это был первый памятник, появившийся на Сквере.

Выдающийся археолог М. Е. Массон описывает в своих воспоминаниях его торжественное открытие. «Вечером за день до открытия памятника городской голова Николай Гурьевич Маллицкий, прежде чем закрыть его брезентом, в последний раз убедился, что все в порядке. Утром же при стечении большого количества народа все с изумлением обнаружили, что по сторонам памятника расположены старинные снятые с вооружения армии русские крепостные мортиры. Оказалось, что ночью их доставили по распоряжению Николая Константиновича из его “запасников” и установили в основании памятника с поворотом стволов в разные стороны. Такое добавление совершенно противоречило утвержденному проекту. До момента открытия оставались считанные минуты. Удаление тяжелых орудий потребовало бы много времени и нарушило бы ход торжеств. Непосредственный виновник инцидента великий князь тут же заявил, что поставил мортиры в качестве декорации только на время открытия памятника, а потом их уберут. Этого, однако, не произошло. Орудия оставались на том же месте еще много лет спустя...»

На территории Сквера располагались ярмарочные павильоны, устраивались различные выставки. До сравнительно недавнего времени существовал дегустационный павильон купца Филатова с куполом в восточном стиле, в котором в последние годы размещался цветочный магазин.

После революции 1917 года памятник Кауфману был уничтожен. От него остались основание постамент и ограда – гранитные трубы с цепями. На его останках водрузили знамя, а вокруг установили пушки, отбитые в крепости во время октябрьских событий.

В 1918 году согласно декрету о «монументальной пропаганде» памятник был подвержен реконструкции: он изображал серп и молот, был выполнен из дерева и фанеры и назвали его «Освобожденный труд». Перед ним была установлена трибуна, с которой новое руководство приветствовало народ в дни различных праздничных торжеств.

Внутри этого памятника обустроились беспризорные, которые для обогрева развели там костер, и революционное «творение» полностью сгорело.

К десятилетию революции на останках Кауфманского постамента была установлена шестигранная стела, увенчанная восточной башенкой и флагом. На стелу была нанесена надпись арабским шрифтом: «Октябрь – маяк мировой революции. 1917–1927». Через два года колонну пришлось убрать. Причина в том, что

в 1929 году Узбекистан перешел на латиницу, а в последующем – на кириллицу.

Совсем недолго, до весны 1930 года, здесь находился нелепый агитационный комплекс с бюстом В. И. Ленина и призывом «Пятилетку в 4 года». Затем середину Сквера занимала одинокая трибуна в окружении мортир, вскоре исчезла и она. В сентябре 1935 года в прессе появилась заметка под заголовком «Прошлое должно быть уничтожено», в которой сообщалось: «В ночь на 28 сентября намечен взрыв фундамента, на котором до революции стоял памятник генералу Кауфману в сквере Революции (Ташкент). Взрывные работы производятся управлением благоустройства совместно с Взрывпромом». Через самую сердцевину Сквера прорубили крест-накрест две широкие дороги. На открытках «Союзфото», похожих на любительские карточки, по мокрому асфальту, как по черному льду, скользят тяжелые «эмки» и изяшные велосипедисты, из-за деревьев выглядывает куполок филатовского павильона. Перед Второй мировой войной Сквер превратили в проезжий перекресток, который соединял улицы Энгельса и Маркса.

После окончания Второй мировой войны в 1947 году рядом со Сквером построили куранты. Фронтальной трофеей – механизм ратушных часов – был установлен на 30-метровой башне. Архитектор этого тридцатиметрового сооружения – А. Мухамедшин, отделку – резьбу по ганчу – выполнил Усто¹ Ширин Мурадов. Идея возведения курантов принадлежит жителю города И. Айзенштейну, который привез часовой механизм из Восточной Пруссии как военный трофей. За курантами находился парк культуры и отдыха имени Горького. Ныне там новое здание Народного банка.

В конце сороковых Сквер вновь огородили невысокой решеткой, а движение транспорта пустили по кругу. Центр Сквера занял памятник И. В. Сталину: высокий постамент с гербом СССР и флагами на барельефе, на котором возвышалась фигура вождя народов работы известного скульптора Меркурова. Памятник простоял до 1962 года. Но и ему пришло время покинуть свое место. Ночью медную фигуру опутали тросами, сдернули с постамента и увезли в неизвестном направлении.

Освободившееся место долго не пустовало. Постамент немного перестроили, и он стал, как говорили горожане, русско-узбекским словарем. На нем были высечены слова: «Мир – тинчлик, труд – мехнат... счастье – бахт, саодат».

Время вносило свои коррективы и в облик Ташкента, и в облик самого Сквера. После трагедии, потрясшей центр города (26 апреля 1966 года), трамвай, который бегал вокруг Сквера, сняли. Рядом взметнулась пятидесятиметровая громадина гостиницы «Узбекистан». Теперь к Скверу можно

¹ Усто – мастер.

доехать на метро, пройдя по подземному переходу, и выйти на его аллеи. А старожилы еще помнят кафе «Нилуфар», «Снежок» и уютный ресторанчик «Дружба». По воскресеньям здесь собирались филателисты, коллекционеры.

К 1968 году был установлен новый памятник. На постамент, облицованный красным мрамором, водрузили голову основоположника исторического материализма Карла Маркса и для убедительности выбили имя, фамилию и лозунг «Пролетарии всех стран – объединяйтесь!». По поводу этого памятника ходило немало шуток. Например, когда молодой человек опаздывал на свидание, то просил таксиста везти его поскорей к «лохматому». Граждане города называли его «памятник голове». Изготовил его скульптор Д. Б. Рябичев. Идея, которую пытался воплотить автор скульптуры, – факел из популярной тогда серии книг ЖЗЛ. Более двадцати пяти лет «украшал» он центр Сквера.

Государство, казавшееся нерушимым, раскололось. Узбекистан объявил себя независимым государством. Ташкент, освободившись от опеки «старшего брата», ступил на самостоятельный путь развития. Сквер получил название Центральный. Его перепланировали, убрали цветочный магазин, кафешки, ресторан. Голову Маркса незаметно сняли. В канун празднования 2-й годовщины независимости был открыт новый памятник. На торжестве, посвященном этому событию, первый президент Узбекистана И. А. Каримов отметил: «Наш народ, на протяжении долгих лет находившийся в колониальных тисках, был лишен возможности почитать своего великого соотечественника, воздать должное его историческим заслугам». С тех пор это место стало называется Сквером Амира Темура. В его центре установлена бронзовая скульптура Амира Темура на лошади. На постаменте на четырех языках: узбекском, русском, английском и арабском начертано: «Сила в справедливости». Это было главным лозунгом создателя огромной империи Темуридов, прожившего 69 лет (1336–1405). Памятник Амиру Темуру создали скульпторы Ильхом и Камал Джаббаровы.

В 1996 году в начале улицы Амира Темура, что через дорогу от Сквера, был построен Музей Темуридов. Перед зданием с зеленым куполом – плещутся струи фонтана. В книге почетных посетителей первый президент республики написал: «Государственный музей истории Темуридов является еще одним практическим подтверждением того, что в нашей стране восторжествовала историческая справедливость в отношении личности Сахибкирана Амира Темура. В этом музее, как в зеркале, отражается наше прошлое, настоящее и будущее. Тот, кто хочет осознать силу и мощь узбекского народа, его справедливость, безграничные возможности, огромный вклад, внесенный им в развитие всего человечества,

и на основе этого его веру в будущее, тот должен вспомнить образ Амира Темура». На куполе музея, как когда-то на портале Оксарая, запечатлены слова, сказанные Сахибкираном: «Тот, кто сомневается в нашем могуществе и щедрости, пусть посмотрит на построенные нами здания». К слову, недавно Сквер украсило великолепное здание Дворца Форумов Узбекистана. Все это в полной мере характеризует генеральное направление развития нашей республики.

философия искусства

**Нафиса
ГИЛЬМАНОВА**

Член творческого объединения при Академии художеств Узбекистана, доцент, старший научный сотрудник-исследователь Ташкентского Архитектурно-строительного института. Автор многочисленных научных статей и пособий.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ТЕМУРИДОВ

*О, ветер, ты за день весь облетаешь свет.
Лети в ту землю, где я не был много лет.
Кто позабыл меня — тех не тревожь напрасно.
Кто помнит обо мне — тем передай привет!*
Захириддин Мухаммад Бабур

Садово-парковое искусство наряду с архитектурными сооружениями – великое культурное наследие государства Амира Темура и Темуридов, нашедшее свое продолжение в деятельности Захириддина Мухаммада Бабура, разбившего сады на этапах своего пути завоевателя и созидателя в Кабуле, Дели, Агре, Девалпуре, Лахоре и других городах.

Захириддин Мухаммад Бабур, буквально пораженный прелестью садов Амира Темура «Услада сердца», «Райский сад», решил создать нечто подобное.

В 1504 г., завоевав Кабул, Бабур начал разведение садов, за что был прозван в народе Кабула Царем-Садоводом. Бабур впервые применил опыт выращивания среднеазиатских дынь и определенного сорта винограда, который и сегодня именуется в Индии и Пакистане «Самаркандским» (Ангури самарканди), а многие Бабуридские сады – «Виноградными» (Ангури Баг).

Захириддин Мухаммад Бабур, основавший обширную империю Бабуридов в Индии, просуществовавшую более трех веков вплоть до начала XIX столетия, был старшим сыном правителя Ферганского удела Омар Шейха Мирзы. Родился он в 1483 г. в Андижане в разгар междоусобной борьбы Темуридских правителей в Средней Азии за передел обширной территории созданного Амиром Темуrom великого государства. Потомок Амира Темура в пятом поколении, Захириддин Мухаммад Бабур унаследовал от него живой интерес к устройству великолепных парков с цветниками, рошами, зелеными лужайками, дворцами и беседками. Страстное увлечение Бабура искусством садов и зодчеством передалось и его приемникам – Хумаюну, Акбару, Джахангиру, Шах Джахану, Аурангзебу.

Считается, что сам Бабур создал в Индии десять садов: Шахар ара Баг, где росли великолепные платаны, Чар Баг, Баги джалухана, Урта Баг, Сурат Баг, Баги махтаб, Баги ахухана и еще три небольших садов. В 1508–1509 гг. вблизи форта Адинапур Бабур посадил знаменитый сад Баги вафо, изображенный во многих произведениях восточной миниатюры эпохи Бабуридов.

В лондонском музее Виктории и Альберта хранятся произведения миниатюрной живописи к Делийским рукописям с изображениями садов, иллюстрация к «Бабур-наме»

с изображением сада Баги вафо, разбитого Бабуrom в Адинапуре. Сад разделен на четыре участка. На одном растут банановое дерево и два кипариса, на другом на миниатюре изображен сам Бабур, наблюдающий за работой садовника. Позади них – апельсиновые и гранатовые деревья, усыпанные плодами. Хотя эти две миниатюры – отдельные произведения, но, объединив их, мы можем получить единое произведение, состоящее из двух взаимосвязанных картин. Это значит, что художник уже в то время создал некий диптих. Два произведения имеют даже единый колорит – охристо-красный. Замечательно то, что в этих миниатюрах детально прорисованы лица людей.

Сам Бабур следующим образом описывает сад «Баги вафо»: «Сад расположен высоко. Совсем рядом есть проточная вода. Погода в зимнее время мягкая. В центре сада за холмом, где находится четыре садовых участка, протекает ручей, на котором стоит мельница. В юго-западной части сада имеется водоем, вдоль которого растут апельсиновые и гранатовые деревья. Это самое красивое место сада. Особенно оно хорошо, когда поспевают апельсины. Сад этот поистине расположен превосходно».

Бабур вошел в историю не только как полководец и правитель, но и как садовод, ученый и поэт, оставив богатое литературное и научное наследие.

Будучи автором «Бабур-наме» («Записок Бабура»), автобиографического произведения, отражающего историю народов Средней Азии, Афганистана и Индии конца XV – начала XVI вв., талантливый писатель, ценитель искусства, литературы и науки, оригинальный мемуарист, Бабур занял заметное место среди выдающихся деятелей науки и культуры средневекового Востока.

Тонко чувствующий красоту природы, Бабур оставил в «Бабур-наме» совершенно поэтические описания нарядных деревьев и садов, расположенных в окрестностях Кабула. Особенно восхищала Бабура деревня Исталиф вблизи Кабула. Название деревни восходит к греч. «σταφυλή» («виноград»), она всегда славилась своими виноградниками, знаменитой керамикой и вином, традиционно разливаемым в голубые кувшины местного производства. В 90-е годы XIX столетия виноградники уничтожили, деревню разрушили, но сейчас дома восстановлены, горшечное производство возродилось. Местная керамика, окрашенная лазуритовой крошкой и покрытая прозрачной глазурью, узнаваема и очень красива. Восстанавливаются также архитектура и знаменитые сады Захириддина Мухаммада Бабура. Сам Бабур так описывал деревню:

«Не так уж много деревень можно сравнить с Исталифом, прекрасными фруктовыми садами, раскинувшимися по обе стороны широкой реки, вода которой прозрачна и холодна, как лед. А Улугбек Мирза насильственно захватил ее Великий сад. Заплатив за него, я стал его хозяином. Недалеко от сада расположен привал, прекрасный, зеленый, укрытый тенью высоких платанов. В центре сада протекает ручей, по берегам которого растут деревья. Раньше он бежал по извилистому, неправильному руслу. Я выпрямил его, привел в порядок; так что здесь стало очень красиво. Я отдал приказ обнести источник каменной кладкой из известняка и по обе стороны от него построить симметричные прямоугольные площадки, с которых открывался бы вид на все поле багряника. Если и существует в мире такое место, которое могло бы сравниться с этим, когда багряник в полном цвету, то я о нем не слышал. Здесь растёт очень много кустов желтого и красного багряника, и цветут они одновременно. На склоне холма я построил большой павильон,

вокруг которого посадил ивы. Чтобы доставить сюда воду, я приказал провести по склону холма канал от ручья, протекающего в долине юго-западнее Сех-уарана».

Эта картина, описанная Бабуром в «Бабур-наме», изображена на одной из миниатюр художника Према к Делийским рукописям. Здесь же изображен Бабур в весеннем саду с ястребом в руках на берегу построенного им канала Ходжа Сеярана близ деревни Исталиф. В верхней части миниатюры – танцующий павлин с хвостом-веером, вдали на скале – два горных козла. Несомненно, это одна из лучших иллюстраций к «Бабур-наме».

Бабур пишет об успехах в садоводстве с такой же гордостью, с какой повествует о своих замечательных военных победах.

В садах Бабуридов было огромное разнообразие растений. По литературным источникам, в Кашмире особенно часто сажали темный кипарис, иву, тополь, платан. Из фруктовых деревьев в садах Бабура росли яблони, фиги, манго, кокосовые пальмы, бананы, лимоны, апельсины, вишни, сливы, гранаты, персики, гуавы, мандарины; из цветов – розы, маки, нарциссы, дельфиниумы, лилии, лотосы, сирень, тюльпаны, ирисы и многое другое. Только тюльпанов у Бабура росло 33 разновидности.

В ноябре 1525 г. Бабур в пятый раз вторгся в Индию. 21 апреля 1526 г. он вступил в сражение с Ибрахимом Лоди при Панипате и разгромил его войско, а вскоре после победы приказал разбить в Панипате сад и отдыхал здесь в течение нескольких дней, прежде чем отправиться в Дели и Агру.

Обосновавшись в Агре, он тоже обустроил сад, стремясь украсить монотонный унылый пейзаж.

Он старался, чтобы посадки были сделаны упорядоченно и симметрично, а вокруг струилась вода. Возможно, что этот сад в Агре он спланировал лично, так как имеются упоминания о том, что привезли садовников, плотников и резчиков по камню, но не сохранилось ни одного упоминания об архитекторах. Вскоре Бабур осознал, что в Индии нельзя воссоздать столь любимые им сады Кабула или Самарканда, поэтому индийские сады более открыты по своей структуре и более архитектурны.

«Но в конечном итоге, так как вблизи Агры не удалось найти ничего достойного, я был поставлен перед необходимостью использовать наилучшим образом то, что имелось. Прежде всего я приступил к постройке большого колодца, который бы снабдил бассейны водой; моим следующим шагом было приведение в порядок участка земли, где растут сейчас амбли (индийские тамарины) и сооружен восьмиугольный водоем; затем я приступил к строительству большого водоема и его ограждению; потом – к созданию водоема и талара (большого приемного зала) перед каменным дворцом. После завершения работ в саду были построены личные покои, а позже – бассейны. Таким образом, работа велась без всякой последовательности и тщательности, на индийский манер, но мне удалось, тем не менее, воздвигнуть сооружения и создать сады, отвечающие в значительной мере требованиям регулярной планировки. В каждом саду я симметрично разбил клумбы и украсил их тюльпанами и нарциссами».

Безусловно, следует иметь в виду климатические особенности северной Индии, Афганистана, климат которого был значительно мягче тропического климата Центральной Индии, где большую часть года господствуют жаркие и сухие ветры, а потом приходят влажные муссоны, наступает сезон дождей.

«Три вещи угнетали нас в Хиндустане – его жара, его ужасные ветры и его пыль. Большой сад служит защитой от них всех; когда находишься там, разве замечаешь пыль и ветер? И в жару там так прохладно, что почти замерзаешь», – записано в воспоминаниях Бабура в «Бабур-наме».

Бабур обладал двумя качествами, необходимыми садоводу: увлеченностью растениями и вниманием к деталям. Даже постоянно проживая в Индии, он посылал своему управляющему в Кабуле распоряжения о том, как следует поливать сады и как ухаживать за цветами.

Ничто не ускользало от его внимания: ни подбор цветовой гаммы олеандров, ни организация ввоза фруктовых деревьев из других стран, ни детали устройства ирригационных систем.

В своих мемуарах Бабур рассказывает о том, как он приступил к посадке сада на берегу реки Джамны, называемой теперь Рам Баг: «Я всегда считал, что одним из главных недостатков Индии является необходимость создания искусственной водной системы. В мои намерения входило всюду, где бы я ни устраивал свои резиденции, строить водяные колеса, сооружать искусственные водоемы и создавать изысканный сад регулярной планировки. Вскоре после моего прибытия в Агру я проехал по Джамне, изучая окрестности, в надежде найти подходящее место для сада. Все было настолько бесплодно и отвратительно, что я вернулся назад, испытал чувство горечи, и был вынужден отказаться от своего намерения создать Чар Баг». Индийцы, не знакомые до этого с таким родом деятельности, стали называть берег Джамны, на котором были построены дворцы Бабура, Кабулом. Впервые увидев персидское колесо в садах недалеко от Джелума, Бабур пишет: «Мы увидели колесо с ведрами, приказали доставить воду. Служители приступили к работе. Мы приказывали доставать воду еще и еще. Вода подается молодым деревьям при помощи ведер и колеса. Деревья постоянно орошаются в течение двух или трех лет: после этого вода к ним не поступает. Некоторые овощи орошаются постоянно».

В своих мемуарах Бабур перечисляет все растения, которые ему довелось увидеть в Индии. В 1528–1529 гг. он записал свои наблюдения над животным и растительным миром этой страны. Список фруктовых и декоративных растений, составленный Бабуром, представляет определенную ценность: благодаря ему мы располагаем достоверными сведениями о растительности Индии начала XVI в. Среди цветов Бабур упоминает гибискус, олеандр, кеору, чамбели и белый жасмин. Считается, что именно Бабур впервые привез в Индию благоуханную персидскую розу. Среди фруктовых деревьев он упоминает манго, банан, тамаринд, махуа, бер, амалу, липу, цитрон, галгал и апельсин сантра, описывает джаман и камрак, которые ему раньше не доводилось видеть, называет финиковые и кокосовые пальмы. Особое восхищение у него вызвали плоды манго: «Из плодовых культур, характерных только для Индии, можно назвать манго. Местные жители называют его «амбех» или «нагзак». Действительно, немногие плоды так хороши. Манго – лучший фрукт Индии. Существуют две разновидности манго. Плоды одного вида размягчают, сжимая в руке, делают отверстие и выдавливают сок. Плоды другого вида похожи на персики карди. Перед едой их необходимо очистить. Да и листья манго напоминают листья персиков. Манго превосходного вкуса можно встретить в Бенгалии и Гиджерате».

Бабур также описал необычные деревья Индии: о плодах джэк (*Artocarpus integrifolia*) он пишет: «По форме они напоминают хаггис (гипа) – начиненный овечий желудок; его вкус – приторно-сладкий. Внутри плода есть косточки, похожие на финиковые, но круглой, а не продолговатой формы, они мягкие и съедобные. Плоды джэк очень липкие, и рассказывают, что люди, прежде чем съесть их, смазывают руки и рот маслом. Говорят, что плоды растут не только на ветках деревьев, но и на стволах, и даже на корнях. И кажется, что все дерево увешано хаггис».

Описания финиковых, кокосовых и тарипальм, оставленные Бабуром, могут представлять определенный интерес для современных ботаников и садоводов, для специалистов, изучающих тропические культуры.

Захириддин Мухаммад Бабур умер 26 декабря 1530 г. в Агре в возрасте 47 лет. Его похоронили в Баг Гули Афшан в Агре, на берегу Джамны, а в период правления Шер Шаха Сури останки Бабура примерно в 1540–1544 гг. были перевезены в Кабул и захоронены в Баги Калане, в саду, где он обычно отдыхал в тени дубов и платанов, любясь розовато-лиловыми цветами багрянника.

Индия знала много завоевателей, которые приходили и уходили, но только созидательная деятельность Мухаммада Захириддина Бабура навсегда оставила традиции среднеазиатской культуры, зодчества и искусства, резьбы по дереву и камню, храмовой архитектуры. Сады, построенные Бабуром в Кабуле и Индии, стали достоянием мировой культуры. В убранстве садовых павильонов были запечатлены характерные для среднеазиатских сооружений резные колонны с тонким цветочным рисунком и строгим и затейливым геометрическим орнаментом Востока.

литературоведение. литературная критика

**Дмитрий
ПУПЕНИН**

Окончил ТГПУ им. Низами по направлению «Русский язык и литература». Преподаватель кафедры русской литературы и методики преподавания ТГПУ им. Низами. Исследует актуальные проблемы современной русской поэзии.

ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА В КНИГЕ «БОСИКОМ ПО ОБЛАКУ»

Поэтическое творчество Владимира Баграмова – весьма заметное явление в современной русской лирике Узбекистана, обладающее несомненной художественной ценностью и требующее серьезного научного подхода к исследованию его художественно-эстетических, жанровых особенностей, идейно-тематического содержания.

Поэтический сборник В. Баграмова «Босиком по облаку» отличается тематическим разнообразием: стихи, посвященные родине, дружбе, любви, войне, стихотворения философского содержания, но особый интерес вызывают стихи о любви, поскольку они, на наш взгляд, выполняют ряд важных художественных функций в структуре, композиционной организации сборника. Попробуем выявить и описать функциональные особенности таких стихотворений.

Открывает сборник Владимира Баграмова «Босиком по облаку» стихотворение «Я люблю тебя до дрожи...». Стихотворение (как и весь поэтический сборник) В. Баграмов посвятил супруге Нине Валентиновне. Автор обращается к возлюбленной, адресует ей прощальное послание в надежде, что оно станет утешением в дни, когда поэта не будет в живых.

Герой стихотворения обещает возлюбленной не покидать её никогда, даже после смерти. Он будет напоминать о своей любви через образы природы, продолжит земной путь, воссоединившись с мирозданием.

Первая строфа представляет два противоположных смысловых полюса: один заключает проявление высшей степени человеческих чувств, в частности, любви, другой представляет размышления о конечности жизни, герой чувствует приближение смерти:

*Я люблю тебя до дрожи,
как давным-давно мечталось.
Знаю, мысль тебя тревожит,
что немного мне осталось¹.*

Два совершенно противоположных, и в то же время

таких близких явления человеческого бытия – жизнеутверждающая мощь любви и губящая все живое смерть – представлены в стихотворении как нерасторжимое целое. Герой пронес своё чувство через всю жизнь, но только осознание приближающегося конца помогло ему по-настоящему глубоко осознать любовь, её истинное назначение.

Здесь звучит мысль о том, что любовь является великой тайной, которую человек постигает на протяжении всей жизни. Герой открывает для себя новое состояние, другие грани любви.

Сюжет стихотворения В. Баграмова во многом перекликается с сюжетом стихотворения К. Батюшкова «Привидение»¹ (1810).

Лирический герой К. Батюшкова тоже обещает любимой являться к ней после смерти, наблюдать за возлюбленной тайно, ненавязчиво, оберегая её покой. Он хочет лишь восхищаться красотой девушки, никак не выдавая своего присутствия.

Герой В. Баграмова так же, как герой К. Батюшкова, даёт о себе знать только через сферу природных явлений: «теплым дождиком весенним», «на облаке прекрасном» (у Баграмова); «лилия листьями ко груди... прильнет», «яркими лучами... огонь блеснет» (у Батюшкова). Любовь в этих стихотворениях представляется чем-то незыблемым, неисчерпаемым, подобным природным стихиям, без которых невозможно представить окружающую действительность.

Примечательно, что встреча с любимой у лирических героев Баграмова и Батюшкова происходит под покровом ночи. Ночь – это время вдохновения и чувства, время решительных поступков.

В этом стихотворении поднимается не только тема бессмертия любви, но и тема бессмертия человеческой души вообще. Поэт уверен, что смерть – это ещё не полный исход человеческой жизни, часть души остаётся в физическом мире, сливается с мирозданием.

После смерти герой обещает не отречься от своего творческого созидательного предназначения. В реальной действительности он познавал мир посредством поэтического дара, а в ином, духовном, пространстве он сам становится частью мироздания, сливается и присутствует в каждом движении природы:

*Не печалься, свет мой ясный,
лист стихов подальше спрячу,
но на облаке прекрасном
профиль милый обозначу².*

Таким образом, стихотворение содержит ряд философских суждений поэта о метафизических проблемах человеческого бытия.

В заключение в стихотворении звучит прямое обращение к адресату: «Ангел мой голубоглазый, / как теперь тебе живётся?», выражающее истинно глубокое чувство любовного сопереживания, неразрывную связь с любимой, осознание трагизма неминуемого расставания с самым дорогим человеком.

Лирический герой осознает всю тяжесть жизни без любви, без близкого человека, сопереживая возлюбленной.

В стихотворении «Я люблю тебя до дрожи...» можно выделить образ-мотив, похожий на зачин в русской народной сказке, – «давным-давно». В другом стихотворении В. Баграмова «Камин построит мне жена...» этот образ становится ведущим, настойчиво повторяется в поэтическом тексте

¹ Батюшков К. Н. Привидение. Из Парни. В сборнике «Чудное мгновение. Любовная лирика русских поэтов». – М.: 1988. – С. 79.

² Баграмов В. Босиком по облаку: стихи. – Ташкент: 2008. – С. 4.

и приобретает конкретное художественное воплощение и значение. Образ наполняется эмоционально-чувственным содержанием: мечты, возникшие в юношеские годы, стали воплощаться в жизненной реальности на закате жизни героя. Это мечты о любви, семье, музе. Герой достигает покоя, умиротворения в тот момент, когда в его духовный внутренний мир возвращается ощущение юношеских грез.

Образ-мотив «давным-давно» всегда сопровождается словами «хотел», «желал», «мечталось». Герой даёт оценку прожитой жизни, подводит итог своим исканиям. Он принимает свой жизненный путь во всей его полноте: со взлётами и падениями, творческими свершениями и неудачами: жизнь человека не может быть безупречной и идеальной, но важно не жалеть об утраченных возможностях, не отказываться от прошлого, а достойно принять её такой, какая она есть.

Обращаясь к стихотворению «Камин построит мне жена...», в частности, к образу-мотиву «давным-давно», мы обнаруживаем, что этот образ обладает объёмным художественным содержанием, углубляющим смысл стихотворения и как-то влияющим на стихотворение «Я люблю тебя до дрожи...», где мотив «давным-давно» тоже присутствует и соответствует идейной концепции стиха.

В стихотворении «Ангел-хранитель» поэт изображает образ любимой. Женщина, которую воспевают лирический герой, наделена сверхчеловеческими качествами: она и пророчит удачу, и исцеляет душевные раны, и защищает от бед и невзгод. Это сверхъестественные качества, которые проявляются именно тогда, когда герой в них особенно нуждается. Любимая чувствует и понимает переживания поэта, зная его так же, как он знает самого себя (отсюда название стихотворения – «Ангел-хранитель»). Ведь человек всегда ощущает присутствие высшего создания, которое проникает в его душу, чувствует боль. Героиня В. Баграмова предстает в стихотворении в облике *земного* ангела (хотя в тексте стихотворения поэт подчеркивает её происхождение, называет земным именем – *женщина*).

Любимая женщина – не только ангел-хранитель, но и муза поэта. Она пробуждает и поддерживает дар творца в моменты упадка душевных сил, творческой энергии:

*Когда устану, ошалев от дел,
когда с похмельем заведу на пару, –
нальёт рассола, принесёт гитару,
и тихо скажет: «Ты давно не пел».¹*

Любовных стихотворений в сборнике совсем немного, всего три. И расположены они в начале («Я люблю тебя до дрожи...», с. 4), середине («Романс», с. 29) и в конце («Ангел-хранитель», с. 66). Это скорее случайность, а не авторский умысел. Однако два из трех стихотворений посвящены супруге поэта и находятся они как раз в начале и конце книги, эти стихотворения будто обрамляют поэтический сборник.

Если проанализировать тематическое содержание поэтического сборника, то логика подобного размещения стихотворений о любви очевидна.

Стихотворения, вошедшие в книгу – это воспоминания о прошлом, о детстве и юности; рассуждения о смысле жизни, добре и зле, деяниях человека. Эта книга – своеобразный творческий итог, в ней собраны мысли и чувства человека, который знает жизнь, видит суть вещей, познал сложность человеческой души, открывает правду о мире. Любовь «опоясывает» мир поэта, она

поддерживает его, охраняет, не даёт расколоться на части. Весь жизненный путь творца – это путь любви, её постижения.

Если в стихотворении «Я люблю тебя до дрожи...» герой говорил о своих чувствах, то в «Ангеле-хранителе» он рассказал о любви «своей женщины». Эти два стихотворения составляют как бы единое целое, это две части одной истории любви. Однако в сборнике они расположены в начале и конце. Можно предположить, что все лирические произведения, находящиеся между ними, как бы раздвигают смысловые границы проблемы любовных взаимоотношений двух людей, представляют определенные мировоззренческие суждения поэта, формируют его систему ценностей. Таким образом, рассматривая стихотворение «Ангел-хранитель» в контексте всего поэтического сборника, можно прийти к выводу, что любимая женщина лирического героя не просто понимает поэта (на духовном или бытовом уровне), но разделяет его представления о мире и человеке.

Рассматривая содержание двух стихотворений как взаимодополняющие части целостного поэтического произведения, приходишь к очевидному выводу, что лирический сюжет благодаря им приобретает иные масштабы, выраженные в развитии хронотопа. Герой присутствует сразу в двух пространствах: в мире физическом, где он всюду напоминает о своей любви («Я люблю тебя до дрожи...»), и в сакральном мире, в котором он «воспевает свою женщину» («Ангел-хранитель»). Подобная пространственно-временная организация стихотворений позволяет не только наблюдать широту охвата поэтической мысли, но и отражает философское восприятие поэтом действительности.

Звуковой строй этих стихотворений аналогичен: поэт настойчиво повторяет гласные звуки [a], [o]. Несмотря на то что стихотворения передают состояние грусти, выраженное в прощальных трагических интонациях, использованный ассонанс привносит в стихи нечто светлое и доброе: настроение светлой грусти, а не беспросветного мрака, безнадежности.

Третье любовное стихотворение «Романс» резко отличается от рассмотренных. Если стихотворения «Я люблю тебя до дрожи...» и «Ангел-хранитель» по содержанию можно отнести к интимной лирике, поскольку герой говорит о глубоко личном, обращается к конкретной женщине, вспоминая пережитые вместе чувства, то «Романс» – это скорее декламативное произведение, предназначенное для публичного прочтения. Здесь нет личностной конкретности, камерности, лирический герой говорит о возлюбленной несколько отстраненно. Это ещё один довод в пользу того, что между стихотворениями «Я люблю тебя до дрожи...» и «Ангел-хранитель» есть связь, которая полностью воплощена в композиционной структуре поэтического сборника.

Таким образом, любовная тема занимает одно из центральных мест в художественном пространстве поэтического сборника В. Баграмова «Босиком по облаку». Обрамляя ряд философских стихотворений и будучи сами связанными с такими темами: тайны любовных переживаний, бессмертие души, смысл жизни и др., стихотворения о любви выполняют определенное функциональное назначение в композиционной структуре сборника, расширяют смысловые границы поэтического текста.

¹ Баграмов В. Босиком по облаку: стихи. – Ташкент: 2008. – С. 66.

проза

Николай ПОПОВ

ЗАПИСКИ МИГРАНТА¹

Рассказ

МАНДРАЖ

Вопрос регистрации меня не беспокоил. Получив гражданство, жена передала мне в наследство устную договоренность о моей фиктивной регистрации у хозяйки, где ранее была прописана сама.

– Да без проблем, – заверила та. – Для нас деньги не лишние...

Стоически преодолев испытание очередью, я вместе с хозяйкой и необходимой документацией пробиваюсь к паспортистке. Чиновница очень внимательно, букровка к букровке, сверила документы. Пробив по компьютеру вписанных в домовую книгу жильцов, перевела взгляд на мою хозяйку:

– Площадь вашей квартиры юридически исключает возможность регистрации по данному адресу...

– Как это так? – возмущается моя хозяйка.

– Вот так, – спокойно отвечает инспектор, закрывая домовую книгу. – Квартира не резиновая... Разбирайтесь в своем жилищном управлении. Попросите следующего...

Дальнейшие выяснения могли затянуться на неопределенный срок, и не факт, что результаты оказались бы положительными. Моя добродетельница извинилась, что не смогла быть полезной. На вопрос, кого бы она могла порекомендовать для решения моей проблемы, лишь пожала плечами. У меня совсем не оставалось времени. Реальной угрозой становилось нарушение регистрационного режима. Вот тут у меня и начался мандраж...

По возвращению домой я доложил «руководству штаба» о ситуации. Идеи жены по этому вопросу иссякли, у дочерей свои проблемы. Зять, считающийся самым толковым в житейских вопросах, изрек:

– Пока дело не доведено до конца, не получено гражданство, вам нет резона прыгать из региона в регион – лишняя канитель, которая только затянёт процесс. Так что вооружитесь терпением, езжайте в свой городишко и там уже на месте поспрошайте... Наверняка найдется желающий заработать. И не один. Я внял советам зятя, недавно прошедшего казуистическими путями мигранта. А что оставалось?..

Рассчитав время, я прибыл в ФМС загодя днем, чтобы была возможность полткаться среди народа – таких же бедолаг, как я. Депардье, разумеется, здесь не встретишь. Чем черт не шутит, а, может, кто и подскажет адресок хозяев с площадью или поделится своим зафрахтованным владельцем недвижимости...

Занял я, значит, на всякий пожарный очередь и интересуюсь у того-другого – делюсь сердечно своим аховым положением. Многие отмахиваются: «Нет... не знаем... Подложная регистрация – дело сомнительное... Прознают – попрут из России...» Другие, посмелее, отзываются: «Да мы сами такие... Вот, мол, нашлись добрые люди, свели с владельцами, имеющими излишки площади. Естественно, сам понимаешь, не птичка в клювике... за всё плати.

– Ты, мужик, завтра пораньше приходи, – успокаивал меня сердобольный земляк. – Их, посредников, утром здесь много толчется, найдут тебе «хозяина».

Воодушевленный, я все-таки остаюсь до самого закрытия ФМС. Идти мне всё равно некуда, кроме как на вокзал. А так, думаю, прослежу историю своей очереди.

Под занавес убедился, что решение мое было верным. Люд, который не успел попасть на прием в текущий день, единогласно решает перенести список на завтра. Хорошо, думаю. Сердце ликует, я ведь оказываюсь в числе первых. «...Не зря я здесь весь день околочивался». Мы коллективно решаем, кому спозаранку подкатить под двери фэмээс, чтобы заявить вновь прибывшим о списке. А быть-то нужно часикам к пяти утра... а на дворе-то уже начало декабря!..

Мнется народ нерешительно. Я хотел было заявить о своем желании, да, видать, Господь остановил меня от опрометчивого шага, послав мысль: «А где же ты ночь-то перекантуешься?..» Наконец парочка, похоже молодожены, взяла на себя миссию со списком, но раньше восьми подойти не обещались. На этом и расстались...

Я потопал на вокзал – единственный бесплатный приют в этом городишке. Нужно было укрыться от холода и перекусить. В вокзальном кафе просидел до закрытия, потом переместился в зал ожидания, где народу к тому времени было уже немного. Оплавленными свечами виднелись из-за спинок сидений фигуры пассажиров. Каждый стремился уединиться. Я тоже отыскал укромный уголок с намерением немного забыться. Звучавшие из динамиков объявления жестко прорезали сонливость атмосферы. Периодически прохаживались по залу стражи порядка, рентгеном буравя контингент. Я невольно тарашился на большие вокзальные часы – время тянулось чрезвычайно медленно. О том, что оно все-таки движется, заявляли гнездящиеся там и сям бомжи, устраиваясь на ночлег. Сквозь патуку дремы замечаю правоохранителей, системно следующих по рядам и проверяющих лица на предмет нахождения в помещении вокзала. Вот и надо мной нависает пара полицейских. Я особо не волнуюсь – срок трехмесячной регистрации у меня еще не истек.

– Здравствуйте! Ваши документы? – вежливо обращаются ко мне.

Я протягиваю свои зеленые узбекские корки. Пролистав паспорт, полицейский удовлетворенно кивает.

– Билет?

Честно им объясняю, мол, билета у меня нет, так как никуда не уезжаю. А наоборот, прибыл, чтобы вновь зарегистрироваться на год после получения вида на жительство, и тычу в страницу с красной печатью.

Полицейский недружелюбно усмехается:

– Это я и сам вижу.

– Я сейчас сбегаю в ФМС, проверю свою очередь и снова вернусь, – наивно я хлопаю глазами.

– С половины первого до половины третьего находиться на вокзале без проездного документа запрещается – указ президента. Так что, будьте любезны... – флегматично указывает на дверь страж.

Уяснив категоричность заявления, я вышел на улицу, где уже жались по углам и тряслись от холода забудьдги, тоже не избежавшие злой участи. «Какой бессердечный указ...» – подумал я. Натянув капюшон, застегнув все, что было на куртке, спасаясь от пронзительной стужи, зашагал в сторону ФМС. Один, глубокой ночью, в чужом городе, без надежды на тепло...

Возле учреждения никого еще не было, но в ручке металлической двери торчал свернутый рулончиком листок с вписанными в него тремя фамилиями. Я добавил свою и сунул бумагу на место. Теперь моя фамилия фигурировала уже в двух списках. Холод проникал в самые сокровенные уголки моего «я». Немного помявшись, в тшетной надежде дожидаться следующего очередника, я решил возвратиться на вокзал. Думаю, куплю билет и буду там в тепле, как кум королю... До новой вылазки.

Не успела захлопнуться дверь, как будто из-под земли выросший полицейский преградил мне дорогу.

– Куда? Билет!

Я улыбнулся сведенными от мороза губами как мог обаятельнее.

– Так я же говорил, скоро вернусь... Сейчас приобрету в кассе билет и буду иметь законное основание...

¹ Окончание. Начало в № 1 и № 2, 2017 г.

– Кассы не работают до половины третьего, – очевидно восприняв мою улыбку как гримасу, резанул он.

Под злорадные взгляды трясущихся у входа вокзала чмырей я повернул восвояси. У ФМС всё было по-прежнему, также дубарно и безлюдно. Моя фамилия сиротливо замыкала кушый список. Складывалось впечатление, что, кроме меня, этот ФМС на хрен никому не нужен. Через час холод сковал даже мои внутренности. Мелкая дрожь сотрясала всё мое существо. Нужно было где-то согреться. Неподалеку сверкали неоновые вывески маркета с цифрой 24. К магазину подъезжали авто, мелькали люди. Не в силах сопротивляться холоду я мотыльком полетел на свет. Купив пакетик «Королевских креветок», я пристроился у витража внутри магазина и млея от удовольствия. Всё было не так уж и плохо... Я похрустывал чипсами часа полтора, поглядывая в окно, казалось, ситуация возле ФМС не менялась. Однако, подойдя, я обнаружил припаркованный легковой автомобиль и не обнаружил списка в дверной ручке. В растерянности я постучал в стекло автомобиля:

– Вы не видели здесь списка? – когда стекло бесшумно сползло вниз.

– Нет, – отрицательно замотал хозяин авто головой. – Я подъехал около двух часов, никого и ничего здесь не видел... О! Привет! – вдруг воскликнул он, протягивая мне руку. – Я вас узнал. Это мы с вами остались из вчерашнего списка. Садитесь в машину, – он отворил дверцу.

Я узнал того самого сердобольного земляка, что успокаивал меня. Мы легко перешли на «ты». Не дожидаясь моего вопроса, он выпалил:

– А я приехал – никого нет. Вот, завел новый список... Естественно, себя вписал первым, – потряс он бумажкой. – Никаких претензий ни от кого не принимаю... Пусть они подежурят в ночи, как я. А то валяются себе в тепленьких постельках. Ни хрена... – кому-то незримо грозил Анатолий. – Хочешь, запишу тебя вторым...

Я согласился на второго. Незачем было оспаривать приоритет, у меня еще даже «хозяина» не было.

– А как же вчерашние люди из списка, молодожены?.. – поинтересовался я.

– Да хрен с ними! Они спят, наслаждаются, а мы с тобой мёрзнем. Посмотрим по ситуации. Может, добавим после меня... Тебе же торопиться некуда, в общем, разберемся. Оставайся в машине, будем вместе дежурить.

Словоохотливый Анатолий рассказал, где жил и чем занимался в Ташкенте, с горечью сообщил, что никак не может пробиться через бюрократические препоны.

– Главное, есть собственная квартира, а прописаться не могу... – в сердцах возмутился он. – То того документа не хватает, то этого. Везде нужны деньги, деньги... Сколько я уже их отдал!..

Подъезжали автомобили, их владельцы интересовались, в какой кабинет наш список, заводили свои, если оказывалось, что им нужно в другой отдел. Теперь уже несколько машин со своими списками дежурили у бронированной двери. К шести утра пятачок у входа заметно оживился.

Тем, кто записывался в наш список, я задавал свой неизменный вопрос. После нескольких неудач, уже отчаявшись, наконец-то я подсек караса – молодого мужчину, занимающегося жилищным посредничеством.

– Да, – сказал он, – есть такой человек.

Однако выдвинул мне свои условия. Мол, у него имеется клиент, который сейчас торчит в очереди на получение РВП. Заглянув в наш список, добавил:

– Сегодня он уже не попадет, прием до обеда. А я уже договорился с хозяином. Хозяева – народ капризный, им день в день и без заминки. Его площадь позволяет прописать двоих. Если вы дождетесь моего клиента и вместе с ним проскочите на ваш номер, то проблемы отпадут к всеобщему интересу...

Выбора не было, и я согласился. Мы обменялись телефонными номерами и расстались.

Начался прием. Я занял место у двери кабинета. Грубо отставив свои вчерашние права, перед Анатолием пролезли молодожены. После моего земляка, испытывая беспокойство и нервозность, я пропустил перед собой еще несколько человек.

Наконец, раздался звонок. Заверив очередников, что скоро вернусь, я вышел на улицу. Мужчина на бегу представил меня будущему «соседу». Не мешкая, мы помчались в ближайшую богадельню готовить документы. Затем познакомились с хозяином. «Не хило...» – отметил я, когда тот выплыл из крутейшего Hyundai.

Не буду утомлять подробностями о том, как мы бегали туда-сюда, исправляя ошибки службы ненавязчивых услуг. Как полному невежде мне вновь пришлось общаться с банкоматом, оплачивая госпошину. Потому что прошлую квитанцию об оплате счета по собственной рассеянности я оставил предыдущей благотельнице. Выложив хозяину пятнадцать тысяч, я выжатым лимоном отправился домой. Представ перед домочадцами, ударил об пол шапкой и, собрав последние силы, возопил:

– Ур-р-а!.. Еще один рубеж покорен!

С НОВЫМ ГОДОМ! ИЛИ САГА О ФОРСИСТЫХ...

Отсалютовав пробкой в потолок, наше семейство, окрыленное наилучшими надеждами, пожелав друг другу счастья, вступило в новый год...

Не упуская случая насладиться дивным убранством столицы, мы сложившимся трио – мать, отец и младшая дочь – первого января отправились в Москву. Дочь повела нас по нарядным улицам города. Мы упивались созерцанием сказки... Упиваться и вкушать что-то более материальное нам не позволял ершистый, всё запрещающий бюджет... Немного промерзшие, зато преисполненные ярких впечатлений от вида праздничной столицы, мы вернулись домой. С Новым Годом!

Следующим днем дочь отбывала в Кабардино-Балкарию скатиться на сноуборде с вершины Эльбруса. Ей было хорошо. Праздники только начинались. Жена не испытывала особого желания ехать в Москву. В принципе я был предоставлен самому себе... Как хочешь, так и развлекайся в эти длиннющие российские каникулы... На мое счастье в Дмитров приехал из Ташкента погостить у своей дочери мой друг и коллега, бард и поэт Николай Павлович Сидоренко. В связи с необустроенностью нашей жилплощади, выбор общения пал на ее обжитую квартиру.

...Откупорили одну, сгоняли за другой. Потянуло на общение. Если раньше говорили о женщинах, теперь доминантой всплывали друзья.

– А не закатить ли нам в Москву?

– Ой, ради Бога, не сейчас... Я только оттуда, еще не успел отогреться...

– Ты не понял. У меня там друг бард. Да ты его знаешь. Эдик Нурханов... Помнишь его песню о маме?

– Помню. Хороший парень, послушал бы его с удовольствием. А ты помнишь Равшана? Я с ним вместе учился в Бенькова... – ташу я друга на свою тропу воспоминаний. – Он работал с тобой оформителем в парке Победы в Ташкенте, помнишь? Вот бы его подтянуть... Он тоже обитает где-то в Подмоскowie...

– Хм, еще бы я не помнил! Сколько было вместе перелопачено, перепето и перепито... Самое интересное, что они дружат с Эдиком и частенько встречаются. Сейчас позвоню Нурханову, и он доставит твоего Равшана в лучшем виде...

– Да ты что! – не удержался я от восклицания.

Мой тезка уже перелистывал записную книжку, и в несколько минут вопрос о встрече был решен.

– Завтра после обеда будь на вокзале, едем до Тимирязевской. Там на метро до Бабушкинской...

Выпили на посошок... В союзе с бюджетом я укатил домой на такси.

До обеда время тянулось медленно, плыло, как часы на картине Сальвадора Дали. Необходима была стимуляция, и я знал средство...

Вокзал Дмитрова встретил меня теплыми объятиями друга Николая и его дочери Оленьки. Я сообразил, что дочка выступала в качестве страховки. Прекрасно... Уже в электричке, меня самого сопровождал напутствующий голос жены из мобильного:

– Смотри, много не пей! Еще назад добираться...
 – С нами Оленька, дочь Николая, она нас не бросит, – игриво пошутил я.
 – Ну да, будет она там, бедняжка, с вами, пьяными мужиками, возиться...
 Затарившись необходимым в ближайшем к Эдику универсаме, мы позвонили в его дверь. Народ был в сборе, стол сервирован, супруга Эдика колдовала над последними штрихами. Нас окутал домашний уют и ёлко-палочная атмосфера Нового года, казалось, что, вцепившись друг в друга, мы уже не разомкнем объятий до конца вечеринки, так велика была тяга сердец, истомившихся на чужбине по настоящим друзьям. Россия не спешила признавать меня своим гражданином. Мы пили, пели, рвали души...

Тормошение Оленьки и голос из динамика электрички: «...Дмитров, конечная. Поезд дальше не идет, просьба освободить вагоны» – привели меня в чувство. Как оказалось впоследствии, гуманность Оленьки была безграничной. Мало того, что она домчала меня домой на такси, бережно, словно драгоценный сосуд, сдала меня с рук на руки моей благоверной. К сожалению, я этой милости не помнил, а может, и помнил, но, как водится в таких случаях, забыл...

От воспоминаний о вчерашних посиделках настроение было прекрасным. Я соколом вспорхнул с постели и, словно птица Феникс, был готов к новым свершениям.
 – А что, Николай тоже заночевал у нас? – робко задал я вопрос супруге, наткнувшись в прихожей на чужие мужские сапоги.

– Ты что, совсем память пропил? – не зло, но с нотками назидания отозвалась она. – Это же ты вчера в них пришел...

Я обозрел обувку. Признаться, сапожки мне не пришлись. Скорее наоборот. Сморщенные, местами облупленные, как побитая собака, они с грустью взирали на своего нового хозяина. «Откуда?..» Разумеется, с моими сапогами им не сравниться. Мои форсистые, недавно купленные, с любовью промазанные воском, начищенные до блеска гуталином... А эти... и смотреть-то больно, прости Господи. Стал я смеяться, в чьи же это сапоги я мог облачиться? «Нужно звонить Николаю, начать поиск с ближайшего окружения... Может, это он уплелся в моих славненьких сапожках?..»

– Давай иши, иши, – подталкивала к действиям жена, отреагировав на телефонную трубку в моей руке, – надо было такие деньжиши угробить... Нам самое время подарки раздаривать...

Я явно чувствовал на расстоянии, как гримасничал, пожимая плечами Николай, почуяв мою растерянность и неуверенность. Бессердечный хохол любил подтрунивать над друзьями в подобных ситуациях.

– Хм, а ты разве не помнишь?.. – вопрошал он очевидное. – Поклявшись Эдику в вечной дружбе, на прощание ты, как индеец команчи, обменялся с ним мокасинами, забыл?
 – Да пошел ты... – отблагодарил я жестокого пересмешника. А сам всё же задумался, стараясь припомнить вчерашнюю встречу... Сапоги упорно скрывались в закоулках сознания. «А этому лишь бы потешиться, тоже мне, нашел Мориса Мустангера...»

Весь день телефон молчал, никто ни о чем не заявлял. Однако расследование надо было продолжать, укоризненный взгляд супруги и жалкий вид приемной обуви побуждали к срочным действиям. Я снова к трубке. Эдика оставляю на потом как крайний вариант. Звоню Равшану. Захожу издалека, начинаю разговор непринужденно, чтобы сразу не обескуражить себя, наткнувшись на его неведение.

– Привет, – говорю, – как дела?.. Ну, мы класс посидели... Голова не болит?
 – С чего ей болеть? Я уже давно много не пью, пару рюмочек коньячка – и всё, норма... Сам-то как? – дружок никак не касался волнующей меня темы.

Была – не была, я решаюсь пойти ва-банк:
 – Спасибо, нормально... Вот только сапоги где-то потерял, – сообщаю ему удрученно, решив, что Равшан не ведает о судьбе моей обувки. – Может, у Эдика оставил? Буду звонить...

– Так это ты, значит, уперся в моих сапогах? – изумилась трубка. – Это была моя рабочая обувь... Как же ты умудрился влезть в них со своим сорок пятым размером? Я думал, это Сидоренко занырнул своей миниатюрной ножкой... У него тоже сорок второй...

Я уже не слушаю Равшана, охваченный радостной надеждой, справляюсь:
 – А мои-то сапоги у тебя?..
 – А где им быть? Я что, по твоей милости должен был домой добираться босиком? Мне некогда прохладиться, ждать, когда ты соблаговолишь объявиться, я работаю, братан.

Я представил свои форсистые сапожки, с каждым днем теряющие свой лоск, стекающие от беспощадной эксплуатации на службе у нового хозяина...

– Ты, что же, работаешь в них?
 – Обул подменку.
 – Я тоже твои сапожки не обуваю... – успокоил я друга, – упаковал в пакет. На улицу выхожу в своих стареньких ташкентских ботинках... Надо бы обменяться, – робко предлагаю другу.

– Теперь уж и не знаю, когда получится... Живу-то я, сам знаешь, не ближний свет. Как выпадет дорога в Москву, позвоню – где-нибудь пересечемся, как шпионы с контейнерами для закладки, – гогочет он. – Ну, ты и наделал делов...

– Да что же это такое? Я человек ревматический, болезненный, а ты заставляешь меня выходить босиком! – пытался я разжалобить друга словами чеховского фортепьянного настройщика Муркина.

– Потерпи, старик, постараюсь поскорее..
 – А он куда их не задевает? – забеспокоилась жена, узнав о нашем диалоге. Я пожал плечами.

Минуло несколько дней. В своих стареньких полуботинках с треснутой подошвой я выскакивал лишь по крайней нужде, ненадолго.

И пришло время встречать дочь. С надеждой на обмен я звоню Равшану:
 – Завтра буду в Москве, давай встретимся.
 – Не могу, только если послезавтра, буду в Москве встречать сына из Ташкента. Так что завтра никак не получится...

Я растерялся. Посоветовавшись с зятем, мы решаем ехать через Истру. Выедем пораньше. Хоть и предстоит крюк, зато покончим с этими чертовыми сапогами. Снова беру мобильник.

– Короче, по дороге в Домодедово мы заедем к тебе в Истру. Посмотрю, как живут буржуи, – пошутил я.

– Да брось ты. Я живу не в самой Истре, а в деревеньке... Хрен отыщешь. Участок мой почти в лесу, – пытался отговорить меня друг от нежелательного визита. – У меня и дом-то времянка...

– Найдем, у нас навигатор. Да не тушуйся ты! Мы не в гости, – успокоил я встревожившегося друга.

– Добро, как доберетесь, позвони, я выйду.
 – Вот тебе и помешичье гостеприимство, – ухмыльнулся я зятю.
 – Здесь «наши» все такие, Николай Андреевич, – безапелляционно, со знанием пройденной темы заверил зять. – Зовут только, когда ты далеко...

Деревушка встретила нас вечерней мглой и заснеженными сугробами. Не рискнув пробиваться к участку Равшана, мы остановились у продмага с сиротливо стоящим неподалеку деревом, увитым праздничными огнями. Я позвонил, обозначил другу координаты нашего местонахождения. Спустя минут двадцать в свете фар нашей машины возникает пробивающаяся по снежной целине фигура. Узнав Равшана, я выскочил из автомобиля и, окликнув его, пригласил в салон, усиливающиеся порывы ветра предвещали скорую метель. Как разведчик разведчику, мы передали из рук в руки абсолютно одинаковые пакеты торговой фирмы «Пятерочка», свидетельствующие о нашем материальном уровне.

– Точно Джеймсы Бонды, – усмехнулся зять, когда Равшан покинул машину. – Недостает только паролей...

Не реагируя на шутку зятя, я поспешил переобуться. Соскучившиеся по хозяину сапожки платили теплом за легкомысленность беспутного владельца, но старенькие ботинки я не спешил выбрасывать. Кто ведает, что еще может обрушиться на мою эмигрантскую головушку...

...КСТАТИ, О ДРУЗЬЯХ-ТОВАРИШАХ

– Колек, всё будет тип-топ, надо только решиться... Взять, рубануть и всё! – рассекая ладонью воздух, убеждал меня давний дружок Володя Кастрюлькин.

Столкнулись мы с ним случайно, когда он приехал домой в Ташкент из Москвы в одной из кафешек по улице Буюк Ипак Йули, прозванных в народе «Камыши». Да, да, друзья мои, так давно это было. «Камыши» были излюбленным местом любителей сообразить экспромтом... С благоговением внимал я Кастрюлькину, его рассказам о вполне приличном бытии и весьма недурных доходах, о московских благодатях. Не скупясь, он подливал елей в тлеющую лампаду моего желания перебраться в Россию.

– Поднимать в месяц полторы тонны баксами, я думаю, неплохо, как считаешь? Могу себе позволить пару раз в год навестить жену, матушку... Да вот, кстати, и тебя могу угостить, – распаялся Кастрюлькин. – Еще любовница у меня здесь в Ташкенте, а это, братан, тоже не хухры-мухры, – доверительно шептал на ухо Владимир.

Признаться, он меня поражал. В настоящий момент я едва сводил концы с концами. Огромные и постоянно растущие суммы требовались для оплаты обучения дочери в институте. Контракт безжалостно пожирал добываемые мною средства. Володькины доходы казались чем-то нереальным, просто фантастическим.

– Думай, Колек, – мылился Кастрюлькин, – надумайся – приезжай, жить будешь вместе с нами. Мы снимаем квартиру с одним пареньком, тоже художником из Ташкента. Втроем, естественно, и платить будет легче. Я в основном проектирую интерьеры, работаю в программе 3D MX... Ты, как я помню, в этом не волокешь. Но не переживай, тебе я работу найду по твоему профилю – в издательстве тоже есть завязки. Будешь заниматься книжной графикой, полиграфией... Давай за скорую встречу в Москве!

– У меня там тоже есть дружба еще по «Союзторгрекламе» – Леха Обнималин. Мы с ним на одном из конкурсов познакомились. При деньгах, я, бывало, закатывал к нему в Москву. Во гудели! Племянника с мужем... Да и просто знакомые... – начал я робко перечислять своих знакомых россиян. – Из наших, беньковцев, Равшан недавно укатил... Тоже здесь в «Камышах» присели напоследок... Рустик не знаешь где? В Москве, Ташкенте?.. Я недавно о нем интервью читал в «Bella Terra». Нет-нет, мелькает в российских фильмах... Не слышал?..

– С Равшаном иногда видимся, он малюет восточные росписи частному сектору, а Уразаев не знаю где, он птица высокого полета, нам не чета... Сам говоришь, интервью в журналах... Короче, Никола, чтобы осуществлять что-то реальное, нужно физически находиться в Москве и дерзать. Я у тебя есть! Я помогу...

Кастрюлькин записал свой телефон на салфетке, присовокупив московский адрес. Расстались мы нескоро, препятствовали тому нескончаемые вскидки на посошок...

Отправила своих детей на постоянное место жительства в Москву моя директриса Зоя Михайловна Любимова. По программе переселения уехала в Липецк моя старшая дочь. Уже давно снесли «Камыши». Варварски обобланили сквер в центре Ташкента... («Порубили все дубы на гробы...»). У меня же с отъездом всё как-то не складывалось. Постоянно возникали препятствия: то младшую дочь необходимо было доучить, то вдруг «корыто» попадалось благодатное и начинал подумывать: «А оно мне надо? И здесь совсем неплохо...» Потом, тут приятели по творческому цеху – тоже не последнее дело... Но главной причиной боязни переселения был, пожалуй, беспощадно подпирающий возраст...

Случайно, а может, по фатальной неизбежности, я снова встретился с Кастрюлькиным.

– А ты всё чешешься?.. – вопрошает Кастрюлькин. – Так ты никогда не уедешь! Нужно отрешиться и рискнуть... Кто не рискует, тот и водку не пьет! Гляди на меня. Мне, правда, помог случай. Я вцепился в него и ни о чем не жалею. Я твой шанс, Колек! Теперь я перебрался в Сергиев Посад – дом на земле унаследовал от отца. Тихо-тихо расширяюсь, возвожу дополнительные пристройки... Работаю, как это у нас называется, на удаленке. В Москву навещаю только для собеседования с заказчиком. Все остальные

функции выполняет электроника... На, держи, – Кастрюлькин протянул визитку с адресом электронной почты. – Выходи на связь. Торопись, пока я ещё кое-что могу...

Вскоре, как-то скоропалительно стал собираться в Россию еще один мой друг Наиль Надуллин. Откровенно говоря, я полагал, он никогда не уедет. Работа у него была творческая, доходная, не предполагающая возрастных границ. К тому же уж очень крепко он врос корнями в свою дачу. Не дача – дворец! Всё в неё, в неё, любимую. А тут, на тебе, контейнер собирает...

– Эх, старик... Жена, дети в Москве, что я здесь буду прозябать в одиночестве? А возраст не срок, еще повоюем... Сын приобрел квартиру в Одинцово нам с супругой, так что пора подниматься. Как устроюсь, я вышлю тебе свой телефон по электронной почте... Приедешь, вместе будем пробивать дорогу. Рано или поздно и вы двинете, раз говоришь, что дочь уже перебралась в Москву.

– Да, дорогой друг, теперь уже недолго осталось. Жена с младшей дочерью подала документы по программе переселения...

– Не понял, а ты что, остаешься?

– Нет, брат, я поеду сам по себе...

– Как так?

– А вот так! Я родился в России, и мне гражданство предоставят в шесть секунд, – бабахнул я козырем остолбеневшему другу.

Теперь уже дольше обычного просиживал я в интернете, рассылая друзьям электронную корреспонденцию. То посылал письмишки с вопросами, то справлялся о здравии, а то отстукивал всякого рода поздравления с неперенными заверениями, мол, скоро объявлюсь, если не в Москве, то в Подмоскovie точно. «Рад буду, друзья-товарищи, обнять и облобызать вас, мои дорогие...» Друзья не менее щедро заверяли меня в ответных чувствах и тоже с нетерпением жаждали встречи. Алексей Обнималин прямо так и заверил: «Николай, приезжай, мы вместе замути́м нечто грандиозное...»

С огромным сожалением расстался я со своей узбекской братией и, отметив это дело теплым застольем, шагнул в неизвестность...

К тому времени через ипотечное кредитование дочь приобрела квартиру в милом подмосковном городке Дмитрове. Сияющий златоглавыми куполами кремля, пленяющий лесопарками и размеренностью бытия, Дмитров мне сразу пришелся по душе. Но лирика была не ко времени. Нужно было обустроить квартиру, получить гражданство, все вырисовывалось не столь радужно, как я предполагал.

Выехав как-то по делам в Москву, не в силах больше сопротивляться свербившему нетерпению, я позвонил Алексею Обнималину. Кастрюлькина оставил на десерт. Думаю, не всё разом, надо по порядку, с интервалами, чтобы организм не захлебнулся от избытка радости. Как же, столько не виделись...

– Привет, Леха! – кричу в трубку, а у самого голос перехватывает от волнения. Еще бы! Авторитетный дизайнер, промоутер, фотохудожник, в общем, центральной столицы. Даже и не знаю, кто знаменитее, Никас Сафронов или мой друг?!

– Узнаешь?..

– Нет. Кто это? – с некоторой настороженностью отзывается трубка.

– Да это я, Николай, – тороплюсь обрадовать друга, понимая, что ему не упоминать тембры сотен ежедневно звучащих голосов... – Николай из Ташкента, узнал?..

– А-а-а... кажется, узнал, – в трубке прозвучала выжидательная протяжка.

Я понял, происходила идентификация голоса.

– А, из Ташкента! Узнал-узнал, как же... Откуда звонишь?

– Вот недавно определился в России... Сейчас нахожусь в Москве, решил позвонить, – информирую я друга. – Может, встретимся?.. – ненавязчиво предлагаю я, чтобы оставить другу путь к отступлению.

– Ой, Николай, с бабками у меня сейчас туговато... Вкалываю, некогда расслабиться. А ты где?

– Неподалеку от станции метро «Свиблово», заезжал к знакомым, – дабы не конфузить друга, объясняю я свой ни к чему не обязывающий звонок.

– Я из центра, с Калининского проспекта, перебрался... Теперь моя мастерская на «Академической», от «Свиблово» это совершенно в противоположном направлении. Далеко!.. С удовольствием бы с тобой пообщался... вспомнить молодость, эх, золотое было времечко! Не обессуди, работа срочная... Давай в следующий раз как-нибудь пересечемся. Я разгребу дела, сам тебе позвоню. Давай, дружище...

«Вот и “замутили”...»

Бродя по бесконечным дорожкам между павильонов и фонтанов ВДНХ и намяв изрядно ноженьки, мы с женой присели передохнуть.

– О-о-й, как ноги гудят, – без упрека пожаловалась супруга и, улыбнувшись, добавила: – Смотри, молодежь катит на каких-то странных колесиках... Пожилые и детвора едут в вагончиках, а мы все пехом...

– Экономим средства, укрепляем здоровье, – не теряя присутствия духа, отозвался я. – Духовная пища вперемежку с променадом – никаких диет от Малышевой не понадобится.

– Передохнем да двинем в сторону дома.

– Погоди, погода благоприятная, далеко не вечер. Позвоню-ка я своей племяннице Елене, она же, бедняжка, сном-духом не ведает, что её родной дядька в России, да к тому же под боком – в столице.

– Да брось ты! Нужно заранее договариваться, мало ли какие у неё дела...

– Вот и договоримся. Уже скоро месяц в России... Раньше, бывало, только нагряну в Москву, позвоню ей, они с Сергеем тянут меня к себе... «Гостиница гостиницей, а нас уважить должен...» Ну и уважались... грех душой кривить. Сергей правильный мужик и не скряга, добро помнит. А сама-то помнишь? – я обнял жену, приглашая её в наше общее далеко. – Помнишь, как наезжали к ним в Жуковский? Сергей был тогда бедным студентом, а Ленка сидела с ребенком. Набирали в гастрономе всяких вкусностей, которые им тогда были не по карману. Вот теперь, как видишь, живут в Москве... Сергей работает не то в департаменте, не то в казначействе. Забурел...

– Ты думаешь, ему сейчас до тебя? – усмехнулась жена.

– Не знаю... Только, когда я приглашал его на проходившие в Москве туристические ярмарки, перелистывая мои журналы, он с явным восхищением говорил: «Николай, какого хрена ты там забыл? Тебе нужно быть здесь, в Москве...»

– Коля, время меняет людей...

– А вот мы сейчас и проверим, – я набрал номер телефона племянницы.

– Привет!

– Дядя Коля, ты где? В Москве?

Сияющий как самовар, я состроил супруге физиономию, мол, узнала, помнит дядьку...

– Вот переехали с семьей в Россию на постоянное место жительства.

– Решились все-таки... Где сейчас?

– Гуляем по Москве, забрели на ВДНХ вспомнить молодость.

– Да-а-а... Пожалуй, минуло лет двенадцать-тринадцать, как ты был здесь в последний раз. Когда к нам? Правда, Сергей сейчас в командировке в Лондоне.

– Угу... Он там, полагаю, уже и с Биг-Беном запанибрата, только разве по кабакам вместе не шляются по причине великовозрастности Бена, – неуклюже пошутил я. – Лондоны, Парижи...

– Да уж... Амстердам упустил, дядя, – смеётся племянница. – Дочь наша учится в Голландии. Сергей периодически туда навещается.

– Что ж, поздравляю! Рад, что у вас всё «вэри гуд», – присовокупил я к теме по-английски.

– Спасибо. Когда вас ждать?

– Теперь, наверное, по приезду Сергея... – слыша нотки озабоченности в голосе племянницы, пришел я ей на помощь.

– Хорошо, договорились. Я вам позвоню...

Женушка обласкала меня недвусмысленной усмешкой.

Днями позже позвонил Сергей. Признаюсь, я тоже не узнал его по голосу. Располагая врожденной учтивостью, я не стал спрашивать, с кем имею честь... Окольными путями, вставляя имена вероятных общих знакомых и прислушиваясь к окраске голоса, я стал методично вычислять абонента. По какой-то случайности имена совпали, но биографически мои вычисления не имели отношения ни к одному из них...

– Алексей, ты? – принимая желаемое за действительное, воскликнул я, остановившись на своем московском друге.

– Да нет же. Сергей, муж Елены, – после получасовой беседы недоуменно возвестил он.

– Я понял. Просто оговорился, – соврал я для приличия. Чтобы быть наиболее убедительным добавил: – А ты всё в Лондоне?

– Да. На днях вернусь... Елена говорит, что надо бы встретиться, – непроизвольно высказал Сергей свое расположение. Затем, спохватившись, добавил: – Приеду, перетрем с супругой и определимся. Давай, до встречи...

На неделе позвонила Елена и без лишних экивоков предложила встретиться:

– Давай, дядя Коля, встретимся в Жуковском, у матери Сергея. У его отца поминки, сходим на кладбище, посидим...

Такая встреча мне показалась удручающей и не соответствующей моменту. Сославшись на уйму работы по дому, я вежливо отказался...

Пришло время осчастливить Кастрюлькина.

– Всё, прибыл Володя. Снимаем площадь в Дмитрове, занимаюсь узакониванием статуса и ремонтом своей ипотечной квартиры.

– Ты, Колек, если что выберешь: унитаз, ванну, строительные материалы, машину – не нанимай. Звони мне, я разом приеду. Всё, что понадобится, отвезу сам...

– Вот друг! – говорю я зятю. – Ни полслова не попросил, а он сам: давай, давай, сердобольная душа... Даже совестно было заявлять, что машина у нас своя. Не хочется обижать парня. Уж очень беспокоится, сердечный...

Зять криво ухмыльнулся.

Теперь мы с Кастрюлькиным частенько зависали в сети. Я консультировался по вопросам ремонта. Он отзывался советами. Рассказывал, как с мужем своей сестры, прокурором, устраивали оргии на даче, как ездил по грибы, на рыбалку, а там само собой – святое дело... Вкусно говорил. Звал к себе. Я отнекивался, ссылаясь на ремонт. Дел было и в самом деле невпроворот. Кастрюлькин больше с услугами не навязывался, да и я ни о чем не просил. Так и сосуществовали, обходясь телефонной связью. Однажды он резанул, так резанул:

– Колек, – говорит, – смотрю я на свою занесенную снегом тачку и думаю: а не сменить ли мне её? Восемь лет служила верой и правдой... Но ведь устарела голубка. А что, ежели поехать в Москву да взять новёе и закатить к тебе в Дмитров на новой колымаге? Забрать тебя, братан, и ко мне. Как думаешь?

– Ну, Володя, у богатых свои причуды. Как знаешь. Ты с прокурорами якшаешься. Я не знаю, смотри сам...

Вова не сдержал слова. Машину не поменял и ко мне не заехал... Говорит, банк лопнул с его вкладами, а лайба еще и эта послужит. Созваниваться мы стали все реже...

Под новый год как дед мороз прикатил из Ташкента Николай Сидоренко. После нашей знаменитой поездки к Эдику Нурханову он предложил мне для более тесного общения с друзьями зарегистрироваться на Facebook. Мне идея понравилась, хоть я в этом не волоку, но зять помог, и всё сладилось. Ой как интересно стало! Первым, кто вышел на связь – американец, мой однокашник по институту в Ташкенте. Обменялись приветствиями с заатлантическим другом. Восторгу...

«Наконец-то я тебя нашла...» – не скрывая эмоций, пишет мне давняя подруга по Бенькову Инна Давыдова, уехавшая в Москву еще в советское время. Обменялись с ней обоюдными восторгами, воспоминаниями молодости и телефонами.

– Коленька, – звонит она, – я днями буду в Ташкенте, очень хочу увидеться с тобой. Как прилечу в Ташкент, я сразу дам тебе знать...

– Очень рад, дорогая, но я нахожусь в России, неужели ты не поняла по комбинации цифр телефона?

– Ох и глупый же ты, Горемыкин! Разве мне до цифр, когда я после стольких лет снова тебя обрела...

Насчет «обрела» я ухмыльнулся в душе: «В шестьдесят семь, какие уж чувства... Так, одни уголёчки...» Тем не менее, ответил:

– Я тоже несказанно рад. Но живу я в Дмитрове...

– Как жаль, – заявила она, – я так рассчитывала на встречу...

– Но, наоборот, я же здесь, рядом! Увидимся...

– Ничего ты не понимаешь, Горемыкин...

Благодаря Сидоренко и Facebook мое общение с ташкентскими друзьями заметно уплотнилось. Я часто заваливал их поздравлениями, информацией о себе. Хоть и без особого рвения, но и они отвечали. «Очевидно, некогда...» – оправдывал я их неаккуратность.

С моим дорогим татаринцом Наилем Надуллиным мы общались тесно как в интернете, так и по сотовой связи.

– Как дела, старик? Заглядывай ко мне в Одинцово.

– Нормально. Как только – так сразу...

К моей радости прибыла на постоянное жительство – воссоединение с семьей – Зоя Михайловна. Теперь у меня появился соратник по обретению гражданства. Мы делились информацией и периодически наезжали друг к другу в гости.

Очевидно, мучаясь угрызениями совести, как-то позвонила племянница:

– Давай, дядя Коля, бери свою супругу и завтра к нам...

Сославшись на недомогание, жена отказалась. Я поехал один, не отменять же мероприятие, когда племянница уже стол сварганила...

– У-у-у! – изумился я видом снеди.

– Что, присядем, дядя Коля, или подождем Сергея с работы?

– Конечно присядем, дорогая! А то всё заветрится, зачерствеет, градус утратит...

– Но у меня только вино. Ты же вино не пьешь. Сергей привезет коньяк... Давай сходим в магазин, он у нас прямо под домом.

Указав на обширный ассортимент в магазинчике, Елена вопрошает:

– Ну что, дядя, желает твоя душенька?

Я, как некогда ее Сергей, опустил очи долу и говорю:

– На твое усмотрение, дорогая.

– «Русский стандарт» устроит?

Я кивнул головой.

– Ноль пять, ноль семь?

– На твое усмотрение, – скромно отозвался я.

– Ноль семь осилишь?

Я пожал плечами.

– Как пойдет... По-любому отопью... Бери ноль семь, чтобы потом не бегать...

Я не заметил, чтобы Сергей по прибытии был излишне эмоционален в выражении чувств. Улыбнулся в рамках приличия согласно своему положению и пожал протянутую мною руку. За столом потягивал принесенный коньяк – пить водку не позволял статус. Из учтивости задавал обычные в таких случаях вопросы, ответы на которые пропускал мимо ушей...

– Значит, прибыли... Так, значит, все-таки надумали...

Признаться, мне стали надоедать его тяготято-покровительственные расспросы. Покончив со своей водкой и перейдя на коньяк Сергея, я начал контрнаступление.

– Короче, ты можешь как-то поспособствовать в моей ситуации, помочь с работой? Ты же прежде так живо выстраивал перспективы...

– Дело в том, Николай, что ведомство, которое я имею честь представлять, не нуждается

в услугах ни дизайнера, ни художника. Так что прости, как говорится, рад бы да, к сожалению, пока ничем помочь не могу... Вот стану управляющим или министром, тогда и посмотрим...

По-моему, первый раз за весь вечер искренне хохотнул он.

– Давай, за успех...

За чей успех – я так и не понял? Дальше почти как у Высоцкого: «Я всё больше хмелел, он за мной по пятам...» Но в конце, став не в меру ершистым, я обидел его, сказав:

– Хорек, никогда ты не будешь министром...

После такого незабываемого визита, племянница обменивалась со мной лишь эсэмэсками.

– Минул уже год как я в России, а ничего не выстраивается... Работа не интересная, зарплата маленькая... Всё время уходит на дорогу... С сожалением вспоминаю свою ташкентскую востребованность и престижность положения, – выговаривает младшая дочь.

В большей степени укоры дочери я принимаю на свой счет – не подсуетился, не помог, несмотря на многочисленность друзей. Как ей объяснишь, что друзья, они тогда друзья, когда ты им нужен, а не наоборот. Когда даешь, а не просишь...

– Есть у меня друг. Как я слышал, уже давно живет и работает в Туле. И, по-моему, не последний человек в тамошнем университете. Не то педагог, не то заведующий кафедрой, точно не ведаю... – пытался я поддержать дочь, вспомнив архитектора Исаака Кренделя. – Он много старше меня, но вполне деятельный. В свое время в Ташкенте рекомендовал меня в Союз художников... Может, и теперь поможет...

Обнадежив заверением дочь, я принялся через общих друзей выискивать координаты Кренделя. Благо, существует Facebook.

По цепи благодушных людей тульского вуза я вышел все же на стационарный телефон кафедры.

– Это я, Горемыкин Николай, – ответил я на неоригинальный вопрос Кренделя.

– Ты как меня нашел?

– Через добрых людей, – веселился я в трубку.

– Николай, у меня занятия...

– Да я хотел переговорить с тобой относительно младшей дочери, – зачистил я, озабоченный лимитом времени Кренделя, – она архитектор... Если есть возможность, поспособствуй... Ладно, это длинный разговор, дай номер своего мобильного я перезвоню. Поговорим обстоятельно...

– У меня нет своего телефона, – огорошил Исаак.

– Как!?

– Вот так... Нет! Давай, говори свой номер, я сам, как найду возможным, тебе позвоню.

Я продиктовал комбинацию цифр, сокрушаясь в душе: «Какой бедный человек, уже двадцать лет в России, а мобильного не имеет... Нет, совестно напрягать человека в таком положении. Пожалуй, больше не буду беспокоить...»

Похоже, Крендель, жалея меня, принял точно такое же решение...

К Наилу Надуллину я все-таки питал особое расположение. Незлобивый, отзывчивый человек: я ему позвоню – он отзовется... Я над ним пошучу прихотливо – он пожурит и опять сияет... Встретиться с ним всё никак не представлялось возможным, как в том анекдоте: Ванька дома, Маньки нет, Манька дома, Ваньки нет... Вот и решил я, как это сейчас модно выражаться, приколоться над ним. Заодно, думаю, проверю его товарищескую участливость, в полной мере почувствую локоть друга. Звоню ему как-то поздно вечером:

– Наиль, – говорю, – я тут у тебя под боком, – в Одинцово.

– Рад слышать, – отвечает друг, – заходи, сейчас чаек организуем... Запоминай адресок, диктую...

– Ты погоди, родимый. Это я тебе сейчас адрес сообщу, – упрядаю я его. – Повязали

меня «волки» позорные. Упекли в полицейский участок в твоём гребаном Одинцово. Сам произвожу шумовые эффекты, трубкой к телевизору тычу: «Ну всё, хана тебе, сучара, на полицейского руку поднял...» – вопит канал НТВ.

– Да ты сам ментяра поганый... Не тронь трубку! У меня есть право на один звонок, – кричу я в унисон киношному менту и создаю впечатление возни. – Сейчас придет мой друг, он вам устроит... Он самый главный в вашем недоделанном Одинцово. – Затем, как бы улучая момент, спешно шепчу Наилю: – Давай, братэлла, бери бабло и дуй в участок, надо меня выгаскивать... Надеюсь, ты не оставишь меня здесь париться?

– Ты что!? Откуда у меня бабки, – слышу в трубке испуганный голос друга. – Я пенсионер, у меня лишних денег нет... Вижу, влип ты крепко, выпутывайся сам... Это тебе не Узбекистан, – в трубке последовал отбой.

Через неделю Надуллин позвонил, но сразу же предупредил, что он находится в Шатуре. «Опасается, вдруг подвяжу...» Не мог я удержаться, слыша его участливо-осторожный голос, и раскололся насчет шутки с полицией. Похоже было, что он посмеялся, но с тех пор в гости меня звать перестал...

Ослабели морозы, но чувство дружбы только крепчало к моему закадычному другу Володе Кастрюлькину. Однажды так захолонуло сердце, мочи нет. Захотелось общения с Кастрюлькиным воочию, как раньше бывало... да под закусточку, с доброй наливочкой... Звоню:

– Привет, Кастрюлька! – из избытка чувств обкладываю его студенческой кличкой. – Увидеться бы?..

– Колек, молчи! – пугает он меня своим заявлением. – Молчи и слушай, страшно хочу тебя видеть... Сиди, где сидишь. Я поутряни разогреваю свою старушку и мчусь в Дмитров. Забираю тебя и как почетного гостя доставляю к себе, в Сергиев Посад!

Я многозначительно обвел домочадцев взглядом: «Вот это дружок! И придет, и заберет, и доставит...»

Встретившись с Кастрюлькиным в условленном месте, я заташил его в свою квартиру, чтобы он оценил ремонт. Володя окинул её взглядом профессионала, назвал ремонт нормальным, однако не удержался от некоторых советов. Я кивал головой, мол, всё еще впереди – будет тебе белка, будет и свисток. К радости жены, он мешкать не стал, скомандовал: «Вперед...»

Открыв высокие, как и весь забор, ворота, Владимир вкатил свою старушку Opel во двор. Домик Кастрюлькина, несмотря на пристройку, казался небольшим. Он стоял на высоком фундаменте, на сваях, чего я раньше не встречал. В дом, как в терем, поднялись по высокой лестнице. Наверху нас встретил юноша лет тридцати.

– Мой сын Игорь, – представил хозяин. Затем повел меня по комнатам. Показывал новые помещения и старые – те, что предстояло реконструировать.

– И сауна, и банька, и ванна... – умилился я. – Красота! Кучеряво живешь. Если довести до ума остальную площадь, лучшего и желать не надо...

– Признаться, нам с сыном пока и этого хватает... Остальное со временем. Жена-то моя умерла, а новой обзаводиться не спешу, – как когда-то доверительно шепнул Володя на ухо, – мне и двух любовниц вполне достаточно...

Я потупился, не зная соболезновать или поощрить его настоящий уклад... Посему понимающе кивнул головой и промолчал.

– Летом оборудую парники, – ткнул Володя в выходящее на задворки окно, – огурчики, помидорчики, сам понимаешь.

Кастрюлькин показал свой рабочий кабинет, напичканный электронной аппаратурой.

– Вот здесь я творю, так сказать...

Я вспомнил, что на флэшке у меня записан мой портфолио.

– Володя, друг, – дернул я Кастрюлькина за рукав, – позволь, я сброшу свой портфолио к тебе на рабочий стол. У тебя же валом именитых друзей, при случае покажешь мои скромные наработки, а то я болтаюсь как неприкаянный...

– Конечно, старик, не можно, а нужно! Конечно же я при случае заявлю о тебе, как и обещал...

Несмотря на экспансивность, заверения Кастрюлькина звучали неубедительно, больше походили на отговорку, чем искреннее участие. «Да не суетись, я не принождаю, Вова...»

Под конец экскурсии Кастрюлькин провел меня в довольно обширную кухню, где резво сновал Игорек. Как я понял, кухня служила и столовой, и гостевой, о чем красноречиво свидетельствовал раздвижной уголок-диван. Стол аппетитно пыжился всевозможными закусками: огурчики, помидорчики, грибочки, мясные ассорти... Кастрюлькин извлек из холодильника объемный штоф с содержимым рубинового цвета.

– Наливочка собственной рецептуры, – рекомендовал он, наполняя рюмки.

Пили и закусывали под замусоленные тосты... Я неустанно ташил Кастрюлькина в давние годы юности, он не противился воспоминаниям, но отзывался сухо, без особых эмоций. Я понял, что за столом нахожусь один... Пили много, но возлияние отнюдь не способствовало сближению. Сговорившись на следующий день посетить Троице-Сергиеву Лавру, хозяин расстелил мне постель на угловом диванчике, с тем и расстались до утра.

От любезного предложения похмелиться я отказался, дескать, в храм хожу только тверезый. Вова хмыкнул:

– Не думаю, что это самый страшный грех среди вереницы прочих, о которых мы помышляем и совершаем... «Я не принадлежу к тем, кто, почитая крест, не видит на нем человека...» – изрек Кастрюлькин. – Как знаешь, – и опрокинул шкалик...

В Лавре Владимир был более чуток, взял на себя роль чичероне. Привел исторические справки, посвятил в связанные с обителью легенды. Поставили свечи, припали к мошам Сергия Радонежского. Я испил и наполнил святой водицей баклажку с крестом, принесенную Кастрюлькиным из церковной лавки. «Потеплел, болезный...» – порадовался я.

Дома, во время застолья, Кастрюлькин приводил соблазнительные доводы, чтобы оставить меня погостить долее. «Оттаял, любезный...» Однако телефонный звонок моей жены расставил всё по местам:

– Ты долго собираешься там торчать?

– Вот, Володя уговаривает остаться... – несмело пробормотал я.

– Ага, наведете там баб полный дом. Знаю я вас... Живо собирайся и дуй домой!

Я сконфуженно взглянул на хозяина:

– Против таких аргументов не возражают...

По своему смартфону Володя пробил расписание автобусов до Дмитрова и, выведя меня за ворота, напутствовал:

– Давай, Колек, дорогу теперь ты знаешь – приезжай сам. Провожать не буду, – снова, как циркулем, замкнул он круг отчужденности.

Кастрюлькин мне больше не звонил. На мои звонки чаще отвечал автоответчик: «Абонент временно недоступен...» Случалось, когда я пробивался через электронные кордоны, особо не заморачиваясь изобретательностью, Вова отвечал: «Был в Ташкенте у мамы...» или «Находился в роуминге...» Боясь оказаться навязчивым, я тоже перестал звонить. Зять, ведая историю моих отношений, лыбился: «А что я вам говорил...?»

Да, кто-то что-то когда-то говорил...

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

* * *

В принятой по инициативе Президента нашей страны Шавката Мирзиёева Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 годах определены масштабные цели по сферам культуры, науки, литературы и искусства.

В рамках данной стратегии Национальной ассоциацией электронных средств массовой информации Узбекистана при сотрудничестве с Центром «Стратегия развития», Академией наук, Академией художеств, представителями ЮНЕСКО и Фонда имени Конрада Аденауэра (Германия) в нашей стране **15–16 мая 2017 г.** (Ташкент – Самарканд) был организован международный конгресс «Культурное наследие Узбекистана – путь к диалогу между народами и странами», посвященный сохранению и изучению культурного наследия и популяризации богатого культурного вклада народа Узбекистана в общечеловеческую цивилизацию. В нем приняли участие ученые, руководители международных организаций из США, Великобритании, Китая, Германии, Нидерландов, Японии, Индии, Турции, Польши, Франции, России, Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, представители дипломатического корпуса, эксперты.

* * *

21 апреля 2017 года в ООО «Китоб олами» редакция журнала «Звезда Востока» с коллективом авторов (Р. Крапаней, А. Даниелян и др.) в исполнение Распоряжения Президента РУз «О создании комиссии по развитию системы издания и распространения книжной продукции, повышению и пропаганде культуры чтения» от 12 января 2017 г. провела творческую встречу с читателями, учащимися колледжей и лицеев Ташкента.

* * *

22–25 мая 2017 года в связи с 20-летием журнала «Жахон адабиёти» Союзом писателей Узбекистана, редакцией и авторами журнала «Жахон адабиёти» были проведены творческие встречи в Каршинском, Самаркандском, Бухарском университетах при участии председателя СП Узбекистана Мухаммада Али, академика Б. Назарова, главных редакторов журналов «Жахон адабиёти» (Ш. Ризаев), «Шарқ Юлдузи» (С. Рауф), поэтов Ш. Салимовой, У. Абдуазимовой, Абдуллы Шера и др.

* * *

27–28 мая 2017 года в Самаркандском государственном университете прошли Дни русской поэзии, организованные Самаркандским обществом преподавателей русского языка и литературы (СОПРЯЛ), в которых приняли участие редакторы журналов «Звезда Востока» (Панченко К. И., Юрченко Е. А.) и «Восток свыше» (Шахназарова Л. М.), ташкентские поэты В. Осадченко, Б. Ахмедов, О. Цай, Н. Белоедова, переводчики (А. Дадаева), молодые прозаики (М. Кажгалеев), редакторы Самаркандских СМИ, ученые, преподаватели, студенты вновь открывшегося факультета русской филологии.